Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 20 31 ОКТЯБРЯ № 20

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 8
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
„ПРАВДА"

Главлит № А—24762 Тираж 75.000.

Типография газеты „Правда“. Москва, Тверская, 48.

К итогам пленума МК и МКК.

Обращение ЦК ВКП(б) ко всем членам Московской организации и решения последиего Пленума МК и МКК имеют огромное общепартийное значеиие. Они означают мобилизацию сил не только Московской организации, но и всей партии иа борьбу с правой опасностью и примиренческим отношением к ней. По всем ячейкам Московской организации выносятся решения, полностью одобряющие обращение ЦК ВКП(б), призывающие к дружному и систематическому отпору оппортунистическим шатаниям и колебаииям, проявляющимся в отдельных звеньях партии. Такие же заявления поступают от парторганизаций всего Союза: из Украииы, Сибири, Урала, Кавказа и т. д. По всей партии прокатилась волна идеологической встряски, более четкого осознания стоящих перед партией задач, проявления большевистской непримиримости к уклонам от ленинской линии и мобилизации сил на большевистское преодоление выявившихся трудностей.

Последиие годы партийной жизни характеризовались обострением борьбы партии против троцкистской идеологии, против антипартийных уклонов новой оппозиции. В этой борьбе партийные массы приобрели основательную закалку против левой фразы троцкизма, прикрывавшей правую оппортунистическую сущность его политической линии. Вся партия в основном поняла, что установка троцкизма есть установка неверия в победу социализма в нашей стране, есть проявление паники перед трудностями, что троцкизм означает политику отчаяния, обусловлениую неправильным понимаиием взаимоотиошений рабочего класса и крестьянства в нашей стране.

«Мы гибнем, нужно порвать порочный круг совремеиного состояния страны, нужно сделать сверхчеловеческий прыжок вступить на путь сверхиндустриализации, не боясь разрыва с крестьянством» и т. п.,—таков мотив троцкистского анализа и предсказаний.

Партия единодушно отвергла эту политику неверия, отчаяния и авантюризма, политику, неизбежно обрекавшую пролетарскую революцию на поражение. Левая фраза была разоблачена, троцкизм голенький был вышвырнут в мусорный ящик истории. И хотя еще и теперь в жизни партии проявляются отдельные элементы троцкизма, но это только осколки разбитого наголову оппозициониого блока, это отголоски, не имеющие будущего.

В течение прошедшего периода (до XV с'езда), оппортунизм выступал главным образом в форме троцкизма, под маской левых фраз. Против него был сосредоточен наш сокрушительный огонь. В настоящее время оппортунизм выступает, как правый уклон в нашей партии, открыто выявляя свою мелкобуржуазную сущность, свои буржуазно-демократические тенденции.

Мы вступили в период реконструкции народного хозяйства всей нашей страны. Это означает:

Во-первых, усиленное развертывание новой технической базы современного крупного производства как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, претворение в жизнь формулы Ленина: «Социализм—это советская власть плюс электрификация».

Во-вторых, усиление руководящей роли промышленности по отношению к сельскому хозяйству, не только обслуживание его потребительских, но именно все более широкое обслуживание его производственных потребностей (в сельскохозяйственных машинах, продуктах химического производства и т. д.).

В-третьих, социалистическую реконструкцию самого сельского хозяйства на базе новой техники через развертывание производственного кооперирования, строительства колхозов и крупного государственного земледелия (совхозы).

В-четвертых, усиление наступления на капиталистические элементы хозяйства и рост их активного противодействия социалистическому наступлению. Если строительство социализма означает в конечном счете изживание классов, то современный этап реконструктивного периода означает неизбежное о б о с т р е н и е к л а с с о в о й б о р ь б ы в нашей стране, при чем активизация буржуазных элементов получает поддержку в обострении борьбы международного капитала против СССР.

В-пятых, период реконструкции означает одновременно на современном своем этапе заострение трудностей: ярче сказываются узкие места нашего хозяйства (металлургия, строительные материалы, зерновое производство, наличие товарного голода, напряжение бюджета и т. д.).

Наличие этих трудностей в условиях обостренной классовой борьбы, при росте активности и оформлении буржуазной идеологии, усилении противодействующей силы мелкобуржуазной стихии, вызывает ряд колебаний и в отдельных прослойках рабочего класса, а также нашей партии.

Паника перед трудностями приводила троцкистов к политике отчаяния, к сверхиндустриалистскому авантюризму и т. п. Испуг перед трудностями приводит правые элементы нашей партии к б е г с т в у перед трудностями, отступлению перед ними. Правые элементы нашей партии, поддавшись влиянию мелкобуржуазной стихии, стремятся тащить партию назад от решений XV с'езда и последних пленумов ЦК.

Они предлагают с в е р н у т ь т е м п р а з в и т и я и н д у с т р и и с т р а н ы, в особенности тяжелой промышленности, они недооценивают значение обслуживания производственных нужд деревни в деле смычки рабочего класса с крестьянством, напирая на производство предметов широкого потребления (ситец и т. п.), они о т о д в и г а ю т н а з а д н и й п л а н д е л о к о л л е к т и в и з а ц и и д е р е в н и, строительство совхозов, они закрывают глаза на происходящий в стране процесс обострения классовой борьбы.

В основе этих тенденций лежит то же самое шарахание в сторону от трудностей, как и у троцкизма. Троцкизм, не веря в возможность победы социализма в нашей стране, предлагал политику, явно обрекающую рабочий класс на поражение. Правый уклон, испугавшись трудностей, предлагает политику, означающую усиление позиций капитализма в ущерб базе социализма, политику, которая облегчает возврат страны к капитализму. Отсюда совершенно понятно все политическое значение, которое партия придает борьбе с правым уклоном и примиренческим отношением к нему, ибо, не поборов примиренческого отношения к уклону, нельзя побороть самый уклон.

Между тем, в партии встречаются товарищи, которые склонны трактовать вопрос о борьбе с правым уклоном, как несерьезный, не стоящий большого внимания. На самом пленуме МК и МКК выступили отдельные, даже руководящие, товарищи, проявляющие скептицизм к той мобилизации сил партии против правого уклона, которую проводит центральный орган партии «Правда».

Что вы все говорите об уклонах, зачем-де заниматься этой политической трескотней, лучше направить все внимание на практическую работу, а не заниматься там какими-то еще правыми уклонами,—таков был смысл некоторых выступлений на пленуме МК.

Никто, конечно, в нашей партии не против максимально деловой установки, но нужно поистине скатиться в болото деляческтва и потерять всякое революционное чутье, чтобы не учитывать всей политической значимости ясного понимания партийными массами, тем более руководящими органами парторганизаций, основного н а п р а в л е н и я работы партии и пролетарского государства. Это значило бы плыть по волнам, «без руля и без ветрил», это значило бы отрицать необходимость р е в о л ю ц и о н н о й т е о р и и, освещающей путь борьбы пролетариата. Такая установка—особенно в теперешний период обострения и усложнения классовой борьбы,—не может не привести к скатыванию в оппортунистическое болото. Такая установка разоружает авангард пролетариата в борьбе с классовым врагом. Пленум МК дал этим настроениям решительный отпор.

Находятся порой и товарищи, которые считают, что заострение борьбы с правой опасностью вызвано исключительно явлениями в Московской организации. Само обращение ЦК ВКП(б), хотя и направленное к членам Московской организации, дает достаточно ясное

отрицание такой установки, такой «московской ограниченности». В этом обращении указывается на неоднократные напоминания ЦК о необходимости борьбы с открыто-оппортунистическими уклонами, например,—на февральское письмо ЦК о хлебозаготовках, на постановления апрельского и июльского пленумов ЦК. Серьезность вопроса заключается именно в том, что вообще в нашей партии не осознана отдельными прослойками вся необходимость борьбы на два фронта: не только против троцкизма, но и против открытого оппортунизма, против правого уклона. Разве в деревенских партийных, а также комсомольских ячейках нет уже элементов, «не видящих классов в деревне», желающих жить в мире с кулаком, не дающих кулацким поползновениям решительного отпора? Разве в фабрично-заводских ячейках нет элементов, стремящихся улизнуть в какую-либо щель от трудностей вместо того, чтобы мобилизовать рабочие массы на их преодоление, нет элементов, которые не дают (или не умеют давать) должного отпора просачивающимся и в рабочую массу отдельным мелкобуржуазным настроениям и колебаниям? Совершенно бесспорно, что такие элементы имеются и в деревенских и в фабрично-заводских ячейках, что нестойкие элементы имеются отнюдь не только (и, быть может, не столько) в Московской организации, но и в ряде других парторганизаций. Разве, например, смоленское, сочинское, артемовское и т. п. дела не показали наличие правой опасности, как подосновы наблюдавшихся в этих организациях нездоровых явлений? Несомненно, что, в этих организациях была потеряна в известной мере классовая чуткость, пролетарская бдительность против враждебного окружения, что сами эти организации поддались разлагающим мелкобуржуазным влияниям.

Поэтому отнюдь не правильно рассматривать борьбу с правой опасностью, как специфическую задачу Москвы, не имеющую *особого значения* для всей партии.

Уроки Московской организации, последнего пленума МК имеют *общепартийное*, притом весьма большое значение. И отклик партии на обращение ЦК ВКП(б) показывает, что парторганизации всего Союза делают соответствующие выводы из уроков Москвы в целях исправления и улучшения своей работы.

Если основным политическим итогом последнего пленума МК и МКК является мобилизация Московской организации и всей партии на борьбу против правого уклона и примиренчества с ним, то его организационным итогом является развитие *внутрипартийной демократии и самокритики*.

Сентябрьский пленум МК допустил известную политическую ошибку, отдельные руководители районов углубили ее в своей практической работе. И мы видим, как низовой актив партии начинает «крыть» свои руководящие органы и требовать решительного исправления допущенных ошибок. Проводя на деле лозунг самокритики,

осуществляя методы внутрипартийной демократии, партийные массы помогли своевременному исправлению допущенных ошибок. Решения последнего пленума МК и МКК действительно отразили настроения всей партийной массы. Это находит свое отчетливое отражение и в обсуждениях ячейками Московской организации работы своего комитета. Все ячейки без исключения одобряют обращение ЦК ВКП(б) и решения пленума МК, осуждая одновременно проявленную партруководством неясность в принципиальной линии. Такое открытое выявление и обсуждение отдельных ошибок всей организацией, несомненно, в еще большей мере сплотит ее ряды и закалит в борьбе с уклонами от правильной, ленинской партийной линии. Оно поможет изжить грозившую опасность возникновения трещины во взаимоотношениях между руководящими органами и партийной массой. Взятая Московским комитетом правильная линия обеспечит восстановление к нему полностью прочного доверия всей организации.

Абсолютно не верно было бы толковать поэтому об элементах развала в руководстве Московской организации. Московская организация в целом, во главе со своим комитетом, попрежнему остается в первых рядах партии, как твердая опора Ленинского ЦК. И если пленуму МК и МКК и районным организациям понадобилось сделать кой-какие организационные выводы по отношению к отдельным руководящим работникам, заменив их другими, то это не внесло никаких заминок в жизнь организации. Наоборот, организация живет теперь здоровой, интенсивной политической жизнью, ликвидируя в своей среде всякие слухи и политические сплетни.

Бесспорно, что письмо ЦК и последний пленум МК и МКК внесли оздоровление не только в Московскую организацию, но и помогли всей партии мобилизовать силы на преодоление правых уклонов. Пленум призвал к большей бдительности все парторганизации, помог усилению работы партии по сплочению сил всего рабочего класса для большевистского преодоления трудностей, встающих на путях социалистического строительства.

Д. Баевский.

Историк-большевик.

«Не потому появился на Руси марксизм, что Плеханов нашел досуг для прочтения в подлиннике произведений Маркса,—а Плеханов стал их изучать потому, что налицо уже было русское рабочее движение, понять и осмыслить которое, руководить которым, не прочтя Маркса, было нельзя»

Это меткое замечание принадлежит М. Н. Покровскому. Что в основе плехановского марксизма лежала не книга, а революционная практика, потребность в теоретическом вооружении для руководства движением нового революционного класса—пролетариата—это безусловно верно. Но верно ли, что в с е марксисты пришли к марксизму не «от книги». Ведь не мало есть видных «марксистов» и на пушечный выстрел не подходивших ни к революционному движению, ни к пролетариату. Не мало есть «марксистов», пришедших к марксизму «от книги». В России одно время было массовым явлением нарождение марксистов, о которых можно было сказать:

Что ему книга последняя скажет,
То ему на сердце сверху и ляжет.

Это массовое явление, известное под названием легального марксизма, было порождено невиданным размахом революционных выступлений рабочего класса, в котором русская интеллигенция и некоторые слои молодой промышленной буржуазии были готовы видеть таран, способный пробить в стене самодержавия необходимую им отдушину. В конечном счете и здесь марксизм был порожден не, скажем, массовым ввозом в Россию марксистской литературы, а массовым рабочим движением, но это дела не меняет: легальные марксисты были литературными марксистами, черпающими марксизм из книг. Это был м а с с о в ы й «книжный» марксизм.

Легальные марксисты оказались весьма ручными марксистами. Они наилучшим образом сумели сочетать свой марксизм с довольно «умеренными» взглядами буржуазного либерализма.

Для М. Н. Покровского подобный симбиоз был невозможен. Он пришел к марксизму путем отталкивания от буржуазного либерализма. Ненависть к либералам и хорошее знание материалистической подоплеки повседневной жизни,—вот что толкало молодого Покровского к марксизму. Накануне 1905 г. он сформировался в революционного демократа и экономического материалиста. Лишь став в начале 1905 г. большевиком, приобщившись к рабочему движению, он стал диалектическим материалистом, марксистом. Таким образом, путь к марксизму М. Н. лежал ч е р е з п а р т и ю, ч е р е з п р а к т и к у революционной борьбы, повелительно диктовавшую ему овладеть марксизмом, овладеть, в частности, и для того, чтобы, дав пролетариату научное освещение русской истории, облегчить ему творить историю России. М. Н. не только историк-марксист, это историк-б о л ь ш е в и к.

Пролетарское понимание истории России, творцом которого является М. Н. Покровский, было выношено им в рядах нашей партии. Лишь проделав

вместе с ней две славные боевые кампании—революции 1905 г. и 1917 г.,—тов. Покровский создал окончательно свою концепцию русского исторического процесса.

В своем развитии, как историк-марксист, тов. Покровский, как и многие, шел от экономического материализма к диалектическому материализму. Спустить историю с заоблачных высот на землю, указать крепкую «земную» связь таких «бесплотных» исторических явлений, как идейные течения в разные эпохи, с экономикой того периода удавалось иногда и буржуазным ученым, но найти ведущее противоречие, основное противоречие, которое толкало вперед исторический процесс, им было не дано. Лишь введя момент классовой борьбы и классовых противоречий в об'яснение исторического процесса, вскрыв внутреннюю диалектику его, М. Н. Покровский стал подлинным марксистом в области исторической науки. Уменье под искуснейше сотканными идеологическими нарядами политических программ и идеологий нащупывать классовую сущность их творцов М. Н. Покровский приобрел в результате долголетней работы в рядах партии большевиков, беспощадно разоблачавшей либеральных «спасителей отечества» и мелкобуржуазных революционеров в социалистическом облачении. Ведь не кто иные, как именно большевики, сумели разглядеть приказчика промышленного капитала в П. Б. Струве, еще недавно писавшем манифест для 1 с'езда с.-д. партии.

Приобретенный в дни сражений с кадетами и меньшевиками навык—обнажать подлинное классовое лицо разных «внеклассовых идеологов»—М. Н. блестяще применил в области истории, как только смог снова вернуться к своему мирному «ремеслу». В своих научных работах 1907—10 гг. в «Истории России в XIX веке», изд. бр. Гранат, он, по словам Н. И. Бухарина, запустил «свой» отточенный марксистский клинок в самое сердце легенд о декабристах и показывает их классовое лицо помещиков, боящихся больше всего бунта крепостных.

Буржуазные историки заметили, куда идет, куда поворачивает М. Н. Покровский как историк. «Статья Покровского о Земском соборе, написанная в 1903 году, была встречена критикой, «как крупное в научном отношении произведение, отличающееся широкой постановкой вопроса и самостоятельностью исторических взглядов». Но скоро кадетские историки поняли, с кем они имеют дело. Уже статьи в «Истории» Граната, главным образом касавшиеся декабристов, вызвали ожесточенные нападки. Кизеветтер, возмущаясь «поношением памяти» пионеров русского освободительного движения», писал: «Пусть какой-нибудь декабрист-заговорщик никогда не отрешался от своих классовых предрасположений, все же это не дает основания отождествлять Каховского с гоголевской Коробочкой, сосредоточившей все свои помыслы на том: как бы повыгоднее сбыть птичьи перья, масло и яйца» [1])...

Кадет Кизеветтер отстаивал от большевика Покровского не только либеральную легенду о декабристах, он, яростно нападая на молодого историка, защищал внеклассовую, «чистую» науку.

Для Покровского работы в «Истории» Гранат были лишь отправным пунктом в марксистском исследовании ряда явлений русской истории. В это время он еще не преодолел некоторого «психологизма» в об'яснении исторических явлений. Так, усиление царской власти в конце XVIII века он об'ясняет тем, что, «не отделяя помещика от государства в самом себе, дворянин екатерининской и даже александровской эпохи не умел произвести такого разделения и в своем государе» [2]). Классовые интересы здесь еще М. Н.

---

[1]) «Под Знамением Марксизма» № 10—11, стр. 206, Н. Л. Рубинштейн «М. Н. Покровский—историк России».

[2]) Цит. по ст. Рубинштейна в ж. «Под Знам. Марксизма» № 10—11 за 1924 г., стр. 193.

подменяет классовой психологией. Вернувшись через несколько лет к этому же вопросу в III томе «Русской истории с древнейших времен» (1910—1912), Покровский замечает: «Полторы тысячи повешенных (Пугачевым. *Д. Б.*) помещиков заставили их уцелевших собратьев позабыть всякие мечтания о «властях средних» [1]), т.-е. дворянин, «свою спасая шкуру» от мужицкого бунта, должен был отказаться от попыток ослабить власть царя. Пережив и продумав великую тяжбу мужика с помещиком за землю в революцию 1905 года, т. Покровский не мог уже пройти мимо такого фактора, как пугачевщина, даже трактуя столь отдаленный, по видимости, от нее вопрос.

Еще более разительный пример эволюции Покровского как историка-марксиста представляет его оценка исторической концепции Чичерина. В 1903 г. он готов был видеть в Чичерине прогрессиста, возлагающего свои надежды на обуздание государственной властью реакционных помещиков, противящихся «освобождению» крестьян. В 1923 г. он пишет о нем, как о либеральном помещике, уповающем на сильную власть, которая поможет его классу «освободить крестьян от земли» и получить таким путем нужный помещикам «труд и капитал». Подойдя к Чичерину как к партийному (в широком смысле слова) человеку, как к боевому публицисту своего класса в 1923 г., М. Н. Покровский ставит Чичерина-прогрессиста 1903 г. с головы на ноги. Эта операция приведения Чичерина к классовому знаменателю требовала серьезного марксистского вооружения. Достаточно указать на то, что не только Плеханов, когда его марксизм был на ущербе, но и Л. Д. Троцкий, в свои лучшие времена, не распознал классовой подоплеки концепции Чичерина и пошел по проторенной им дорожке надклассового самодержавия. На примере «грехопадения» Троцкого видно, как трудно марксисту преодолеть «внеклассовое» наследие буржуазной науки. Лишь соединяя знание предмета с закалкой революционного марксиста-практика, М. Н. смог преодолеть буржуазные концепции русской истории.

Понять подлинный механизм исторического процесса тов. Покровскому помогало то, что ему, как одному из авангарда революционного класса, были видны движущие пружины современности. Отправляясь от современности, М. Н. находил в ней весьма плодотворные гипотезы, новые точки зрения для понимания прошлого.

...«Нас в последнее время пробовали учить,—говорил он студентам,—что мы должны в своих исторических курсах главное внимание уделять современности. В попытках открыть тут что-то новое—не без недоразумения. Ибо никакой марксист, о чем бы он ни говорил и ни писал, хотя бы о каменном веке, не может не отправляться от современности. За это именно мы терпим постоянные нападки от буржуазной профессуры.

Мы не можем уходить от современных впечатлений, и, мало того, мы, нимало не хвалясь, можем утверждать, что этого и не нужно делать и что, только отправляясь от современности, можно оценить прошлое» [2]).

«Современные впечатления», от которых не мог уйти т. Покровский, были впечатления марксиста-практика, «узкого партийца», которому эта партийная «узость» помогала широко и глубоко охватить русский исторический процесс. Покровский, как историк, поражает богатством и своеобразием подходов к одному и тому же вопросу. Это уменье подойти к явлению всегда как-то по-новому—не только свойство живого критического ума М. Н., но и результат его революционной работы.

«Легко об'яснить событие,—пишет он,—совершенно законченное, и начало и конец которого лежат перед нами,—тогда все понятно. Но когда пишешь по середине события, то поневоле д в и ж е ш ь с я в м е с т е с н и м. И как при перевале через горы с каждого нового поворота дороги открывается

[1]) Там же.

[2]) М. Н. Покровский, «Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX в.», стр. 5.

новый вид, так и тут—новые, нарастающие подробности события наталкивают на новые точки зрения, которые раньше и в голову не приходили» [1]).

Богатство новых точек зрения М. Н. черпал и черпает из самой кипени жизни. Не в тиши профессорского кабинета, а в сутолоке повседневной революционной работы вынашивает Покровский свои новые исторические работы. Не потому ли в них нет ни тени ученого педантизма, нравоучительных рассуждений и доктринерства? У Покровского нет схоластического схематизма ни в деталях, ни в основной его концепции.

В исторической концепции Покровского, как известно, большое место уделено борьбе торгового и промышленного капитала. Эта борьба является одним из основных моментов истории, вплоть до Февральской революции, т.-е. продолжается и в эпоху финансового капитала, в эпоху империализма. С точки зрения обычной схемы смены фаз общественного развития недопустимо, чтобы в эпоху финансового капитала торговокапиталистические элементы играли значительную роль. Вставший на точку зрения этой обычной схемы Л. Д. Троцкий проглядел одну из основных особенностей революции 1917 г.—соединение борьбы пролетариата против буржуазии с крестьянской войной против помещика. «Мы живем в эпоху империализма,—рассуждал он,—а империализм противопоставляет не буржуазную нацию старому режиму, а пролетариат—буржуазной нации». Исходя из «сплошного» империализма, Троцкий и некоторые «левые» просмотрели огромную роль крестьянских резервов (особенно национально-колониальных) в социалистической революции. Ленин в годы войны в противовес им подчеркивал значение закона неравномерности развития капитализма в эпоху империализма. Несколько позже, в 1918 г., он развил эту же идею применительно к России, в которой он указал на наличие пяти хозяйственных укладов. Историческая схема Покровского тем и ценна, что она показывает пролетариату, вставшему у власти, что в хозяйстве, которое ему досталось в наследство, на ряду с элементами новейшего монополистического капитализма существует полусредневековая глыба в виде огромной массы распыленных крестьянских хозяйств, до революции об'единенных главным образом торговым капиталом (в широком значении этого слова, включая различные остатки крепостнических связей). Октябрьская революция, сочетавшая в себе борьбу пролетариата и крестьянской бедноты с российским империализмом с борьбой крестьянства против главнейшего пережитка феодализма,—помещичьего землевладения,—подтвердила, в основном, схему Покровского. В отличие от великого множества «марксистов», повернувшихся спиной к Октябрьской революции, как несуразной, нелепой, ломающей все установленные схемы и доктринерские расписания движения революций, М. Н. не только принял в ней активнейшее участие как партиец, но и как ученый, как историк России нашел в ней оправдание своих поисков пролетарской концепции русской истории и стимул к дальнейшему развертыванию ее.

...«Красный потоп,—пишет он,—размыл и обнажил такие геологические глубины, которые не снились даже и марксистам: одни испугались этих глубин и полезли на старый берег, от которого, казалось бы, они отчалили давным-давно, другие увидали перед собой материк такой глубины и твердости, что самые «смелые» их обобщения вчерашнего дня показались им детским лепетом.

К этому периоду относится окончательная концепция русского исторического процесса, изложенная мною в месте мало, конечно, подходящем для оригинальных концепций—в учебнике» («Сжатый очерк») [2]).

[1]) М. Покровский, «Русская история в самом сжатом очерке», ч. III, изд. 1928 г., стр. 8.

[2]) «Под Знаменем Марксизма» № 10—11, стр. 211—212.

В дни великой проверки Покровский-марксист показал, что он сумел преодолеть традиционные взгляды II Интернационала и в Октябре в ногу со всей партией большевиков поднял «великий бунт» не только против капитала, но и против закорузлых «марксистских» догм филистеров и доктринеров II Интернационала. М. Н. формировался как историк-марксист, преодолевая не только буржуазные концепции русской историии, но и преодолевая традиционные взгляды II Интернационала. По поводу своих статей, написанных до 1917 г., М. Н. писал:

«Устарелость статей заключается в том, что они в общем и целом стоят на классической позиции II Интернационала. Международным отношениям дается в них освещение не столько с точки зрения реальных экономических интересов различных социальных групп (точка зрения Маркса в его статьях о внешней политике), сколько от идеологии этих групп... Империалистическая война, покончив со II Интернационалом вообще, покончила и с его исторической концепцией» [1]).

Методологический грех, допущенный Покровским в истории России, изд. Гранат, при об'яснении усиления царской власти в конце XVIII в. не был, как мы видим, индивидуальным грехом его. Международные отношения по традиционным взглядам II Интернационала освещались «**не столько с точки зрения реальных экономических интересов различных групп..., сколько от идеологии этих групп**», классовые интересы подменялись классовой психологией и идеологией.

Допустимо ли было для большевика не уметь различать между марксизмом, скажем, Гильфердинга и марксизмом Ленина? А такой грех был у т. Покровского, и он в нем чистосердечно покаялся, когда, отвечая Слепкову, писал:

...«Вот почему я, пока налицо была только формула Гильфердинга,—когда я писал в 1915 г. свой реферат о «виновниках войны», напечатанный во «Внешней политике» и упоминаемый т. Слепковым,—отрицал империалистский характер войны «по Гильфердингу». И лишь прочтя полтора года спустя (еще в рукописи) брошюру тов. Ленина, стал понимать империалистский смысл войны. Но не понял, что после работы Ленина соответствующую часть работы Гильфердинга, мягко выражаясь, надо было убрать в архив В этом мое горе» [2]).

Не было ли в этом некоего «социал-демократического уклона», не отстал ли в данном случае М Н. от партии? Смело можно сказать, что в данном случае он шел вровень с большинством руководящих кадров партии. Изучение документов местных большевистских организаций периода войны, изучение апрельской конференции 1917 года показывает, что огромный теоретический скачок вперед от традиционных взглядов II Интернационала, сделанный Лениным в годы войны, заставил значительно отстать от него (на короткое время) многих руководящих товарищей. Покровский как марксист вместе с партией преодолевал оппортунистические искажения марксизма идеологами II Интернационала.

Никогда Покровский-историк не выступает в облачении летописца, спокойно повествующего в назидание «потомкам православных» о «минувшей судьбе» России, никогда он не выступает в облачении об'ективного и бесстрастного оракула буржуазной науки. Страстный, боевой, полемический тон,—вот что характерно для всех его работ. Взять хотя бы четырехтомник «Русская история с древнейших времен»,—разве он похож на «солидный» труд профессора истории? Ведь, это наполовину полемическое произведение. Излюбленный эпитет буржуазии для большевиков в 1917—18 гг. «вандал», наверное, не раз присваивался Покровскому почтенными жрецами науки, читавшими этот труд М. Н. Полнейшая непочтительность к «общепризнанным истинам», непочтительное обращение с авторитетами, одним словом, отсутствие какой бы то ни было буржуазной «респектабельности»,—почтенности, уважения к традициям,—вот одна из отличительных черт Покровского-историка. Эта респектабельность, присущая в высокой степени вождям II Интернационала была всегда одной из характерных черт либеральных рабочих политиков. «Самое отвратительное здесь (в Англии),—писал в декабре 1889 г. Энгельс Зорге,—перешедшая рабочим в плоть и кровь буржуазная «почтенность» (respectability)...» Разве не заражен этой респектабельностью и теперь кое-кто из большевиков? Не даром Ленин, говоря о борьбе за перестройку государственного аппарата, указывал на то, как мало смелости бывает подчас у большевиков в деле ломки старого аппарата. Покровский на редкость свободен от преклонения перед традициями прошлого. Не потому ли он и к самому себе относится подчас весьма не почтительно? Можно сказать, что лозунг самокритики проводился М. Н. задолго до того, как он стал боевым лозунгом дня.

«И меня,—писал в 1924 г. т. Покровский,—конечно, можно убить целой тучей мелких противоречий, которые имеются между тем, что написано, хотя бы в «Русской истории с древнейших времен», и тем, что я говорю и пишу теперь. Если бы я был только профессором—костюм, от которого я долго отбивался, пока Октябрьская революция не надела его на меня насильно,—это, может быть, было бы и действительно для меня убийственно. Но я на своем, хотя и очень скромном, месте тоже участник революции: а она разве не переполнена мелкими противоречиями? Она соткана из них,—но только педант может к ним придираться» [1]).

Об этих «мелких противоречиях» М. Н. не имеет обыкновения умалчивать, как это видно хотя бы из приведенных выше отрывков по поводу его статей о внешней политике. Сами эти противоречия показатель ценнейшего качества Михаила Николаевича—его постоянного движения вперед, отсутствия какой бы то ни было косности. Нет у него той влюбленности в свои схемы, свои мысли, свои обороты, которой так часто грешат пишущие люди. Вместо того, чтобы кое-где подправить уже сделанное раньше, М. Н. часто ломает его и строит нечто новое, по внешности несходное и противоречивое, а по существу являющееся тем же, но взятым с новой точки зрения. Это умение критически отнестись к себе, к своей работе—редкое качество, присущее большевикам, как партии. Тов. Сталин называет самокритику одним из основных свойств метода ленинизма. Это свойство органически присуще тов. Покровскому. И это дает ему большое преимущество перед другими учеными.

В стиле Покровского много живости, много конкретности и простоты. Он умет говорить о самых высоких материях разговорным языком, умеет «простецкими» словами рассказать о сложном явлении, приближая его тем самым к широкой читательской массе. В стиле Покровского-историка сквозит Покровский-публицист и пропагандист. Его «Очерки культуры» и по сей день остаются одним из лучших образцов пропагандистской марксистской литературы. Его «Русская история в самом сжатом очерке» является разительным примером умения сочетать исследовательскую и пропагандистскую работу. Выступить впервые с оформлением своей схемы в массовом учебнике—едва ли на это способен какой-либо профессор! На это может быть способен лишь ученый-большевик, для которого его специальность лишь один из видов партийной работы.

Во время решающих для пролетариата битв т. Покровский забрасывал целиком свое «ремесло» и, засучив рукава, работал всюду, где это нужно

[1]) «Дипломатия и войны царской России в XIX столетии», изд. «Кр. Новь», 1924 г., стр. 390, 91.

[2]) «Под Знаменем Марксизма» № 12, 1924 г., стр. 256.

[1]) «Под Знаменем Марксизма» № 10—11, стр 212.

было партии. В годы первой революции он работает членом московского военно-технического бюро, помогая, по словам тов. Ярославского, «не только своим глубоким знанием и пониманием опыта восстаний пролетариата и крестьянских масс в других странах, но и очень дельными советами относительно организации боевого дела...» Работая в «литературно-лекторской группе» МК (большевиков) в 1905 г., М. Н. был неутомим, как публицист и как пропагандист. В 1905—1906 гг. он дает по вопросу о вооруженном восстании, о блоках с к.-д. и на другие боевые вопросы ряд статей в большевистских журналах и сборниках: «Текущий момент», «Вопросы дня», «Истина» и др. и в газетах «Борьба» и «Светоч». В 1906 г. он выступает с серией рефератов по вопросам программы и тактики социал-демократии (изданы под названием «Экономический материализм»). В 1906 г. М. Н. выступает по поручению большевиков во время избирательной кампании во 2-ю государственную думу на больших открытых собраниях, где сражается с кадетами. Живую зарисовку М. Н. в эти дни дает в своей статье «Профессор с пикой» Н. И. Бухарин: «1906 и следующие годы,—пишет он,—видят Покровского, как блестящего бойца на думских избирательных турнирах: высокая фигура Ивана Ивановича Скворцова, с его грудным, замечательно приятным басовитым говорком, и рядом с ним наш милейший и ядовитейший Михаил Николаевич,—эта «большевистская язва»,—появлялись почти повсюду. Как ел поедом Покровский своих кадетских противников! Как веселились сердца нас, тогда молодых еще большевиков, при каждом метком ударе Покровского в таких столпов кадетизма, как Кизеветтер, Новгородцев, Милюков! Это не был нечленораздельный крик или вопль революционного отчаяния: это были продуманные, блестяще аргументированные, изящные и вместе с тем разящие удары. Коротко остриженный, посматривавший слегка подслеповатыми глазами сквозь очки в простой оправе, Михаил Николаевич действовал прямо как «мать святая гильотина» по отношению к своим оппонентам». Когда в числе их были меньшевики, то им доставалось от Покровского. Особенно много пришлось воевать с ними М. Н. в 1907 г. во время выборов на Лондонский партс'езд. В качестве члена МК Покровский участвует на предварительном совещании ЦК в Териоках, затем на партконференции в Гельсингфорсе и на Лондонском с'езде, которым избирается в редакцию Ц. О., куда входит вместе с Лениным, как представитель большевистского центра. В 1917 г. тов. Покровский снова в Москве, снова активно работает в партии. В решающие дни Октябрьского переворота он снова на передовых позициях.

«...Когда раздались,—пишет т. Ломов,—первые залпы, когда М. Н. Покровский увидел тысячи восставших рабочих и озверелую офицерню, он пришел в ревком и волнующе просто и коротко заявил о том, что... во время боя он хочет быть рядовым бойцом, дерущимся плечо к плечу вместе с восставшими рабочими» [1]). М. Н. участвует в октябрьских боях московских рабочих в скромной роли военного корреспондента органа ревкома, находясь все время на «передовых позициях». И здесь М. Н. остается невозмутимым «профессором с пикой».

«В штабе Замоскворецкого района,—пишет Бухарин,—Скворцов, Ольминский, Покровский и я. Мы издаем и редактируем орган Военно-Революционного Комитета, пишем статьи и воззвания в комнатушке, переполненной людьми, где в каждом углу сложены винтовки, под лязг ружейных замков и изрядную суматоху, которая в комнатном масштабе отражает не более не менее как начало мировой революции пролетариата. Михаил Николаевич ведет себя хладнокровнейшим образом, точно ничего вообще не случилось и не случается и не случится: просто мы делаем очередную работу, и притом, пожалуй, самую веселую. И другое: пробираемся в центр, не то на

[1]) Г. Ломов, «В дни бури и натиска», «Пролетарская Революция» № 11 за 1927.

Петровку, не то еще куда-то. Публика жмется около ворот и лазает вдоль стен, как герои кинематографа. Стекла покрыты лучами вокруг дырок, поминутно звучат выстрелы, со звоном летят осколки на тротуары. А Мих. Николаевич заводит какой-то презабавный и преученый разговор насчет траектории, которую описывают снаряды, и не без жара пускается в теоретические военные экскурсы по сему поводу. Я тогда еще подумал: это какой-то математик повстанчества, наш ученый профессор!

Разумеется, Покровский был за восстание, и за самое энергичное его проведение: иначе он не был бы самим собою!» [1]).

Покровский-ученый заслужил почетное для большевика звание «солдата революции». После Октября он по поручению партии ведет в С. Р. Д., в качестве председателя Моссовета, непримиримую войну с меньшевиками. Взбешенный его маневром против меньшевиков Л. Мартов в своей меньшевистской газетке «Вперед» называет его «всеядным профессором», иначе говоря, примазавшимся к большевикам профессором. Это была заведомая клевета, способная скомпрометировать лишь самого Мартова, так как ему и его друзьям было хорошо известно, что Покровский старый большевик, что он не «академик», а активный партиец.

Никогда Покровский не был заурядным университетским профессором из породы марксистообразных. У него есть основательная закалка против того, чтобы когда-либо стать одним из тех профессоров-марксистов, о которых он говорил студентам Зиновьевского Коммунистического университета.

«...Не в том дело, чтобы в старую высшую школу посадить людей, знающих Маркса. Опыт показывает, к сожалению, что люди, великолепно знающие Маркса, попав на кафедру обычного университета, весьма скоро становятся похожими на самых заурядных университетских профессоров. Чтобы не беспокоить никого из товарищей, близких к нам, я приведу вам классический пример—Кунова. Крупный марксист в прошлом, став профессором буржуазного берлинского университета, теперь пишет вещи, от которых не откажется любой буржуазный профессор того же берлинского университета, так что не в этом дело, а в том, чтобы создать обстановку работы совершенно новую. В основе всего лежит дело, в основе всего лежит практика, а не теория» [2]).

И в былые годы и сейчас у М. Н. в основе его работы лежит практика, практика большевика-партийца. Самый круг вопросов, которым занимается Мих. Николаевич, определен прежде всего интересами партии, ради которых он жертвует интересами исторической науки. Вот табличка, иллюстрирующая круг вопросов, затронутых т. Покровским в его литературных выступлениях в 1918—1928 гг.

Работ, посвященных истории всего 84 из 213 учтенных.

Из них:	1) Посвященных истории Окт. револ. и гражданской войны	26
	2) Посвящ. истории революц. движения	38
	3) „ внешней политике	20
	Из них статей посвященных империалист. войне	12
	По историографии и методологии истории всего	25
	из них посвящены: а) полемике с Троцким	4
	б) борьбе с современ. буржуазн. и мелкобуржуазн. течен. в историч. науке	10
	По вопросам ленинизма-марксизма	13
	„ „ просвещения	29
	Против антисоветских партий и антипролетарских идеологических течений	9

Обращает на себя внимание: 1) небольшое место, занимаемое историческими работами; 2) преобладание среди ни посвященных вопросам

[1]) «Правда» № 249, 25/X—28 г.

[2]) М. Н. Покровский, «Борьба классов и русская историческая литература», стр. 6.

революционного движения, истории Октябрьской революции и внешней политики; 3) значительное место занимают работы на боевые темы: разоблачение империалистической войны, история Октября, борьба с троцкизмом, борьба с современными буржуазными течениями в области исторической науки и в области идеологии вообще, разработка вопросов ленинизма, политика партии в области просвещения и т. п. Статей, направленных против буржуазных и мелкобуржуазных течений больше, чем здесь указано, так как и в статьях, не посвященных специально борьбе против антипролетарских течений, уделено много места этой борьбе. Все эти цифры, не претендующие на точность, грубыми штрихами рисуют нам образ М. Н., как ученого-большевика, который «всегда готов» выполнить необходимое для партии в данный момент задание.

Боевой большевистской закалке М. Н. мы обязаны тем, что в литературе по истории России социалистический сектор быстро растет за счет буржуазного, растет не только за счет притока молодых сил, но и за счет привлечения части старой профессуры. В это же время в области так называемой «истории Запада» мы имеем признаки попятного движения старой профессуры и малую активность партийных научных работников.

«Как такая картина получилась? Решаемся ответить,—пишет т. Покровский.—В русской истории есть все же кое-какая организация, есть некоторая центральная группа, которая тянет в одном определенном направлении—все расширяя притом район своего действия. В западной истории у нас отдельных работников-марксистов не меньше (среди старшего поколения—оно, ведь, ведет!), а больше, чем в русской. Но они совершенно не организованы. Они сидят по своим углам, в высшей степени довольны, что Октябрьская революция обеспечила им свободу исследования и высказывания в их узкой специальности. Это было бы нормально, если бы у нас прошла демократическая революция, обеспечивающая «свободу печати» для марксизма (смирного, академического). Но у нас прошла социалистическая революция, идеология рабочего класса стала у нас господствующей идеологией, те, кто эту идеологию представляют, обязаны вести организаторскую работу на своем участке, как весь класс ведет эту работу во всех областях жизни нашей страны» [1]).

В этом отрывке из своей боевой статьи «Новые» течения в русской исторической литературе» перед нами во весь рост встает Михаил Николаевич, как ученый-большевик. Для него органически невозможно «залезть в свой угол», невозможно забыть, что у нас «прошла социалистическая революция» и пролетарских ученых это обязывает к активному участию в борьбе социалистических и капиталистических элементов на своем участке фронта. Этой статьей М. Н. открыл (еще весной 1928 г.) поход против правой опасности среди партийных кадров, работающих в научной области. Против «нейтральности» в деле борьбы с антимарксистскими течениями! Против «академизации» научных работников коммунистов!—вот лозунги, брошенные этой статьей, целиком совпадающие с общей линией партии наступления на капиталистические элементы.

Не случайно, что т. Покровский организовал вокруг себя молодые научные силы партии. Не случайно именно он является творцом Института Красной Профессуры. Ему легко итти в ногу с новым поколением научных работников, с тем поколением, которое пришло к научной работе после боевой партийной работы на фронтах гражданской войны и социалистического строительства. Эти «новые люди» в области науки к марксизму пришли не через книжную премудрость, а через практику боевой партийной

[1]) «Новые» течения в русской исторической литературе», «Историк-Марксист», VII, стр. 12.

работы. Пришедшие в партию в годы революции и гражданской войны, они стали сначала большевиками, а потом уже марксистами. Их путь к марксизму сходен с тем путем, который проделал и Михаил Николаевич. Поэтому он так близок им.

В тов. Покровском особенно ценно органическое слияние ученого и большевика. Новый тип большевика-ученого должен сочетать в себе крепкую большевистскую закалку, готовность в любую минуту стать на то место, которое требуется партии, с преданностью делу науки, с способностью усвоить и преодолеть культурное наследие буржуазии. М. Н. Покровский является образцом для научной смены—и не только для нее, но и для всего партийного молодняка, для всех новых партийных кадров.

Арт. Кактынь.

Преспективы предстоящего хозяйственного года.

Преобладание реконструктивных моментов над восстановительными.

Предстоящий хозяйственный год является уже третьим годом реконструкции, годом, когда в народном хозяйстве реконструктивные процессы полностью возобладали над процессами восстановительными. Это не означает, однако, что никаких восстановительных процессов в нашем хозяйстве уже нет: восстановление продолжается еще в отношении зерновой базы, недовосстановленной до довоенного своего уровня (особенно по пшенице и ячменю), а также рабочего скота; продолжается в черной металлургии, в некоторых отраслях транспорта. Однако, уже за последнюю пару лет ряд отраслей народного хозяйства, в том числе и некоторые из отраслей сельского хозяйства, настолько вышли за пределы довоенных рамок, что не приходится уже говорить о восстановительных процессах в этих отраслях; расширившееся производство в этих отраслях требует их коренной перестройки, подведения под них новой технической базы, создания новых внутренних отношений и новых организационных форм.

Известное представление об этом дает цифра капитальных вложений за истекшие три года в народное хозяйство. С 1925—26 г. по 1927—28 г., не считая крестьянского строительства, в народное хозяйство вложено 16,4 млрд. рублей (считая по ценам 1925—26 года), из которых около 4,5 млрд.— только в промышленность и электростроительство. Из всей суммы вложений на обобществленный сектор приходится 9,2 млрд. рублей. Основные фонды народного хозяйства составляют к концу 1927—28 года 73.730 млн. руб.; из них в промышленности—9.500 млн. рублей, в сельском хозяйстве (без жилых построек)—18.055 млн. рублей; в железнодорожном транспорте—10.269 млн. рублей. Достаточно сравнить цифру произведенных за три года вложений в промышленность с цифрой ее основных фондов, чтобы видеть, что уже больше трети этих фондов за три года обновлено или реконструировано. Но даже если взять фонды всего народного хозяйства и всю сумму капитальных вложений (считая в том числе и крестьянское строительство) за три года, выражающуюся в 19.115 млн. рублей, то и в отношении всей суммы основных фондов народного хозяйства мы констатируем обновление и реконструкцию в пределах примерно четвертой части [1]).

[1]) Соотношения несколько изменятся по своей величине, если вычесть износ старых фондов, перекрываемый новыми вложениями: в фондах мы имеем результат этих процессов к концу года, тогда как вложения характеризуются полной суммой их за данный год без вычета износа. Но это все же существенно картины не изменит. Если судить по состоянию фондов к концу 1927/28 г., в сравнении с их состоянием к началу 1925/26 г., то за эти годы фонды всего народного хозяйства пополнены на 15,7%, фонды же промышленности пополнены на 37,9%.

Таким образом, с несомненностью приходится констатировать вообладание реконструктивных процессов над восстановительными. Если же это так, а в этом сомнения быть не может, то отсюда получается совершенно иное представление о темпах производства и о всем тонусе народнохозяйственной жизни в последние годы и в предстоящий год. Одно дело давать гигантские темпы в восстановительный период, когда в значительной мере происходит заполнение старого каркаса основных фондов оборотными фондами и переход от низких, в некоторых случаях даже нулевых, уровней к более высоким, хотя и абсолютно на первых порах незначительным, уровням. Совершенно же другое дело, когда мы уже вышли за пределы довоенных рамок и не столько вкладываем оборотные средства в дальнейшее производство, сколько средства основные, когда дальнейшее развертывание производства обусловливается многомиллионными вложениями в основные фонды.

Темпы производства.

Исключительное значение поэтому приобретают достигнутые нами в истекшем году темпы роста производства и намечаемые на их фоне темпы роста производства в предстоящем году. Для иллюстрации приведем основную табличку темпов, отвлекаясь от изменения цен и учитывая лишь изменения натуральных величин:

Темпы роста продукции.

В %% предыдущему году [1]).

	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Валовая продукция всей промышленности	113,8	116,5	115,6
" " цензовой промышленности	114,5	121,6	117,0 [2])
В том числе средства производства	119,3	118,9	119,5
" " " потребления	111,9	123,1	115,6
Валовая продукция мелкой промышленности	110,0	97,7	106,1
" " сельского хозяйства	105,1	98,0	105,2
В том числе продукция растениеводства	105,4	96,1	103,7
" " " животноводства	103,9	99,7	106,6
Валовая выручка от перевозки ж.-д. грузов (работа транспорта)	115,6	107,1	114,7
Постройка зданий и сооружений в целом	125,0	118,6	129,7
Отдельно без крестьянского строительства	142,2	132,1	140,1

Приведенные цифры являются ярким показателем тех гигантских преимуществ, какие в себе таит социалистическая система хозяйства с ее единством управления, с ее плановостью, с ее социалистической рационализацией и экономией, основанными на обобществлении процессов накопления. Какие бы элементы восстановительного процесса ни отражались на этих темпах, все же подобные темпы, особенно в отношении промышленности и строительства, находящихся уже на уровнях, превышающих довоенные, немыслимы без учета тех особенностей, какими отличается социалистическое хозяйство. Подобных темпов капиталистическое хозяйство не знало и не знает.

Табличка темпов даже на протяжении трех лет выявляет с очевидностью опережающие темпы тяжелой индустрии (производства

[1]) По контрольным цифрам Госплана.

[2]) Уже после сдачи статьи в набор опубликована новая цифра в отношении темпа роста продукции цензовой промышленности, планируемой ВСНХ—20,1% (см. обращение ВСНХ и ВЦСПС по поводу колдоговорной кампании). Этой цифре в контрольных цифрах Госплана соответствует 18,8%.

средств производства) по сравнению с легкой индустрией (производством средств потребления) и мелкой промышленностью, производящей также преимущественно средства потребления. Эти позиции тяжелой индустрии мы всячески оберегаем и удерживаем из года в год. Незначительное снижение темпа тяжелой индустрии в 1927—28 году перекрывается новым под'емом его в предстоящем году.

Исключительно высокие темпы мы имеем в области постройки зданий и сооружений, особенно в строительстве промышленности. Это—внешний показатель темпа индустриализации, ибо здесь мы имеем дело как-раз с наиболее ярко выраженным и подчеркнутым производством средств производства в виде фабрик, заводов, дорог, портов, элеваторов, ирригационных сооружений и т. д., т.-е. основных очагов нового расширенного производства на реконструированной технической базе.

Та же табличка показывает некоторое отставание темпов роста транспортного производства от темпов роста промышленного производства. Тем не менее сами по себе темпы прироста транспортной работы настолько велики, что с трудом нам удается подтягивать под них соответствующую технику; темпы эти умеряются отчасти под влиянием более медленных темпов с.-х. производства. В перспективе перед нами стоит, однако, необходимость значительного усиления темпов транспортной работы в зависимости от дальнейшего мощного развертывания промышленного производства и роста сельскохозяйственного производства, особенно в его товарной части. Отсюда бесспорный вывод о необходимости вложения в ближайшие годы значительных средств в дело укрепления, реконструкции и широкого развертывания технической базы транспорта, притом не только железнодорожного, но и водного и безрельсового. В противном случае мы станем перед опасностью, что транспорт станет тормозом дальнейшего развития производства и окажет замедляющее воздействие на темпы развертывания промышленности и сельского хозяйства

Темпы промышленного и сельскохозяйственного производства.

Особенно характерна выявляющаяся в приведенной таблице разница между темпами роста промышленности и сельского хозяйства. Такое различие темпов характерно для обобществленного и необобществленного секторов народного хозяйства вообще. Тогда как в обобществленном секторе мы имеем гигантские темпы роста, в необобществленном они значительно ниже, а в 1927—28 году даже по некоторым отраслям сельского хозяйства они приобретают отрицательный знак. Правда, в сельском хозяйстве мы предполагаем перелом темпов к более энергичному под'ему в предстоящем году, что опять-таки достигается благодаря особенностям нашей системы хозяйства и благодаря тем усилиям, какие прилагает советское государство к поднятию зерновой и сырьевой базы. Тем не менее отставание темпов сельского хозяйства от темпов промышленности остается в силе и в этом году.

Приведенные темпы развития производства отражают собой итоги совместного действия двух основных процессов, проводимых рабочим государством в его хозяйственном строительстве: процессов индустриализации (технической реконструкции и рационализации) и процессов обобществления. На них (на темпах) отражается, однако, и влияние стихийных факторов: природы и необобществленного мелкого деревенского хозяйства и кустарного производства, влияющих задерживающим образом на темпы сельскохозяйственного производства, отчасти и на темпы мелкой

промышленности. Деревня все еще представляет собой широкое море индивидуальных хозяйств с островками колхозов и совхозов. Для широкого внедрения в эту область элементов реконструкции и рационализации необходима соответствующая организационная подготовка в виде обобществления мелких крестьянских хозяйств (чем, конечно, не отрицается возможность рационализации производства и в индивидуальных хозяйствах). Эти последние процессы развернулись в деревне широко, о чем свидетельствует хотя бы такой факт, как удвоение числа колхозов в истекшем хозяйственном году и общий рост кооперации, в особенности. производственных ее видов. Тем не менее, лишь постепенно, преодолевая гигантские инерцию и косность, удается нам переводить деревню на новые способы производства, на новую техническую базу.

Процессы технической реконструкции и обобществления с.-х. производства задерживаются, кроме стихийных факторов и раздробленности хозяйств, еще и недостаточным развитием тех отраслей, тяжелой промышленности, которые снабжают сельское хозяйство новыми средствами производства, т.-е. основными материальными элементами его технической реконструкции: сельскохозяйственными машинами, тракторами, удобрениями, соответствующим оборудованием по первичной обработке сельскохозяйственных продуктов. Несмотря на громадные темпы роста сельскохозяйственного машиностроения и достижение им в 1927—28 г. уже двойного, против довоенного, уровня, оно все же не в состоянии обслужить полностью деревню, и ежегодно деревня остается недоснабженной двухлемешными плугами, триерами, сеялками и некоторыми другими сложными машинами, в особенности же тракторами и удобрениями. Тракторов и удобрений наша промышленность в состоянии дать деревне пока лишь небольшую долю того, что требовалось бы для нашего сельского хозяйства.

Уже это одно говорит о том, что относительно замедленные, хотя и сами по себе не малые (особенно в 1926/27 году и в предстоящем 1928/29 году) темпы сельскохозяйственного производства обусловливаются не столько недостатком капитальных вложений в сельское хозяйство, особенно со стороны государственного бюджета, сколько недостаточностью той технической базы, которую мы в состоянии подвести под деревню, т.-е. в конечном счете, недостаточной работой нашей тяжелой индустрии, несмотря на быстрые темпы ее роста из года в год.

Основная диспропорция народного хозяйства.

Одно только цифровое сопоставление темпов роста промышленности и сельского хозяйства за три года вскрывает со всей определенностью скрытые в развитии нашего народного хозяйства диспропорции и показывает те материальные барьеры, в которые упирается дальнейшее развитие тех или иных частей народного хозяйства. Было бы величайшей ошибкой и оппортунизмом отрицать или замазывать коренную диспропорцию между развитием промышленности и сельского хозяйства. Она может временами уходить вглубь, прикрываясь внешне гармоничными отношениями в том или другом году, в зависимости от данного урожая (как, например, в 1926—27 хоз. году), но это отнюдь не означает, что диспропорция эта исчезает, что она нами уже устранена. В истекшем 1927—28 году и в предстоящем 1928—29 году диспропорция эта вновь выпирает в достаточно явственных формах.

Оппортунистической является также и попытка упростить эту диспропорцию, изобразить ее как одностороннее отставание сельского хозяйства от промышленности. XV с'езд партии, подчеркнув, что основные трудности и основные проблемы хозяйственной политики пролетариата лежат «по линии регулирования взаимоотношений между городом и деревней», указал, что «при построении пятилетнего хозяйственного плана нужно исходить из разрешения задач, которые связаны с основными диспропорциями нашего хозяйства». В качестве одной из основных диспропорций с'езд указал на диспропорцию «между промышленностью и сельским хозяйством, которая (диспропорция) далеко не изжита, несмотря на более быстрый, чем рост сельского хозяйства, рост индустрии». В эту формулировку необходимо серьезно вдуматься и в начале нового хозяйственного года вложить в нее конкретное содержание.

Упрощением этой диспропорции явилась бы попытка изобразить ее как одностороннюю диспропорцию, лишь как отставание сельского хозяйства от промышленности, отрицая обратную сторону — отставание промышленности от сельского хозяйства (или наоборот). Это упрощение дается тем легче, что действительно предстоящий год, да и истекший, проходят у нас под знаком недостатка сырья, хлеба и некоторых продуктов питания, т.-е. почти всего ассортимента сельскохозяйственной продукции. Эти факторы становятся ближайшим материальным лимитом для развития промышленности, строительства и самого сельского хозяйства (влияние хлеба на сырье и т. п.). При недороде в таких районах, как Украина, Сев. Кавказ, являющихся вместе с тем главнейшими потребителями сельскохозяйственных машин и тракторов, как-то естественно отходит на второй план недостаток средств производства для деревни, об этом склонны забывать. К тому же темпы роста сельского хозяйства, конечно, значительно ниже темпов роста промышленности и остаются таковыми на протяжении уже нескольких лет, собственно, всего последнего периода. Как будто бесспорно констатируется отставание сельского хозяйства от промышленности в смысле темпов роста его продукции; такое же отставание в последние годы легко констатировать в темпах капитальных вложений, несмотря на то, что общий размер вложений в сельское хозяйство превышает размер вложений в промышленность и электростроительство. Все это—неоспоримые факты.

Можно ли, однако, из этого делать вывод, что промышленность достигла своего апогея, что можно теперь на достигнутом остановиться и устремить все силы преимущественно на сельское хозяйство, поддерживая промышленность на достигнутых уровнях? Будет ли правильной такая политика, логически вытекающая из одностороннего освещения основной диспропорции, имеющей место в нашем хозяйстве?

Бесспорно, что такой вывод будет в корне неправильным и ошибочным. Неоднократно раз'яснялось и подчеркивалось в соответствующих резолюциях, что нельзя сравнивать одни темпы развития, отрываясь от тех уровней, от которых это развитие идет. Может иметь место отставание уровней, несмотря на значительное опережение в темпах развития. Это мы имели на протяжении всего восстановительного периода, когда промышленность стала восстанавливаться и развиваться от нижайшего своего 20% уровня 1920 г., между тем как сельское хозяйство даже в наиболее тяжелый для него 1921—22 г. не спускалось ниже 50% от довоенного своего уровня. Мало, кроме того, брать в качестве отправных

уровней уровни довоенные, нужно взглянуть на абсолютное соотношение самых этих довоенных уровней. Ни для кого не секрет, что страна наша, несмотря на значительный рост в 90—900-х гг. промышленности, и даже тяжелой промышленности, оставалась страной преимущественно аграрной, с преобладающим сел.-хоз. производством. Унаследованная нами от довоенного времени диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством, усилилась весьма значительно в итоге мировой и гражданской войны, и только благодаря гигантским темпам восстановительного периода и первых лет периода реконструкции нам удалось восстановить в 1927—1928 г. между уровнями промышленности и сельского хозяйства в основном довоенные соотношения.

Если проследить отставание от довоенных уровней по отдельным отраслям, то по сельскому хозяйству мы имеем в 1927—1928 г. отставание на 9,9% посевной площади зерновых хлебов, на 5,4%—площади льна, на 9,9% числа лошадей (в том числе на 13,9%—рабочих лошадей), на 10,8% продукции зерновых [1]), на 23,8%—льна-волокна, на 1,9%—сах. свеклы, на 15,4%—продукции яиц [2]); по промышленности: на 23,3% добыча руды железной, на 58,3%—руды марганцевой, на 6,7%—производство чугуна, на 0,8%—прокат, на 30,6%—выплавка меди штыковой, на 10,7% производство лесоматериалов.

Если учесть факт сильнейшего отставания нашего внешнего товарооборота от довоенного и учесть те коренные изменения, которые произошли в его структуре—сокращение импорта готовых промышленных изделий, увеличение импорта сырья и оборудования, т.-е. средств производства, при сократившемся вывозе зерновых продуктов и сельскохозяйственного сырья и значительно возросшем вывозе промышленных товаров, то станет совершенно ясно, что при такой структуре экспорта—импорта одно уже количественное несоответствие между продукцией промышленности и сельского хозяйства, особенно, если взять ту и другую продукцию в ее натуральном выражении, должно вызывать неизбежные диспропорции в хозяйстве.

Ясно, однако, что подобное сопоставление имеет крайне относительный характер, ибо мы тут имеем дело с валовой продукцией, а не товарной и, наконец, как в отношении сельскохозяйственного, так и промышленного производства не учитывается внутренний оборот продуктов каждой из этих отраслей, т.-е. потребление промышленностью и сельским хозяйством соответственно своей же продукции в порядке дальнейшей ее переработки. Диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством, или, вернее, целый клубок диспропорций между ними, раскроется во всей полноте перед нами лишь тогда, когда мы проанализируем то и другое по отдельным, хотя бы основным продуктам производства под углом зрения взаимозависимости отдельных отраслей сельского хозяйства и промышленности. Проведение такого рода анализа явится вместе с тем и обозрением основных материальных лимитов промышленного и сельскохозяйственного производства.

Сельскохозяйственные лимиты промышленности.

Важнейшим материальным лимитом для промышленности становится в последние годы сырье. В этом году давление сырьевого лимита усиливается, благодаря сокращению импорта сырья из-за границы, что определяется в свою очередь лимитами внешней торговли, крайне для нас в этому году тягостными. Но и независимо от импорта сырье оказывает замедляющее воздействие на развитие сахарной промышленности, табачно-махорочной,

[1]) В отношении средней за 1909—1913 гг.
[2]) Речь идет о продукции лета 1928 г., зачисляемой в баланс 1928/29 хоз. года.

кожевенной, шерстяной и хлопчатобумажной, т.-е. ряда важнейших отраслей легкой индустриии. Все перечисленные виды сырья, это—сырье сельскохозяйственного происхождения, при чем некоторые из них, как, например, сахарная свекла по самому своему характеру—сырье исключительно внутреннего производства. В прошлом году мы испытывали значительные трудности в отношении льняного, шерстяного, кожевенного и масличного сырья.

Недостаток сырья для указанных отраслей вызывается, с одной стороны, *стихийными* природными факторами, определившими низкую урожайность в этом году, с другой стороны, *недостаточным развитием соответственных отраслей интенсивного сельскохозяйственного производства*. Факторы, зависящие от природы, имеют, однако, относительное значение: при соответствующей обработке почвы, вложении удобрений, отборе семян и обязательном уходе за растениями во время их вегетации влияние природы может быть в сильнейшей степени смягчено. Следовательно, в основном мы имеем дело, несомненно, с *недостаточным темпом интенсификации сельского хозяйства, с недостаточным развитием тех его отраслей*, которые дают основное растительное и животное сырье, и, что особенно важно, с *недостаточной урожайностью* сырьевых культур, значительно отстающей даже от довоенных норм.

Другим важнейшим фактором лимитного характера становится в этом году *хлеб*. Не говоря о хлебе, как о сырье для мукомольной промышленности, следует учесть его, как *основной продукт питания для рабочих промышленности и транспорта* и других отраслей хозяйства, при недостатке которого может иметь место *сокращение производительности труда и соответственное понижение промышленного производства*. В таком же положении оказываются в этом году овощи, животное масло, жиры вообще и некоторые другие предметы питания, в которых может оказаться недостаток. Недостаток продовольствия для городского населения (так же, как и для самой деревни, особенно хлеба—для сырьевых районов) проистекает в свою очередь от *слабости нашей зерновой базы и недостаточного развития продуктивного животноводства, огородничества, садоводства и других интенсивных отраслей того же сельскохозяйственного производства*.

Слабость зерновой базы и особенно недостаток товарного хлеба оказывает влияние на усиление другого лимитного фактора для промышленности—*импорта оборудования и сырья из-за границы*. Поскольку из экспорта выпадает полностью хлеб и в известной мере сокращается также и экспорт продуктов питания и сырья, постольку соотвественно сокращается импорт, имеющий производственное значение для промышленности, в первую очередь для тяжелой индустрии. В этом отношении особенно неблагоприятный результат получился в прошлом году благодаря выпадению из плана хлебного экспорта и благодаря недостаточности сельскохозяйственного экспорта вообще как в том, так и в этом году.

Промышленные лимиты сельского хозяйства.

Основной из этих лимитов отмечен нами уже выше—это *средства производства для сельского хозяйства*, в первую очередь тракторы, затем удобрения, сельскохозяйственные машины, особенно сложные и проч. На этих основных моментах следует остановиться несколько подробнее.

Особенное значение для нашего сельского хозяйства имеет *снабжение его тяговой силой*. Восстановление стада рабочего скота

несколько задержалось по сравнению с восстановлением стада продуктивного скота и до сих пор не достигло довоенного уровня. При этих условиях особое значение приобретает снабжение основных сельскохозяйственных районов, главным образом зерновых, тракторами. Трактор является, помимо того, *одним из основных факторов, революционизирующих и реконструирующих сельскохозяйственное производство, создающих вместе с тем предпосылки для его обобществления*. Потребности деревни в тракторах с трудом поддаются какому-либо измерению, ибо здесь нельзя исходить только из потребности в тяговой силе, но приходится учесть еще целый ряд местных физико-географических условий, а также и то, что трактор используется в сельском хозяйстве, как двигатель стационарного типа (для освещения, молотьбы и т. д.). Тем не менее с полной определенностью можно сказать, что *тракторознабжение сельского хозяйства далеко не соответствует потребности в тракторах*. Если мы до сих пор дали деревне всего-на-все 27.450 тракторов мощностью около 300 тыс. лош. сил, а в 1928—29 г. предполагаем дать 9.466 тракторов мощностью около 120 тыс. лош. сил, то все это составляет лишь небольшой процент (1,3%) в отношении всего количества тяговой силы, имеющейся в деревне. Достаточно привести только такую цифру, как число колхозов, и поставить себе правилом снабдить каждый колхоз хотя бы одним трактором, чтобы увидеть, какое острое несоответствие мы имеем между потребностью в тракторах, наличием их в деревне и тем, что мы ей можем дать. Вся наша годовая программа тракторознабжения исчисляется каким-нибудь десятком тысяч штук, чего совершенно, конечно, недостаточно. В этом деле не поможет нам никакой импорт, ибо страна еще не настолько богата, чтобы, строя мощную промышленность, параллельно ввозить еще и колоссальное количество тракторов. Задача, несомненно, сводится к *постройке собственных крупных тракторных заводов*. В качестве одного из них становится соответствующий цех Путиловского завода, вырастающий в самостоятельный завод с производительностью, доходящей в близкой перспективе до 10.000 шт. Другим таким заводом должен стать проектируемый Сталинградский тракторный завод. Но и этих заводов будет явно недостаточно для растущего с каждым годом спроса на тракторы. Здесь мы имеем *резкое отставание нашего машиностроения от потребностей сельского хозяйства*.

Интенсификация сельского хозяйства и техническая его реконструкция возможны лишь при условии соответствующей *обработки почвы* путем глубокой вспашки, поднятия ранних паров, соответствующего дальнейшего разрыхления поднятых слоев почвы, путем рядовых посевов или посадки растений, путем соответствующего ухода за ними во время роста и более рациональной организации процессов уборки и переработки сельскохозяйственных продуктов. Точно так же для развития продуктивного животноводства требуется соответствующее оборудование. Все это пред'являет гигантские требования к нашему *сельскохозяйственному машиностроению*. По целому ряду более сложных орудий и машин мы также имеем крупнейший дефицит: таковы плуги, особенно двухлемешные, зерноочистительные машины, сеялки, всевозможные машины по культивации растений, точно так же и более сложные уборочные машины. И здесь *отставание сельскохозяйственного машиностроения, несмотря на его 200-процентный уровень в отношении 1913 г., от потребностей сельского хозяйства налицо*.

В значительно более остром положении находится дело *удобрений*. Достаточно привести хотя бы такую цифру (по данным проф. *Прянишникова*), как количество удобрений, приходящихся на гектар у нас

и в некоторых других странах, в сопоставлении с урожайностью хлебов в тех же странах.

Потребление минеральных удобрений на единицу площади и урожайность в СССР и за границей.

(Среднее за 1922—1926 гг. по проф. Прянишникову).

	Голландия.	Бельгия.	Германия.	Япония.	Франция.	САСШ.	СССР.
Всего удобрений для страны (млн. тонн)	1,3	0,6	8 2	1,2	3,4	5,8	0,5
Урожай (центр. с 1 га)	28,1	25,9	18,4	15,1	14,5	9,3	6,3
Удобрений (на 1 га в пудах)	39,4	20,1	17,9	10,2	5,6	1,8	0,055

Уже из этой таблицы видно, насколько мы в этой области отстали не только от европейских и американских, но и от азиатских стран и *насколько широкие перспективы* поднятия урожайности открывает перед нами разрешение этой проблемы. Хотя внутренние наши потребности далеко не выявлены, но даже по частичным данным выявились уже 50 и 100-проц. разрывы между спросом и предложением соответствующих видов удобрений (напр., по фосф. муке, суперфосфату, калийным солям и др.).

Даже для простой операции известкования наших суглинков (в потребляющей полосе и в нечерноземных северо-восточных районах), при тех грандиозных потребностях, какие исчисляют специалисты, промышленность дает производственные возможности, выражающиеся единицами процентов по отношению к потребностям. Необходима постройка целой сети известковых, фосфоритных мельниц и суперфосфатных заводов для того, чтобы обеспечить сельское хозяйство этими *простейшими* удобрениями. Совершенно в детских пеленках находится у нас еще дело добычи *связанного азота* и перевода его в связанном виде в почву. И здесь перед нами встают не менее грандиозные перспективы.

Важнейшая задача *химизации сельского хозяйства* только еще поставлена, но совершенно еще не разрешена, а между тем уже ясно констатировано, что дальнейшее развитие нашего сельского хозяйства может и должно итти не столько по *экстенсивной* линии, по линии *освоения новых площадей*, сколько по линии *интенсификации*, по *линии введения в почву в первую очередь удобрений и повышения таким путем урожайности*. Целый ряд опытов как лабораторных, так и наших опытных агрономических станций и участков показал, какие широкие возможности открываются в этом отношении перед сельским хозяйством и какие гигантские скачки может дать его продукция при введении в почву удобрений. И здесь приходится констатировать *резкое отставание промышленного производства, в данном случае нашей химической промышленности, от потребностей сельского хозяйства*.

Другим важнейшим лимитом, пред'являемым промышленностью по отношению к сельскому хозяйству, является наличие *строительных материалов*, доставляемых деревне, особенно железо сортовое, гвозди, железо кровельное, точно так же известь, цемент, кирпич, для южных районов— строительный лес. Между тем, наличием этих строительных материалов определяется в значительной мере реконструкция сельского хозяйства, в смысле постройки всякого рода служб, складов, жилищ, ирригационных, мелиоративных устройств и т. д. По этой линии точно так же *промышленность отстает от потребностей сельского хозяйства*. И здесь по мере дальнейшего развития и реконструкции сельского хозяйства потребности гигантски возрастут.

Действительный характер диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством.

Достаточно перечислить одни эти факторы, не касаясь предметов широкого потребления для сельского населения, для того, чтобы представить себе, насколько все еще наша промышленность отстает от сельского хозяйства. Упрощением вопроса является поэтому попытка изобразить дело так, что, если промышленность может более или менее полно удовлетворить потребности земледельческого населения в предметах широкого потребления, то никакого отставания промышленности от сельского хозяйства нет, не говоря уже о том, что даже и земледельческое-то население (не считая всего с.-х. населения) *далеко не удовлетворено предметами широкого потребления* и все еще испытывает больший или меньший товарный дефицит. Необходимо признать, что даже при наличии полного удовлетворения земледельческого населения предметами потребления, *промышленность все же будет отставать в сильнейшей степени от потребностей сельского хозяйства по линии снабжения сельского хозяйства средствами производства*.

Тормозящее воздействие на сельское хозяйство, особенно в части развития *товарных отраслей сельского хозяйства и увеличения товарной продукции, оказывает транспорт*, особенно железнодорожный, а также и безрельсовый и водный. Развитие же всех этих видов транспорта в свою очередь *упирается в соответствующие отрасли машиностроения, в черную металлургию, а также и в производство строительных материалов*. В ближайшие несколько пятилетий перед нами встанут грандиознейшие задачи *транспортного строительства*. Вся страна должна быть перекрыта целой сетью железных, шоссейных и других дорог, водных путей, каналов и т. д., должны быть произведены крупные портовые работы и т. д. Все это потребует гигантского напряжения промышленности для производства всех необходимых для этого строительных материалов, а также и производства самих транспортных средств.

Вопрос о диспропорции между сельским хозяйством и промышленностью приходится перенести поэтому из плоскости количественных отставаний продукции промышленности от сельского хозяйства в плоскость анализа конкретных диспропорций между предложением той или иной продукции и спросом на нее. Центр тяжести вопроса, по крайней мере на данной стадии развития, лежит в *удовлетворении спроса на средства производства*. Произведенный нами выше поверхностный анализ достаточен для того, чтобы показать, что здесь имеет место *двухсторонняя диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством* и что она более *заостряется в смысле отставания промышленности от потребностей сельского хозяйства*, чем наоборот. Это тем более становится ясно, если учесть, что основные лимиты промышленности—сырьевой и хлебный, определяются *недостаточным под'емом сельского хозяйства*, что в свою очередь целиком упирается в *проблему снабжения сельского хозяйства тракторами, удобрениями и сложными с.-х. машинами*. Здесь получается *порочный круг, который приходится разрывать по линии промышленности, а не по линии сельского хозяйства*. Отсюда и дальнейший положительный вывод,

который нам приходится делать из приведенных данных — сделать ударение на тяжелую индустрию, на те отрасли промышленности, которые производят средства производства как для самой промышленности, так и особенно для сельского хозяйства, т. е. на общее и сельскохозяйственное машиностроение, химию, лесопромышленность и лежащую в основе всего машиностроения черную и цветную металлургию.

Выхода по этой линии приходится искать еще и потому, что тяжелая индустрия в общем и целом обладает достаточными источниками сырья — рудами, углем, нефтью, минеральными ископаемыми, газами, лесом и др. Развернутая в достаточной мере тяжелая индустрия даст могучие толчки развитию сельского хозяйства, что усилит приток растительного и животного сырья в промышленность и хлеба в города и даст возможность шире развернуть легкую индустрию и смягчить дефицит товаров широкого потребления. Такова единственно правильная и верная линия хозяйственного строительства. Конечно, ее не следует понимать схематически: необходимо сочетание максимально возможных темпов развития тяжелой индустрии с развитием также и легкой индустрии и сельского хозяйства. Но сочетать их следует так, чтобы ударение было на тяжелой индустрии. Это — стержневой пункт нашей хозяйственной политики.

Проблема капитального строительства.

С вопросом об основной диспропорции нашего хозяйства тесно связан вопрос о размерах капитальных вложений в сельское хозяйство и промышленность и о темпах и размерах капитального строительства вообще. В самом деле, если правильна точка зрения, что промышленность уже в достаточной мере удовлетворяет потребности сельского хозяйства, что она не отстает от этого последнего, то незачем в таком случае форсировать индустриализацию, незачем с таким напряжением, с такими лишениями для народного хозяйства вкладывать все возможные накопления в промышленность, особенно в тяжелую индустрию. Можно тогда соответственно усилить работу легкой индустрии, усилить вложения в сельское хозяйство, увеличить непроизводительное потребление и т. д.

Поскольку этого, однако, на деле нет, поскольку отставание промышленного производства по ряду отраслей от производственных потребностей сельского хозяйства не меньше, а, напротив, больше, чем отставание сельского хозяйства от производственных потребностей промышленности, поскольку между промышленностью и сельским хозяйством имеет место не односторонняя, а двусторонняя диспропорция, постольку не может быть и речи о каком-либо замедлении темпов индустриализации, каком-либо сокращении вложений в промышленность и в тяжелую индустрию в особенности. Напротив, по мере роста накоплений в стране и сосредоточения их в социалистическом секторе необходимо в возрастающей с каждым годом прогрессии вкладывать их в основные фонды промышленности, особенно тяжелой индустрии и транспорта, не забывая, однако, и про сельское хозяйство.

Это и намечено нами как по пятилетке, так и по контрольным цифрам на этот год. Об этом наглядно свидетельствуют следующие цифры:

Капитальные вложения в основные фонды:

Отрасли.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Сельское хозяйство (без жилфонда)	1998,7	2362,5	2422,7	2531,1
Жилстроительство деревни	886,8	900,5	920,8	1012,8
Промышленность (включая жилстроительство)	924,0	1218,7	1666,1	2254,0
Электрификация	72,1	216,1	340,0	366,6
Транспорт и связь	553,2	635,9	935,4	1176,6
Торгово-складское хозяйство	128,8	156,6	202,8	31[illegible],4
Просвещение, здравоохр. и управлен.	119,8	207,7	28[illegible],5	41[illegible],5
Коммунальное хозяйство	160,9	163,1	225,4	253,2
Жилстроительство в городах (без промжилстроит.)	363,0	461,5	589,0	659,7
Всего	5207,3	6[illegible]22,6	7565,8	8977,4

Если учесть, что за три последних года, с 1925—26 по 1927—28 г., наибольший рост основных фондов мы имеем по электрификации—209%, по кооперативному сектору сельского хозяйства—160%, по торгово-складскому хозяйству—145,8%, и по госпромышленности—41,7%, то из этой динамики фондов выявляется совершенно четкая и выдержанная линия партии и советского государства, направленная на укрепление промышленной базы народного хозяйства.

Поскольку эту линию не опрокинуть никакими рассуждениями о том, что промышленность в полной мере удовлетворяет нужды сельского хозяйства, постольку пускается в ход другая система рассуждений, сводящаяся в конечном счете к так называемой «реальной индустриализации». Для капитального строительства, как известно, также существует свой материальный лимит, в виде дефицита строительных материалов, особенно резко выраженного по строительному металлу, оконному стеклу (28%), круглому лесу (18%), извести (16%), кирпичу (12%), т. е. основным строительным материалам, без которых строить невозможно. Голод в строительных материалах мы испытываем уже два года под ряд, и не легче будет с ними и в предстоящем году. Отсюда некоторые наши экономисты делают поспешный вывод о нереальности при таких условиях наших строительных планов и необходимости, следовательно, их пересмотра в сторону уменьшения. Мы должны, по мнению этих экономистов, ориентироваться в нашем строительстве по минимальному фактору—строительным материалам, и в зависимости от их наличия и их производства укладывать индустриализацию страны в соответствующие «реальные» рамки.

Однако, приемлема ли для нас подобная политика? В природе вода, попадая в узкое место, ускоряет свое течение и этим избегает задержки в своем поступательном движении. Такова диалектика природы. Мы, большевики, попадая в «узкие» места, точно так же ищем и находим из них выходы. Наша тактика всегда сводилась к тому, чтобы, проанализировав данное явление, изучив данное затруднение, найти его слабое место, то место, ударив в которое, разорвешь всю цепь трудностей, вытекающих из данной трудности. Не по одним «реальным» факторам должны мы ориентировать свои планы и устремления, а и, наоборот, самые эти «реальные» минимальные факторы должны мы ориентировать по своим целеустремлениям, преодолевая их минимальность не фантазиями, конечно, а совершенно реальным воздействием на соответствующие факторы. Так и в данном случае, в отношении строительных материалов, задача сводится

отнюдь не к тому, чтобы с плана индустриализации сползать на «реальную» почву замедленных темпов, а к тому, чтобы изыскать недостающие нам строительные материалы.

Каким образом мыслимо преодоление дефицита строительных материалов, если даже принять его в тех размерах, в каких его определяют ВСНХ и Госплан (хотя это далеко еще не доказано, и вообще учет не только потребностей, но и наличности в этой области чрезвычайно еще не точен)? Первое обстоятельство, на которое следует обратить внимание, это то, что все строительство, особенно на юге, затягивается и заканчивается только в ноябре—декабре следующего за отчетным хозяйственного года. Таким образом, может быть использована некоторая часть продукции строительных материалов будущего 1929—30 года. Но это, конечно, не разрешает проблемы. Более существенным средством смягчения дефицита строительных материалов и преодоления этого материального барьера должно явиться быстрое и энергичное развертывание соответствующих отраслей производства. Труднее развернуть сравнительно концентрированную крупную цементную промышленность, но как раз здесь дефицит относительно меньше; трудно также, при металлическом голоде, дать достаточный прокат строительных металлов, хотя это отчасти и возможно за счет других видов металлопродукции. Что же, однако, касается таких строительных материалов, как кирпич, известь, песок (гравий), лесные материалы, черепица, шифер, алебастр и др., то при их мелкой, распыленной добыче и производстве, при соответствующем нажиме, вполне мыслимо даже за краткий срок развернуть соответствующие предприятия и дать дополнительное количество этих материалов. Постройка кирпичного завода, известковой печи, организация добычи песка, дополнительные лесозаготовки[1]), могут быть при желании развернуты в сравнительно быстрый срок.

При этом главное затруднение здесь не столько в недостатке средств (на эти отрасли мы ассигнуем достаточно значительное количество средств, особенно в последние годы), сколько в пассивности и безынициативности местных советов, в ведении которых находится большинство этих производств. Нужно поэтому наметить соответствующие организационные подходы к тому, чтобы преодолеть эту пассивность, вытекающую, в известной мере, из монопольного положения местных советов в этих производствах. Нужно широко разрешить самим строящим организациям—стройконторам, трестам и др.—обзаводиться соответствующими предприятиями, которые могут продолжать свою работу и после окончания данных построек, отдавая дальнейшую продукцию на другие постройки. Привлекая к этому заинтересованных в этом деле потребителей, можно получить соответствующий эффект, что мы уже наблюдаем в некоторых крупных строительствах (Днепрострой, Турксиб и др.). В этой области вполне мыслимо и привлечение частного капитала, при условии предоставления ему некоторых льгот, содействующих его притоку в эти отрасли производства. Во всяком случае, его работа здесь для нас гораздо менее опасна и нежелательна, чем, например, в области хлебных и сырьевых заготовок. Нужно по-большевистски взяться за выполнение этой задачи, нужно широко организационно и материально развернуть это дело—и мы еще в предстоящий сезон значительно смягчим дефицит строительных материалов.

[1]) Совершенно справедливо указывает т. Я. Яковлев в своей статье в № 252 «Экон. Жизни» на полную возможность и необходимость использования в условиях таких темпов и такого размаха индустриализации как в СССР, целых лесных массивов, близко расположенных к районам строительства и путям вывоза, отступая от традиционных правил отвода лесосек.

Третье важнейшее средство смягчения этого дефицита, это—рационализация потребления строительных материалов. Мы очень много делаем для рационализации производства вообще, но при этом недостаточно обращаем внимания на рационализацию потребления сырья и материалов, вообще на рационализацию потребления. При недостатке сырья, при недостатке, в частности, строительных материалов, совершенно недопустимой роскошью является возведение для любого завода сплошных стен в шесть и более кирпичей и перекрывание их остро-недостающим кровельным железом; постройка капитальных зданий там, где достаточно иметь легкие навесы, например, для трансформаторных подстанций крупных электростанций и т. п.; окружение каждого нового здания гигантскими лесами, при чем после постройки лесные материалы в большинстве случаев пропадают (особенно непростительной роскошью является это на юге, где лесоматериала недостает); чрезмерное расточительство в отношении применения железных конструкций там, где можно обойтись или бетонными или даже деревянными и др. конструкциями; погоня за внешней роскошью, требующей часто многих недостающих материалов и т. д. и т. п. О всех этих злоупотреблениях со строительными материалами столько говорилось и писалось, что казалось бы излишним вновь и вновь повторять их перечень. Тем не менее, по последним сообщениям и докладам РКИ, еще и в этом сезоне все это расточительство имело место. А ведь малейшая экономия в этой области, отказ от чрезмерных прочностей, попытка заменить железную кровлю, особенно в жилстроительстве, черепичной, шиферной, толем и пр., отказ от излишней роскоши в постройках, замена дорогостоящих лесов переносными вспомогательными конструкциями по типу Америки и Германии,—все это может сразу дать ощутительную экономию в строительных материалах и значительно сократить их дефицит, если не полностью его устранить. Совершенно немыслимым является продолжать еще в этом году возводить постройки с шестидесяти- и восьмидесятилетней прочностью для оборудования, которое износится в 20—30 лет и потребует замены другим, совершенно иной конструкции, иного размещения и т. д. Между тем, даже и такие явления все еще имеют место. Такому безрассудному расточительству строительных материалов должна быть об'явлена беспощадная борьба. Если ВСНХ, РКИ, местные советы, строительные комиссии и союз строительных рабочих, при содействии печати и партийных органов, еще до начала сезона тщательно проработают этот вопрос, учтут все возможности экономии и проследят за тем, чтобы эта экономия действительно соблюдалась и чтобы некоторые безответственные строители не страховали себя от возможных неприятностей, в случае плохого качества стройки, двойными и тройными запасами прочности,—то по этой линии вполне мыслимо разрешение коллизии между об'емом строительства и производством строительных материалов. Тем более это станет возможно, если с одинаковой энергией пойти на расширение и развертывание соответствующих отраслей производства и добычи стройматериалов.

О темпах капитального строительства

Призыв к «реальной индустриализации» обычно сопровождается указанием на то, что мы, дескать, взяли «нереальные», непосильные для себя темпы капитального строительства в первые годы предстоящей пятилетки (в которую входит и рассматриваемый нами год) и снижаем темпы в следующие годы, вследствие чего получается так называемая «потухающая» кривая темпов капитального строительства. Не проще ли заменить эту потухающую кривую кривой восходящей, что означает некоторое снижение темпов

в первые годы пятилетки с тем, чтобы они в большей мере возросли в последующие, при одном и том же об'еме строительства в течение всего пятилетия. Это помогло бы подогнать во-время строительные материалы, обеспечить строительство необходимыми финансовыми средствами, легче освоить заканчивающиеся постройки и дало бы ряд других положительных последствий.

Как будто на первый взгляд такая постановка вопроса кажется заманчивой, не говоря уже о том, что плавно восходящие линии красивее горбатых затухающих линий. Это как будто весьма целесообразно и с чисто деловой точки зрения. Такую постановку, между прочим, рекомендует т. Фрумкин в своей статье в № 40 журнала «Финансы и Народное Хозяйство», что с точки зрения НКФ, как ведомства, отвечающего за реальный бюджет, казалось бы вполне логично. Однако, и эта постановка неправильна и оппортунистична. Достаточно указать на то обстоятельство, что при всех выгодах, какие бы мы ни получали от такого растяжения темпов строительства, мы получаем одну лишь, но решающую невыгоду—это то, что затягивается на несколько лишних лет окончание многих важнейших из начатых построек, затягивается начало и темпы нескольких новых построек, абсолютно нам необходимых (например, Сталинградский тракторный завод, Магнитогорский и Тельбесский металлургические комбинаты и др.) и вместе с тем удлиняются сроки увязки в строительстве миллиардных капиталов, в прежние годы из'ятых на время постройки из быстрого народнохозяйственного оборота и переданных в сильно замедленный строительный оборот. Последнее обстоятельство, между прочим, следовало бы учесть и зам. наркомфина тов. Фрумкину.

Нужно с максимальной осторожностью приступать к новым постройкам, особенно к крупным, учитывая как это указал и XV с'езд ВКП(б), «опасность слишком большой увязки государственных капиталов в крупное строительство, реализующееся на рынке лишь через ряд лет». Но тот же XV с'езд указал, что «капитальные затраты каждого года должны предусматривать максимальные вложения в сравнительно ограниченное число новых заводов и отобранных для реконструкции действующих предприятий» (разр. моя. *А. К.*).

Можем ли мы поэтому согласиться на какое бы то ни было замедление в окончании начатых построек и в приступе к новым крупнейшим постройкам, совершенно для нас необходимым (в частности, к постройке заводов по использованию энергии Днепровской электростанции, постройке ряда крупнейших заводов по производству минеральных удобрений и дальнейшему расширению металлургической базы нашего хозяйства и т. д.)? Ответ может и должен быть совершенно категорически отрицательным. Ведь, весь смысл той напряженной, настойчивой индустриализации, которую проводит наша партия в том-то и заключается, чтобы как можно скорее получить те новые заводы, без которых страна не может существовать, развернуть те отрасли, по линии которых она все еще находится в зависимости от внешнего мира, которые обусловливают развитие машиностроения и дальнейшее развитие легкой индустрии, сельского хозяйства и т. д.

Поэтому в интересах максимального ускорения темпов строительства, даже при тех размерах средств, какие мы можем с максимальным напряжением вкладывать в капитальное строительство, и при тех материальных лимитах, которые обусловливают размеры наших вложений, мы должны добиться значительного ускорения строительства и повышения его эффективности. Этого мы достигнем, если широко применим новейшие методы строительства и пойдем

на значительное видоизменение самих наших строительных конструкций, на значительную экономию материалов, о чем мы выше говорили, на решительную рационализацию строительного дела. При наших азиатских методах строительства, унаследованных нами от крепостного периода с его дешевым трудом, возможности для нас в этом отношении громадны, и при малейшем революционном нажиме в эту сторону, мы можем добиться весьма ощутительных результатов. А стоит нам, в среднем, сроки наших построек, измеряющиеся 2—3 годами, сократить хотя бы на полгода, если не на целый год—и мы получим гигантский как материальный, так и финансовый эффект, заключающийся, с одной стороны, в скорейшем введении в процесс производства новых двигателей и машин с большой мощностью и в увеличении таким образом темпов производства и, с другой стороны, в высвобождении из замедленного строительного оборота многомиллионных капиталов, которые дадут нам возможность поддержать высокие темпы строительства и в дальнейшем ослабить то финансовое напряжение, которое создалось в стране в результате того, что мы до одной трети всего народного дохода вкладываем в капитальное строительство. Ускорение строительных процессов устранит, таким образом, те горбы в кривых строительства, которыми нас пугают, и превратит потухающие линии в восходящие.

Вот как стоит вопрос и как он должен по-большевистски решаться. Не может быть и разговора о какой-либо уступке в этом вопросе. Нечего нам бояться горбов в деле капитального строительства, если эти горбы приводят к ускорению индустриализации и к смягчению в дальнейшем финансового напряжения, а также к разрешению тех противоречий и к устранению тех материальных препятствий, которые лежат по пути к индустриализации.

Следует подчеркнуть, что как раз этот год является для нас особенно тяжелым в том смысле, что как раз на этот год приходится максимум незаконченных ранее начатых построек и максимальная увязка соответственно этому капиталов, вложенных в строительство еще в 1925—26, 1926—27 и 1927—28 гг. Об этом может дать представление прилагаемая сжатая табличка, исчисленная по данным ВСНХ (данные 1926—27 г., особенно вступительная цифра этого года, недостаточно уточнены, но от этого картина мало изменится):

Степень законченности капитальных работ в промышленности:

(в милл. черв. руб.).

	1926/27 г.	1927/28 г.	План 1928/29 г.
1. Затраты, произведенные до начала данного года по незаконченным до этого года об'ектам капитальных работ	442,4	650,8	786,6
2. Сумма затрат по производимым в данном году капитальным работам.	1065,9	1310,6	1650,5 [1])
3. Общая стоимость произведенных работ, вступивших в данном году в эксплоатацию	857,5	1174,8	1557,1
4. Сумма произведенных до конца данного года затрат по незаконченным об'ектам капитальных работ, переходящим на следующие годы. . . .	650,8	786,6	880,0

Таблица показывает, что, несмотря на интенсивный рост из года в год капитальных вложений в промышленность и энергичный рост заканчиваемых работ, вступающих в данном году в эксплоатацию, размер сумм, увязанных в незаконченных работах, продолжает возрастать вплоть до этого года, что, помимо всего прочего, об'ясняется медленным освоением заканчиваемых новых средств производства (новых фабрик, заводов, цехов, машин, двигателей).

¹) Без учета дополнительного удешевления строительства.

Мы в эти годы начали постройку ряда крупнейших заводов, начали вторую серию электростанций, после окончания первой, начали крупнейшие транспортные постройки, как, например, постройку Турксиба и др.,—одним словом, начали гигантскую серию крупнейших новых сооружений. Эти сооружения лишь в небольшой своей части закончены и вышли из постройки в этом году, в большинстве они затягиваются еще на год и больше. Между тем, и в этом году и в прошлом пришлось начать несколько новых построек, которые в свою очередь увеличивают размеры увязываемых в строительстве средств. Но уже в конце этого хоз. года и в след. году выйдет из постройки ряд начатых в 1925/26—1926/27 гг. фабрик и заводов, что *значительно облегчит положение*. Это тем более говорит за то, что необходимо *выдержать взятый нами темп строительства*.

Проблема рационализации и снижения себестоимости [1]).

XV с'езд ВКП(б) выдвинул на предстоящий период рационализацию производства и управления в качестве узловой задачи, которая должна сопровождать генеральную установку на индустриализацию страны. Социалистическая рационализаци, в отличие от капиталистической, продполагает *неизменное повышение материально-культурного уровня жизни трудящихся*.

В условиях социалистического строительства при диктатуре пролетариата основной социально-экономической чертой социалистической рационализации и ее отличием от всякой иной рационализации является то, что она приводит через снижение себестоимости к снижению продажных цен предметов широкого потребления и повышает таким образом реальный заработок рабочего, а также и то, что социалистическая рационализация, повышая производительность труда, дает возможность постепенно *сокращать рабочее время*, обусловливая тем самым повышение культурного и бытового уровня жизни рабочих.

Рационализация, понижая себестоимость, увеличивает внутрипромышленное накопление (наша промышленность в последние годы подходит уже к 10% прибыли на капитал). Соответствующее использование этих накоплений пролетарским государством, не сокращая отчислений на улучшение быта рабочих и не замедляя постепенного из года в год роста номинальной зарплаты, *обеспечивает гигантские темпы капитального строительства и развертывания производительных сил страны как в самой промышленности, так и в сельском хозяйстве*, а это вместе с тем вовлекает в производство новые *миллионы* людей, сокращая тем самым аграрное перенаселение и безработицу.

В контрольных цифрах ВСНХ и Госплана на 1928—29 г. мы находим конкретное отражение этой нашей узловой установки. Контрольные цифры предусматривают 16½-процентный перевод промышленных рабочих на 7-часовой рабочий день. В отношении зарплаты контрольные цифры предусматривают рост в размере от 6 до 7% в зависимости от роста производительности труда на 15 или 17,5% по двум вариантам, ВСНХ и Госплана, и снижения себестоимости соответственно на 6 или 8%. Независимо от того, какой из обоих вариантов будет принят окончательно [2]), приходится констатировать конкретное отражение в контрольных цифрах этого года всех тех линий, по которым социалистическая рационализация приводит к улучшению материального и культурного уровня жизни рабочих.

[1]) Глава эта представляет собой слегка переработанную и сокращенную мою статью, напечатанную в № 247 «Экон. Жизни» от 23 октября с. г. под заглавием «Проблема рационализации в контрольных цифрах на 1928/29 г.». *А. К.*

[2]) Во время печатания статьи вынесено решение о 7-процентном снижении себестоимости промышленной продукции, как минимуме.

Снижение себестоимости на 8% должно дать промышленности те денежные ресурсы изнутри, которых не достать ей во-вне, в бюджете и кредитной системе, для осуществления того об'ема капитального строительства, какой намечен в качестве минимально необходимого на этот год. Еще в этом году на ряду с осуществлением намеченного снижения себестоимости предполагается осуществление намеченного плана строительства, что должно ввести через год в производственный процесс целую серию *новых крупных фабрик и заводов-гигантов*. В связи с этим мы получаем возможность провести в дальнейшие годы намечаемые пятилеткой темпы роста продукции, в том числе и продукции предметов широкого потребления, и добиться в дальнейшем еще более значительного, чем в этом году, снижения себестоимости, а также и отпускных и розничных цен и соответствующего под'ема реальной зарплаты.

Широкая рационализация в этом году промышленного производства, не давая сразу в этом же году полного своего эффекта в смысле удовлетворения интересов рабочих, приводит зато *в перспективе ближайших лет к крупнейшим результатам в смысле индустриализации*, поскольку помогает преодолеть исключительные трудности этого года, когда мы имеем относительно *наибольшее увязывание средств* в начатых крупных промышленных постройках и в то же время имеем еще относительно небольшое количество *оконченных* уже и *освоенных* производственно новых крупных предприятий. А *индустриализация есть предпосылка дальнейшей рационализации в еще большем масштабе, есть вместе с тем и предпосылка полного проведения 7-часового рабочего дня, есть предпосылка дальнейшего весьма значительного улучшения материального и культурного уровня жизни труда*.

Не следует, однако, думать, что осуществление намечаемой контрольными цифрами программы рационализации является легкой задачей. Не нужно забывать, что осуществлять эту задачу придется при старом и лишь частично обновленном и реконструированном оборудовании фабрик и заводов, при старых силовых установках, при изношенном котельном хозяйстве и т. д. Много усилий придется при этом направить по линии организационной, по линии поднятия интенсивности труда, по использованию всех преимуществ 7-часового рабочего дня на тех предприятиях, где он будет проведен, по линии дальнейшего сокращения накладных расходов. Нужно будет в полной мере использовать тот ценнейший опыт рационализаторской работы, который собран и отражен в недавно вышедшей книге ВСНХ о рационализации и подытожен в известной мере последним пленумом ЦКК. Что, однако, несмотря на все предстоящие трудности, у нас есть еще *неизвестные внутренние резервы для снижения себестоимости продукции*, это косвенно подтверждает тот факт, что в итоге прошлого года, мы, несмотря на неблагоприятные условия — на превышение ростом зарплаты намеченного прошлогодними контрольными цифрами и промфинпланом уровня роста зарплаты (10½% против намеченных 7%) и недовыполнение задания по повышению дневной выработки рабочего (14,5% против 17,3%),—имеем все же снижение себестоимости на намеченные ВСНХ 5% и лишь на 1% отстали от задания СТО.

В ближайшие годы и особенно, повидимому, в предстоящем году, рационализаторской работе будет сильно препятствовать *недостаток сырья*, в том числе металла, отчасти, возможно, и топлива. Сниженные материальные лимиты по этим линиям затрудняют рационализацию в том смысле, что не дают возможности нагрузить в достаточной мере фабрики и заводы, расширяющие вследствие рационализации свою производственную

мощность, не дают переводить их на вторые и третьи смены, не позволяют набирать новых рабочих, а в некоторых случаях, как, например, этим летом в льняной промышленности, приводят даже к сокращению наличного числа рабочих. Это ставит барьер на пути рационализации, сужает ее размах и интенсивность, ибо совершенно ясно, что для нас неприемлемо сокращение контингента рабочих ни при каких условиях.

В чем выход из этих трудностей? Выход следует искать первым делом по линии тех отраслей, которые совсем не ограничены или в минимальной степени ограничены сырьевыми лимитами. Таковы—вся почти горнодобывающая, ряд отраслей строительной промышленности, вообще силикатной, далее химической, бумажной, лесной и др. В них в ближайшее время следует широко развернуть рационализаторскую работу тем более, что эти отрасли почти не затронуты рационализацией, за исключением разве топливной. С другой стороны, выход должен быть найден по линии рационализации потребления сырья, улучшения его качества (напр., лучшей сортировки руды и известняка для домен) [1], по линии сокращения всякого рода угаров, отбросов, брака, по линии утилизации отбросов сырья, по линии изыскания новых видов сырья (искусственные волокна, например), по линии, наконец, всякого рода смесей, дающих возможность заменить чистое сырье без особого ущерба для качества продукции. Блестящим примером такого приспособления к разного рода смесям, новым видам сырья и т. п. дает нам отрезанная Версальским миром от своих сырьевых баз Германия. Тем больше таких возможностей у нас, при наших недрах, лесах и т. д. Мы слишком недостаточно направляем свои рационализаторские и новаторские усилия по этим линиям, ибо издавна избалованы избытком сырья. Наконец, выход лежит еще и по линии экспорта в больших, чем намечено, размерах избыточных видов сырья, полупродуктов и фабрикатов в обмен на добавочный импорт недостающего нам промсырья, особенно с Востока.

Ясно, конечно, что одними этими мерами не устранить препятствий в рационализаторской работе со стороны недостатка сырья. Ясно, что корень вопроса лежит в широком развертывании своей собственной сырьевой базы, особенно металлической и сельскохозяйственной. Если препятствием рационализации становится сырье, то против него в первую очередь должна быть направлена рационализация: путем снабжения соответствующих отраслей сельского хозяйства машинами, тракторами, семеноочистителями, культиваторами, удобрениями, путем организации лучшей первичной обработки сырья, путем обобществления сырьевых хозяйств и их укрупнения должны мы расширить сырьевую базу нашей промышленности до таких пределов, чтобы сырье перестало быть лимитом для роста производства. Таков большевистский подход к разрешению противоречий нашего строительства.

На ближайший период и особенно на этот год, дефицитный вследствие недорода отдельных видов растительного сырья, указанные выше меры должны найти широкое применение тем более, что они могут быть осуществлены сравнительно быстро и без особенно крупных затрат. Но они требуют широчайшей инициативы, изобретательности, хозяйственности.

Мы должны приложить все усилия, всю нашу инициативу и настойчивость к тому, чтобы нашу социалистическую рационализацию и на ее базе индустриализацию развернуть в этом году в полном об'еме, исходя из намечаемых контрольными цифрами по этой линии заданий.

(Окончание следует).

[1]) См. интересную статью Л. Габриэльянца в «Эк. Ж.» от 18 X с. г.

Л. Гатовский.

К вопросу о политике цен на сельскохозяйственные товары.

Политика сельскохозяйственных заготовительных цен, в частности определение их общего уровня, является одним из центральных вопросов нашей экономики; об этом говорит простое перечисление важнейших моментов, связанных с политикой сел.-хоз. цен, ее обусловливающих.

Это, во-первых, выгодность производства и реализации с.-х. товаров; во-вторых, соотношение спроса и предложения промтоваров, в значительной степени определяемое выручкой от реализации с.-х. товаров; далее, распределение народного дохода между различными классами населения, темп прироста социалистического накопления, темп индустриализации и, наконец, повышение низкой покупательной силы нашего рубля и сближение уровня наших цен с уровнем мировых, особенно по экспортным товарам.

Остановимся подробнее на первом и втором моменте: на показателях производства и сбыта с.-х. товаров и на доходности деревни, в их взаимозависимости с политикой цен. При этом необходимо заранее отметить, что качество нижеприводимого цифрового материала (правда, включающего новые подсчеты ведомств) не позволяет с большой точностью обрисовать состояние сельского хозяйства в текущем году, приходится ограничиться лишь выявлением основных тенденций тем более, что размеры статьи не позволяют провести более детального анализа.

Обратимся к основным показателям производства и сбыта с.-х. товаров: движению посевных площадей, стада, валовой и товарной продукции.

Естественно, что эти показатели дают основной фон для политики цен,—последняя должна быть иной при кризисе сельского хозяйства, иной при под'еме и т. д.

Движение посевных площадей представляется в следующем виде (нами взята разница в % к предшествующему году) [1]):

	1926	1927	1928
Вся площадь	+6,0	+2,4	—0,1
Зерновая	+7,1	+1,9	—2,6
В том числе яровых	—0,8	+0,7	+6,4
Технических культур	—5,5	+6,3	+18,3
В том числе хлопок	+10,8	+14,6	+22,2
Сах. свекла (крестьянские посевы)	—15,4	+10,7	+24,9
Лен	—0,8	-0,1	+4,1
Маслосемена	+7,9	+3,8	+18,4
Картофель	+3,6	+4,9	+3,0
Прочих	+4,9	+5,8	+1 ,6

[1]) Статья написана по данным Госплана

Эта таблица выявляет благоприятную картину роста посевов незерновых в текущем году. Что касается сокращения общей площади зерновых, то интенсивный рост ярового клина выявляет гибель озимых, как важнейшую причину этого сокращения.

После сокращения посевов технических культур в 1926 г. наступает их интенсивный рост в 1927 г., при чем этот рост продолжается и даже значительно усиливается в текущем 1928 году, между тем как зерновые дают именно в 1926 г. интенсивный рост, ослабляющийся в 1927 г. и сменяющийся сокращением в 1928 г. Поскольку же зерновые посевы составляют 84% всей посевной площади— естественно, что изменение общей посевной площади отражает в основном изменение площади зерновых. Отсюда уже сразу напрашивается вывод, что здесь необходим диференцированный качественный анализ, а не простой арифметический подсчет. Ведь доходность десятины технических культур во много раз выше доходности десятины зернового посева. Ценность продукции, затрата труда—значительно выше. Если сделать поправку на трудоемкость посевов, мы получим рост для 1927 и 1928 гг.

Сказанное нами вовсе не означает, что можно игнорировать факт сокращения посевов зерновых (на этом мы остановимся ниже), но не следует и делать непосредственных выводов о кризисе всего сельского хозяйства из суммарных цифр, не подвергая их более углубленному анализу.

Интенсивный рост посевов наиболее ценных и трудоемких культур факт далеко не маловажный. В 1928 г. мы имеем превышение довоенного уровня по посевной площади технических культур на 58%, по зерновым—недовосстановленность на 10%, а по всей посевной площади на 3%.

Недовосстановленность посевных площадей далеко не единственный производственный показатель зернового хозяйства, зависящий от производителя.

Вложения средств производства, затраты труда, способы и организация производства оказывают, естественно, огромное влияние на уровень зерновой продукции. Факт повышенных сборов хлеба в период от 1925 по 1928 г. зависел не только от метеорологических условий, и совершенно бесспорно, что в сельском хозяйстве СССР происходит процесс технической реконструкции, повышения производительности, устойчивости, роста % доходных, интенсивных, товарных культур. В зерновом хозяйстве мы видим процесс рационализации севооборотов, сдвиги в технике возделывания почвы и т. д. По расчетам т. Вольфа относящимся к степной Украине, благодаря повышению удельного веса озимой пшеницы по сравнению с яровой при отставании посевной площади пшеницы на 11% от довоенного уровня мы имеем при сопоставлении средних урожаев рост ее сбора по сравнению с довоенным уровнем на 5%, а при условиях частичной засухи, превышение сбора составило бы 21%. (Урожайность озимой пшеницы на 38% выше яровой). В общем современный тип полеводства степной Украины обеспечивает урожай в значительной степени более высокий, чем до войны, и засухоустойчивость и производительность оказываются выше, чем даже в довоенных помещичьих хозяйствах. По данным Наркомзема по РСФСР также наблюдается рост % посевов по ранним и улучшенным парам, по зяблевой вспашке и т. д.

Обратимся к анализу факта сокращения на 2½% посевной площади зерновых в 1928 г., вызвавшего, несмотря на значительный рост посевов более ценных культур, стабилизацию всей посевной площади.

Сокращение посевов может иметь своей причиной непосредственно экономические (отсутствие экономических стимулов, например, реагирование на низкие цены) и биологические моменты (например, гибель посевов из-за условий погоды).

В 1928 г., очевидно, действовали оба момента, при чем основную роль сыграла гибель озимых, имевшая место на Украине, Сев. Кавказе, а также в Крыму, Центрально-Черноземной области, потребляющей полосе. Всего погибло около 6 млн. гектаров, при чем главная их масса падает на Украину и Сев. Кавказ; по этим же районам и произошло максимальное сокращение посевов. Выделив эти районы, получим сокращение посевов, примерно, на ½%. Однако, следует помнить, что и здесь имеется влияние гибели озимых. По существу цифра в полпроцента, конечно, не дает основания говорить о снижении. Более точно было бы говорить о стабилизации.

Выделив все районы, затронутые гибелью озимых (Украина, Сев. Кавказ, Центр.-Черноземн., Центр.-Промышл., Сев.-Восточный и Крым), получим для остальных районов рост посевной площади зерновых на 1%, а по выделенным—сокращение на 2½%.

По ряду районов мы имеем прирост посевов: Сибирь, Поволжье, Башкирия и др. Потребляющая полоса, Центр.-Черноземн. обл., Урал дают обратную картину (при чем по Уралу имеется особенно значительный рост посевов незерновых). Всего по СССР мы имеем рост яровых посевов на 6,4%, несмотря на тенденцию к снижению ярового клина, имевшую место в прошлом. По РСФСР налицо прирост ярового клина на 1% даже без пересева озимых.

Падение удельного веса ярового клина наблюдалось и ранее и представляет собой явление, несомненно, прогрессивное (рост интенсификации, засухоустойчивости и т. д.).

Так, в 1927 г. на Украине при общем приросте зерновой площади в 0,7% прирост озимых дал 11,2%; та же тенденция наблюдалась и по Северному Кавказу. Если в 1926 году посевы озимой пшеницы составляли по СССР 31,5% ко всем пшеничным посевам, то в 1927 г. они достигли уже 35,6% (до войны—всего 22,3%). В 1927 г. мы имеем прирост в 3,27 млн. гектаров по озимой пшенице в отношении довоенного уровня, а по яровой—сокращение на 7,63 млн. Это, несомненно, означает прирост урожайности и компенсирует в той или иной степени недовосстановленность посевов. В своей чрезвычайно интересной статье («Правда» №№ 11 и 12, за 1928 г.) т. Вольф, говоря о реконструкции полеводства степной Украины (усиление роли засухоустойчивых культур, особенно озимой пшеницы, удельный вес которой бурно растет за счет яровых культур, менее интенсивных и не имеющих пока перспектив сколько-нибудь значительного повышения урожайности), дословно отмечает следующее: «Степь стала на путь интенсификации своего полеводства и этим самым отрезала путь к экстенсивному расширению». Далее «Не случайно, что в округах, наиболее быстро подвинувшихся по пути реконструкции, мы в 1927 году имеем уже не расширение посевной площади, а ее сокращение, сопровождаемое, однако, ростом зерновой продукции». Тов. Вольф указывает, что рост клина озимой пшеницы означает и дополнительную площадь под паром, что при росте всей обрабатываемой площади может дать уменьшение засеваемой. Таким образом, сокращение ярового клина может и не представлять собой явления отрицательного порядка и может вызываться не только ослаблением экономических стимулов у крестьянства, но и стремлением к укреплению своего хозяйства.

Наконец, следует подчеркнуть, что пересев озимых потребовал от крестьянства колоссального напряжения и отвлечения хозяйственных ресурсов, что не могло не отразиться на результате всего весеннего сева. И все же по районам, пораженным гибелью озимых, мы имели прирост весенних посевов на 14%. Эта цифра говорит достаточно сама за себя. Если подсчитать сумму трудовых затрат крестьянства на посев, учитывая и пересев озимых, то, весьма вероятно, окажется, что крестьянство в этом году приложило больше усилий к восстановлению производства, чем в прошлом,

а это свидетельствует об отсутствии тяжелого кризиса зернового хозяйства. Но, само собою разумеется, современное состояние зернового хозяйства является «узким местом» нашего хозяйства в целом и, в частности, индустриализации, поскольку налицо факт чрезвычайного отставания зернового хозяйства по сравнению с потребностями быстро индустриализирующейся страны. Отсюда та решительная постановка вопроса о развитии зернового сельского хозяйства, которая дана в постановлениях июльского пленума ЦК ВКП(б).

Не следует далее упускать из вида факта все большего исчерпания резервов для расширения посевов. Приближение к грани восстановительного процесса в области посевных площадей под зерно, естественно, замедляет темп прироста.

Районы, где эти резервы еще велики, дают в основном и в этому году прирост, при этом снова подчеркиваем необходимость иметь в виду и ряд реконструктивных процессов в распределении культур, имеющих место и сокращающих посевы зерновых. Конечно, этот последний факт в некоторых случаях при чрезмерном форсировании имеет отрицательные последствия (отставание зерновых), но он во всяком случае свидетельствует не о кризисе всего сельского хозяйства.

В общем можно сделать вывод, что при отсутствии причин метеорологического характера мы имели бы, по всей вероятности, стабильность посевной площади зерновых, но и эта стабильность имеет ряд «смягчающих вину обстоятельств», о которых мы говорили. Следовательно, о явлениях катастрофы, тяжелого кризиса и т. д. в зерновом хозяйстве говорить нет достаточных оснований. Но самый факт даже стабилизации посевов в 1928 г. при резком замедлении их роста в 1927 г. свидетельствует о серьезном отставании зернового хозяйства, вызванном, как известно, в значительной степени относительно низким индексом хлебных цен (резкое снижение цен в 1926—27 г. было далеко не достаточно компенсировано повышением их в 1927—28 г.).

Прежде чем перейти к рассмотрению других показателей состояния сельского хозяйства, остановимся на изменении зерновых посевов по имущественным группам деревни.

Проведенное ЦСУ анкетное обследование выявило тенденцию к росту посевов низших групп и сокращению посевов высших, при чем этот момент усиливается в связи с получением государственной помощи.

Разница в %% к предшествующему году по данным Госплана.

Сев. Кавказ	В среднем	В том числе: Получ. госпомощь	Не получивш.
Без рабоч. скота . . .	+ 8 8	+ 18,3	— 10,1
С 1 голов.	+ 0,9	+ 5,7	— 6,4
„ 2 „	— 8,8	— 6,7	— 10,8
„ 3 „	— 12,2	— 10,6	— 13,3
„ 4—7 „	— 18,6	— 20,9	— 17,0
В среднем	— 8,4	— 4,6	— 12,2
Нижн.-Волжск. район			
Без рабоч. скота . . .	+ 13,7	+ 21,5	+ 5,0
С 1 голов.	+ 6,7	+ 10,2	+ 3,2
„ 2 „	+ 0,7	+ 5 3	— 3,1
„ 3 „	— 3,8	— 1,9	— 5,0
„ 4—7 „	— 7,6	— 10,2	— 6,0
В среднем	+ 1,3	+ 5,1	— 1,8

Другие данные также подтверждают эту тенденцию (напр., по Украине). Между прочим по Сев Кавказу мы видим сокращение и явно-середняцких посевов, но это об'ясняется значительным общим сокращением посевов по Сев. Кавказу, здесь важен темп сокращения по сравнению с верхушечными слоями.

Как правило, кулацкие группы заметно сократили свои зерновые посевы, переходя к другим источникам дохода, в том числе и спекулятивно-хищническим: к ростовщичеству, торговле и т. д.

Это связано, между прочим, и с недовольством кулака даже повышенными хлебными ценами и с его требованием крайне значительного их повышения. Кулак не удовлетворяется нынешним уровнем цен, который по ряду данных дает возможность середняцко-бедняцким группам развертывать свое хозяйство, особенно при наличии государственной помощи.

Какова динамика скотоводства?

Показывает ли она его регресс?

Последние данные говорят о процессе расширенного воспроизводства, правда, дающем в 1928 г. некоторое замедление темпа.

Весь скот в переводе на крупный показывает в 1926 г. рост на 6,5% к предшествующему году, в 1927 г.—4,9%, в 1928 г.—2,3%.

Более благоприятно положение по лошадям и, очевидно, по мелкому скоту, хуже обстоит дело с крупным рогатым скотом. Приведем соответственные цифры, показывающие прирост стада (в %%):

	в 26 г.	в 27 г.	в 28 г.
по лошадям	+ 8,8	+ 8,1	+ 4,5
„ молодняку (положение лучше)	+ 12,6	+ 8,8	+ 7,9
„ свиньям	— 0,2	+ 7,3	+ 12,4
„ овцам и козам	+ 7,1	+ 6,7	+ 3,2
„ крупному рогатому скоту в целом . .	+ 5,8	+ 4,6	+ 1,2
в том числе по коровам (темп роста незначителен)	+ 4,7	+ 1,1	+ 1,5
по телятам	+ 4,1	+ 4,9	+ 3,0

По волам мы имеем в 1928 г. несомненное сокращение стада (правда, удельный вес волов незначителен). Это сокращение в известной мере вызвано чрезмерно высокими ценами на мясо.

Обратимся к следующим показателям состояния сельского хозяйства—к движению валовой продукции и товарной массы в неизменных ценах.

Динамика валовой продукции.

(в %% к предшеств. году)

	1926—27	1927—28	1928—29 (предпол.)
Зерновые	+7,2	—6,8	+1,0
Технич культуры . .	—15,6	+19,2	+5,5 (8,6[1])
Животнов. продов. . .	+7,7	+5,6	+4,5
Животнов. сырье . . .	+6,5	+7,7	+4,8

Вся валовая продукция сельского хозяйства возрастает в текущем году в неизменных ценах на 5,5%

По важнейшим техническим культурам ожидается довольно интенсивный рост продукции (хлопок—19,8%, лен—18,5%, свекла—5%), по картофелю—на 5%.

---

[1]) По другим данным.

Обратимся к динамике товарной массы в неизменных ценах.

	1926—27 г.	1927—28 г.	1928—29 г. (предпол.)
Вся товарная масса с учетом и внутрндеревенск. оборотов	+6,2	+5,6	+7,7
Без внутрикрестьян. оборота			
по с.-х. годам	+3,5	+7,9	+5,9
по хоз. годам	+5,2	+6,5	+6,5

По отдельным отраслям с.х. положение таково:

	1926—27 г.	1927—28 г.	1928—29 г.
Растеньеводство	—2,7	+6,1	+1,5
В том числе технич. культур. .	—8,7	+29,3	+8,6(+11,6[1])
Животноводство	+5,9	+12,2	+6,8

% товарности по техническим культурам и животноводству показывает несомненный рост.

Какие выводы следуют из анализа показателей состояния сельского хозяйства, и как они увязываются с политикой с.-х. цен?

Факт значительной напряженности продовольственного и сырьевого баланса общеизвестен, но имеет ли место в сельском хозяйстве деградация, процесс суженного воспроизводства, ухудшения качественных показателей? Лишь симптомы таких процессов могли бы дать основание к постановке вопроса о переломе в политике с.-х. цен в сторону их дальнейшего роста (о влиянии этого перелома на народное хозяйство, особенно в обстановке текущего года, скажем ниже). Данные о посевных площадях, стаде, валовой и товарной продукции, говорят о необоснованности подобных пессимистических утверждений. Сельское хозяйство находится в процессе расширенного воспроизводства, правда, имеющего ряд ослабляющих тенденций (прежде всего, зерно и лен), но ряд данных заставляет предполагать о предстоящем улучшении и на этих участках. По льну улучшение намечается уже в текущем году В 1928 г. наметился рост посевов льна на 15% (против снижения их в 1926 г. на 28,5% и в 1927 г.—на 3,1%). Цены на лен повышены на 22%. Большое значение приобретает огромный рост контрактаций по льну в текущем году (на 126%), связанных с агротехническими мероприятиями Важнейшей задачей остается снабжение льняных районов хлебом и промтоварами (особенно мануфактурой и растительным маслом). В отношении зерновых культур имеется ряд данных ожидать в 1928 г. значительного роста посевов. В пользу этого говорит под'ем хлебных цен (особенно, если учесть и возросшую долю внеплановых заготовителей и высокий уровень их цен), наличие высокого урожая именно в районах с максимальными резервами посевных площадей (отсюда значительный рост доходности на десятину, влияющий обычно в сторону расширения посевов); рост машиноснабжения деревни на 25%; рост количества тракторов на 32% при 4% в предшествовавшем году; рост контрактаций на 80% (с охватом до ¼ крестьянских хозяйств). Здесь необходима, конечно, особенно напряженная работа.

Сельское хозяйство реагирует на индустриализацию прогрессивными сдвигами, вопреки теориям неонародников о семейно-продовольственном направлении развития крестьянских хозяйств. По РСФСР % технических и интенсивных культур составлял в 1928 г.—16,1% против 10,8% в 1913 г.

Мы имеем превышение довоенного уровня по скоту. Не отрицая особенной важности зерновой отрасли, следует все же помнить, что доля зерновых в валовой продукции сел. хоз. (по ценности) равна ⅓, а в товарной массе около ⅕, т.-е. в 1½ раза менее доли технических культур с маслосеменами и в 1½ раза менее животноводческих продовольственных, и потому рост незерновых отраслей имеет соответствующее значение. В общем рост

[1]) По другим данным.

валовой и товарной продукции сельского хозяйства дает прирост реальной доходности деревни. На ряду с этим имеет место прирост основных фондов деревни (по данным, имеющимся в Госплане—около 6% ежегодного прироста).

Обратимся к с.-х. ценам. Движение их в значительной мере об'ясняет диспропорциональность развития отдельных отраслей сельского хозяйства. Постепенное сжатие «ножниц» между с.-х. и промценами и выравнивание цен отдельных сельскохозяйственных товаров, проводимые в течение последнего периода, должны оказать свое положительное влияние.

Сопоставление заготовительных цен с данными о показателях с.-х. производства и товарности выявляет несомненное влияние первых на последние, а также некоторую «кон'юнктурность» проводившейся политики цен, недостаточно предусматривавшей возможные под ее влиянием сдвиги.

В 1925—26 г. мы имели бурный рост технических культур и затруднения на хлебном рынке—в результате проводится повышение хлебных цен и снижение по ряду технических. На это деревня реагировала ростом производства зерновых и сокращением технических. В ответ на это проводится значительное снижение хлебных цен и мероприятия по под'ему технических культур в том числе и повышение цен, не нашедшее благодаря своему сроку достаточного отражения в годовых индексах цен на сырье.

Результаты этой политики не успели сказаться на товарном выходе хлеба в 1926—27 г. в виду слабого поступления дохода от реализации незерновых (падение продукции технических культур), но уже сказались в замедлении прироста посевов хлеба в 1927 г., в падении товарности хлеба в 1927—28 году в виду возможности для деревни свести платежный баланс более выгодно по линии реализации технических культур, продуктов животноводства и т. д. Наконец, результаты этой политики сказались на состоянии посевов 1928 г. Таким образом, 1927—28 и 1928—29 с.-х. годы проходят под знаком отставанья по хлебу и 1927—28 г.—по льну, при чем 1928—29 год обещает быть в отношении льна переломным.

В отношении льна мы имеет значительное его «оседание» в деревне для внутрикрестьянской обработки. До войны % «оседания» был равен 25, теперь он достигает 50. Основная причина—резкое отставанье доходности льна. Наиболее показательно сравнение цен на лен с ценами на льняные изделия и с ценами на рожь, овес, картофель. Две последних культуры в особенности являются конкурентами льна.

По подсчетам Наркомзема, килограмм льна при переработке его в крестьянском хозяйстве давал вдвое большую доходность, чем при его реализации. Между прочим, такой же разрыв цен между сырьем и продукцией мы имеем и по маслосеменам, что также сильно тормозит рост их товарности, и по молоку и коровьему маслу.

«Крестьянские индексы» Кон'юнктурного Института НКФ по льноводным районам, не давая, конечно, точной фотографии действительных ценностных отношений, все же улавливают их основные тенденции, в том числе и конкурентоспособность льна.

Приведем следующие данные:

Отношение индекса льна, картофеля и овса к индексу всех производимых с.-х. товаров.

Смоленско-Тверской район.

	1927—28		1928			
	I кварт.	II кварт.	1/IV	1/V	1/VI	1/VII
Лен-волокно	075	067	069	066	067	055
Картофель	088	094	099	104	113	092
Овес	096	104	114	124	114	141

Ярославско-Костромской район.

Лен-волокно	071	072	072	059	063	054
Картофель	091	087	093	101	115	098
Овес	104	138	152	146	158	169

В 1927—28 г. индекс льна к довоенной валовой доходности с гектара составлял всего 1,12.

Имеющиеся данные о себестоимости производства льна за прошлые годы показывают его несомненную убыточность, особенно для маломощных хозяйств, до повышения цен на лен текущего года.

Внутри сельского хозяйства имели место разрывы цен, во-первых, между продуктами полеводства и животноводства и, во-вторых, в пределах полеводства между зерновыми и техническими, при чем второй разрыв уже почти изжит, а первый значительно ослаблен.

Индекс цен на животноводческие товары превышал индекс зерновых цен:

в 26—27 г.	на 66%
в 27—28 г.	„ 50%
в 28—29 г.	„ 31%

Индекс цен на технические культуры превышал индекс зерновых:

в 26—27 г.	на 25%
в 27—28 г.	„ 19%
в 28—29 г.	„ 8%

Таким образом, в 1928—29 г. мы имеем значительное выравнивание цен в пределах сельского хозяйства (продукты полеводства и животноводства, зерновые и технические).

Наконец, в пределах группы технических культур мы в результате повышения цен 1928 г. имеем также подтягивание наиболее отставших индексов.

По доходности с единицы посевной площади технические культуры могут быть разбиты на следующие три группы:

1) наиболее низкие по доходности культуры (индекс доходности их был равен индексу доходности зерновых, даже частично уступая последнему) как лен, маслосемена (подсолнух был менее доходен, чем пшеница);

2) культуры, низкие по доходности, но с большим охватом контрактацией, госпомощью и т. д., что стимулировало рост производства (хлопок, свекла) и

3) культуры с относительно высоким индексом доходности—170—180 к довоен. уровню (табак, махорка, пенька).

В 1928 г. было проведено повышение по первой группе технических культур, развитие которых находилось под угрозой благодаря низким ценам.

Имеются серьезные основания полагать, что крайне высокий индекс мяса значительно содействовал чрезмерному *забою скота*.

Рост товарного животноводства в общем, конечно, положительный факт, но доведенный до крайних пределов, он задерживает развитие других отраслей сельского хозяйства и ставит под угрозу «основной капитал»—стадо рогатого скота. Эта угроза усугубляется значительным отставанием индекса цен на молоко от мясного индекса, что безусловно подтверждается порайонным анализом соотношения этих индексов (Сибирь, Сев.-Восточный район и т. д.).

Еще «Контрольные цифры» Госплана на 1927—28 г. подтверждали необходимость снижения цен на животноводческие с.-х. товары, особенно на мясо: «на мясо следует добиваться снижения цен не менее чем на 12%, допуская в районах обильного предложения скота снижение до 15%» (К. Ц., стр. 261).

Между тем индекс цен мяса остался на прежнем уровне.

Крайне высок индекс цен мелкого кожсырья, достигший по плановым заготовкам в 1927—28 г.—210, против 201 в 1926—27 г., здесь, несомненно, необходимо некоторое снижение цен.

В общем, несмотря на довольно значительное повышение цен на отдельные с.-х. товары, общий заготовительный индекс дает рост, примерно, на 4%, и в общем около 130—140 млн. рублей добавочно поступит в деревню благодаря этому повышению. Между прочим, имевшее место повышение заготовительных хлебных цен повысило расходы в рабочем бюджете всего на ¼ — ½%.

Это повышение цен, естественно, не приводит к изменению генеральной линии в отношении темпа индустриализации, социалистического накопления и т. д. тем более, что снижение промцен в предстоящем году дает значительно меньший эффект, чем в прошлом.

Не видеть необходимости этого повышения цен на с.-х. товары в целях устранения убыточности их производства в середняцких и бедняцких хозяйствах, реализующих 75% хлеба—рассматривать это повышение цен (учитывая его размеры, результаты и т. д.) как отступление перед кулаком, значит, последовательно рассуждая, ставить чрезвычайные меры во главу угла нашей сельскохозяйственной политики, не понимать значения середняцко-бедняцкого хозяйства в нашей экономике, что и характерно для троцкистской установки.

Уступка кулаку имела бы место при наличии такого повышения цен, которое выходило бы за рамки некоторого подтягивания особо отставших цен, препятствующих нормальному развертыванию хозяйств середняцко-бедняцких групп, носило бы спекулятивный характер — именно такое-то повышение цен и нужно кулаку, о чем было сказано выше в связи с динамикой посевов по социальным группам.

Какова в общем динамика рентабельности сельского хозяйства? Имеем ли мы здесь значительное улучшение?

Обратимся для этого к соотношению цен на промышленные и сельскохозяйственные товары, к «ножницам» цен.

Движение общего сельскохозяйственного заготовительного индекса цен таково (данные контрольных цифр Наркомторга):

	1925—26	1926—27	1927—28
По всем заготовителям	148,7	146,9 (—1,5%)	150,5 (+2,5%)
„ плановым заготовит. (веса 1927—28 г.)	140,6	134,8	140,2

Таким образом, уже в 1927—1928 г. произошло заметное повышение с.-х заготовительного индекса, отражающее сдвиг вверх заготовительных цен плановых заготовителей.

В 1928—1929 г. общий заготовительный индекс достигает 156,0 (+4%), а по плановым заготовителям—148,6.

Навстречу поднимающемуся вверх «нижнему лезвию ножниц» (с.-х. цены), опускалось вниз и верхнее (промышл. цены), что выявляется следующей таблицей:

Индексы розничных цен на промтовары.

	1925—26	1926—27	1927—28	1928—29
Индекс отпускных цен промышленности	215,7	207,4	198,5	198,5
Госторговля	209,7	205,1	185,4	—
Кооперация	220,0	213,0	192,3	—
Частн. торговля	250,4	252,2	239,7	—
Общеторговый [1])	231,7	226,0	204,1	203,1

[1]) Общеторговый индекс составлен из цен кооперативных и частных с учетом изменения удельного веса частника.

В результате в 1927—1928 г. мы имеем значительное сближение «ножниц» цен между промышленностью и сельским хозяйством.

Наиболее показательным при данных условиях для выявления этих «ножниц» является сопоставление общеторгового розничного индекса цен на промтовары с учетом изменения удельного веса частника с общезаготовительным с.-х. индексом.

Если в 1926—1927 г. «нижнее лезвие ножниц», т.-е. общезаготовительный индекс еще более опустилось (— 1,5%) по сравнению с прошлым, а верхнее—опустилось всего на 2,5%, в результате чего раствор ножниц остается примерно неизменным, то в 1927—1928 г., мы имеем повышение общезаготовительного индекса на 2,5% при снижении общеторгового почти на 10%, в результате раствор ножниц снижается почти на 12% (с 154 до 136).

В 1928—1929 г. процесс сближения ножниц продолжается главным образом за счет повышения общезаготовительного индекса (+ 3,7%), при крайне незначительном снижении, почти стабильности цен на промтовары.

В результате раствор «ножниц» снижается на 4,6% с 136 до 130.

Таким образом, дальнейшее и довольно интенсивное сжатие «ножниц» будет осуществлено. Сжатие ножниц на ряду с ростом с.-х. продукции и товарности дает значительный прирост доходности деревни.

Сжатие раствора «ножниц» на 12% означает, что для получения прежней массы промтоваров деревня может реализовать с.-х. товаров на 12% меньше, либо, пред'явив прежнюю (в натуральном выражении) массу с.-х. товаров, соответственно повысить спрос на промтовары.

Этот момент, особенно в связи с состоянием рынка промтоваров, имеет существеннейшее значение на ряду с показателями состояния сельского хозяйства для уяснения предпосылок политики с.-х. цен.

По приблизительным подсчетам Госплана и Наркомторга, денежная выручка деревни в текущем году значительно возрастает. Поступление доходов извне в деревню (без учета переводов) даст в текущем году прирост около 500 млн. рублей, между тем как налоги, платежи и займы вряд ли превысят цифру прошлого года. Отсюда темп прироста свободных денежных средств деревни превысит этот темп прошлого года, несмотря на значительный рост потребления промтоваров (прирост в 320 млн. руб. по сравнению с приростом в 180 млн. руб. в прошлом году).

Мы видим, какой огромный скачок дает спрос деревни в предстоящем году.

По I кварталу хозяйственного года (октябрь—декабрь), имеющему столь существенное значение, по данным Наркомторга, будет иметь место особенно значительный прирост спроса деревни.

Эти расчеты, не претендуя на большую точность, все же достаточно показательны и свидетельствуют о несомненном росте доходности деревни и, в связи с данными о предложении промтоваров, о дефиците, остающемся и на 1928—29 г. Этот дефицит вряд ли существенно смягчится для деревни, несмотря на рост ее удельного веса в потреблении промтоваров. Так, в текущем году ожидается прирост потребления промтоваров деревней на 7,8%, а городом—на 3,5%, несмотря на значительный прирост свободных денежных средств и в городе, превышающий темп прироста прошлого года.

Из всего вышесказанного напрашивается следующий вывод. Состояние сельского хозяйства, его развертывание в натуральном и денежном выражении не вызывают необходимости в пересмотре общей линии в отношении политики цен в смысле их дальнейшего повышения и курса на «восстановительные цены».

Наоборот, данные о покупательном фонде выявляют опасность подобного мероприятия. В самом деле, к чему привело бы, например, дальнейшее повышение хлебных цен: во-первых, конечно, на этот-то раз к росту

продажных цен на муку, к повышению цен на те технические культуры, индекс доходности которых теперь примерно равен индексу зерновых и даже несколько уступает ему. Это вызовет, конечно, и дальнейший всеобщий рост цен. Но дело не только в этом, а в том, что дальнейший значительный прирост доходности деревни в связи с повышением цен усилит выжидательные тенденции к реализации товаров с отстающим индексом цен (по сравнению с животноводческим индексом, индексы полеводческих товаров все же будут отставать, а удельный вес животноводческих продуктов в товарной массе очень велик; наконец, и животноводческий индекс все же несколько ниже индекса промтоваров).

Ведь повышение с.-х. цен на каком-нибудь одном участке отзывается *стихийным* путем на ряде других. Нельзя упрощенно представлять себе взаимоотношения плановых заготовителей и крестьянства, как отношения представителей двух синдикатов, договаривающихся, сидя за столом, о тех или иных скидках или накидках на цены.

Всякое повышение доходности деревни приводит к увеличению шансов для нее свести платежный баланс путем реализации наиболее рентабельных товаров. Чем больше свободные денежные остатки деревни, тем меньше при прочих равных условиях реализация (в натуре) с.-х. товаров с более низким индексом цен.

Так, в 1927—1928 г. крестьянство ослабило реализацию хлеба по сравнению с 1926—1927 г. в виду роста доходности от технических культур, хотя цены на хлеб в 1926—27 г. были и ниже, чем в 1927—28 г., но незначительное поступление доходов от незерновых (снижение продукции технических) было недостаточно для сведения платежного баланса, вынудило усиленно реализовать зерновые.

Состояние денежного обращения в настоящее время показывает известную напряженность и диктует, между прочим, и соответствующую политику цен. За последний год мы имели повышательные тенденции в движении индексов цен и непрерывное (правда, незначительное) снижение покупательной силы рубля; товарный голод продолжается в довольно обостренной форме, наконец, мы имеем некоторое ухудшение состава денежной массы (рост удельного веса и значения казначейской валюты), что в связи с вышеотмеченными показателями также имеет значение. Повышение с.-х. цен, естественно, вызовет дальнейшее падение покупательной силы рубля и рост товарного голода, что в свою очередь вызовет дальнейший рост цен по линии частного сектора, и с другой стороны, ослабление значения денег как «всеобщего товара» и резкое ухудшение условий их сбережения.

Наконец, следует особенно подчеркнуть, что в текущем году темп капитальных вложений в промышленность связан с чрезвычайно тяжелой работой по изысканию средств внутри промышленности, с резким снижением себестоимости.

К этому следует добавить, что темп прироста реальной зарплаты (в связи с ростом бюджетного индекса) замедляется. Отсюда ясно, какое значение может иметь добавочное повышение сельскохозяйственных цен в этих условиях. Естественно, что сторонники этого перелома в политике цен, если они одновременно являются противниками инфляции, должны были бы (для сведения концов с концами) выдвинуть программу коренного изменения политики индустриализации и распределения народного дохода, программу, конечно, неприемлемую для партии.

Дальнейший рост доходности деревни, дальнейшее стимулирование с.-х. производства должно итти не путем повышения с.-х. цен (без соответствующего роста предложения промтоваров, это означает инфляцию), а путем сжатия ножниц за счет снижения промцен и по линии таких экономических мероприятий, как контрактация, снабжение средствами производства,

по линии укрупнения хозяйств и концентрации их деятельности путем кооперирования, по линии снижения себестоимости в сельском хозяйстве, роста урожайности, при чем темп снижения себестоимости в виду ряда особых условий может быть очень значительным.

Нельзя далее забывать, что далеко, не одна цена в настоящее время определяет рентабельность хозяйства. Нельзя делать выводы о соответствии или несоответствии цен из прямого сопоставления довоенных соотношений цен с современными, так как произошел ряд существенных изменений (платежный баланс города и деревни, организованная помощь государства, играющая огромную роль, изменение структуры доходности деревни и т. д.). Против повышения с.-х. индекса говорит и сопоставление наших с.-х. цен с мировыми.

В истекшем году мы имели в отношении к 1913 г. по с.-х. товарам на 10% более высокий индекс, чем в важнейших западных странах, а по животноводческим—на 30%. Это обстоятельство не могло не отразиться на рентабельности нашего экспорта.

Таким образом, для изменения принципов политики с.-х. цен, для курса на повышение их до «восстановительного уровня»—хотя бы в приближенной форме—вместо указанного выше пути повышения доходности деревни, нет оснований, последствия же его очевидны.

Беннет.

Уроки 60 конгресса английских трэд-юнионов.

«Господи, благослови всех»,— этой молитвой закончил святой старец Бен Тернер 60-ый конгресс английских трэд-юнионов. А открылся этот конгресс под охраной многочисленных отрядов полиции. «Полицейская стража, запертые ворота и железные решетки,— пишет «Дейли Экспресс» в номере от 4 сентября, — защищали сегодня открытие сессии профсоюзного конгресса в Свонси». И почтенная газета прибавляет: «Никогда до сих пор собрание парламента труда не происходило в такой атмосфере вооруженного лагеря». Весь этот вооруженный лагерь понадобился благочестивым сынам церкви Альфреда Монда, чтобы вдали от грозной толпы безработных впрячь профсоюзное движение в скрипящую телегу рационализации британского империализма. Не даром художник Мейкель изобразил конгресс коленопреклоненным, молящимся на Монда под охраной дубинок полисмэнов (см. «Дейли Уоркер» от 7 сентября).

Религиозная лирика на последнем конгрессе резко отличалась от тех традиционных молебнов, которыми обычно открываются профсоюзные конгрессы. На сей раз ученики Макдональда и Монда вынуждены были отречься даже от фразеологии классовой борьбы. И естественно, что им пришлось попытаться поиграть на совершенно иных струнах. Старый богомольный пацифист Бен Тернер оказался наиболее приспособленным к тому, чтобы прикрыть деятельность профчиновников цитатами из священного писания и непосредственными переговорами с господом богом.

Нас, однако, интересует не религиозная лирика этого конгресса, а те практические дела, которые эта лирика призвана была прикрывать. А дела эти в действительности заслуживают самого серьезного внимания. Задача конгресса заключалась в том, чтобы, выражаясь языком гинденбургского социалистического министра Курциуса, осуществить и оформить «взаимное сближение и соглашение двух великих социальных классов». Англичане это сближение «двух великих классов» называют миром в промышленности. Альфред Монд — король химической промышленности — совершенно справедливо расценивает промышленный мир, как необходимое условие прибыльного использования тех химических снарядов и газов, которые изготовляются на его заводах. Чем ближе момент использования предметов химической продукции на театре военных действий, тем острее потребность в промышленном мире. К тому же промышленный мир является не только звеном в цепи подготовки новых империалистических и контрреволюционных войн, но он представляет собой также органическую часть капиталистической стабилизации, которая в Англии резче, чем где-либо, принимает формы жестокого и систематического наступления на прожиточный минимум пролетариев. Это наступление не может быть обеспечено изменами проф-

бюрократии. Оно также не под силу разрозненным чиновникам, набившим руку на розничных сделках с хозяевами за «круглым столом». Рационализация означает в первую очередь трестификацию, т.-е. об'единение и консолидацию буржуазии, которая для выполнения своих основных задач нуждается в крепко сколоченном общегосударственном аппарате профсоюзной бюрократии.

Еще задолго до конгресса в Свонси генеральный совет услужливо откликнулся на предложение Альфреда Монда. Он вступил с ним не только в переговоры, но вчерне наметил уже тот механизм, при помощи которого можно будет заменить все и всякие забастовки выполнением директив и заданий трестифицированного капитала. Но генеральный совет до конгресса в Свонси действовал, так сказать, на свой страх и риск. Вся предварительная работа, проделанная генеральным советом под диктовку Альфреда Монда, должна была получить свою санкцию на конгрессе для того, чтобы можно было ее продолжать и создать общегосударственный аппарат — примирительные камеры и третейские суды, — который явился бы дополнением к профсоюзному закону против забастовок.

Неслучайно одно газетное агентство следующим образом охарактеризовало проведенное при помощи Джимми Томаса сокращение заработной платы железнодорожников: «Сокращение заработной платы на железных дорогах важно потому, что оно идет в унисон с движением за индустриальный мир. Оно является также провозвестником уравнения заработной платы в других отраслях промышленности». (См. «Уоркерс Лайф» от 31 августа).

Посмотрим теперь, как справился конгресс в Свонси с этим своим центральным заданием. Но для того, чтобы правильно понять и осмыслить решения, принятые на этом конгрессе, нам придется бросить взгляд на историю самого генерального совета в связи с борьбой за консолидацию английских профессиональных союзов.

Всем известно, что в течение сравнительно долгого периода трестификация и создание всяких капиталистических организаций продвигались сравнительно медленно в Англии. На этом поприще старая империя, бывшая мастерская мира, сильно и заметно отставала от своих молодых конкурентов и соперников, в первую очередь от Северо-Американских Соединенных Штатов и Германии. Лишь в начале текущего столетия, когда английский капитализм на своих плечах почувствовал мощь конкуренции молодых капиталистических гигантов, он начинает медленно становиться на новые рельсы. Толчок к развитию трестов и картелей в Англии был дан лишь в пору всемирной войны. До того времени английская буржуазия, развращенная своим монопольным положением на всемирном рынке и опираясь на выгоды этого положения, свысока глядела на усилия своих соперников, направленные к тому, чтобы улучшением техники и усовершенствованием капиталистической организации усилить свои позиции.

Системе капиталистической эксплоатации соответствовали также методы развращения организаций рабочего движения. Капиталистическая агентура была так же распылена и так же раздроблена, как и самый капитал. Английские капиталисты предпочитали «индивидуальную обработку» чиновников автономных профессиональных союзов, всячески препятствуя созданию общегосударственного профсоюзного аппарата. В течение долгого времени они придерживались той же системы и в политической области. Вплоть до 1906 г. английская буржуазия предпочитала политические сделки с местными рабочими организациями, всячески сопротивляясь созданию организованной политической партии рабочего класса. Лишь после того, как рабочая партия стала фактом, буржуазия занялась энергичной работой на предмет подчинения этой новой партии интересам, нуждам капитализма.

В области профсоюзной системы многосторонние договора и непосредственная обработка лидеров отдельных профсоюзов продолжались значительно дольше.

Профсоюзные бюрократы, много труда положившие на распыление английского рабочего движения, пытались изобразить свою верную службу капиталу, как самую высшую форму автономии и свободы. Они утверждали, что автономные профсоюзы,— а их было больше тысячи,— представляют собой великое творение свободолюбивого английского духа, который сопротивляется всякой муштре и всякой дисциплине. Прикрывая красивыми словами распыленность профсоюзного движения, царьки многочисленных профсоюзов заботились главным образом о том, чтобы никто не вмешивался в их методы «защиты» (точнее: предательства) интересов вверенных им пролетариев. О том, как эти маленькие царьки выполняли волю хозяев, вынуждены были поведать миру даже супруги Вебб, которые всю историю профсоюзного движения составили в целях восхваления и прославления английских профсоюзных бюрократов.

Верно, что с давних пор рядом с этими распыленными профсоюзами существовал и так называемый конгресс английских трэд-юнионов, начавший функционировать в 1868 г. Нет никакого сомнения в том, что рождение конгресса явилось непосредственным результатом тяги рабочих масс к единству. Профсоюзные чиновники сумели, однако, приспособить конгресс к своим нуждам и к своим интересам. Формально конгресс являлся об'единяющим центром всего профсоюзного движения. По существу же дела он только прикрывал пресловутую мозаику, занимаясь в лучшем случае только разбором отдельных, особенно склочных конфликтов между различными профсоюзами, «борющимися» за рабочих соседних цехов. Исполнительный орган этого конгресса — парламентский комитет — не имел права вмешиваться во внутренние дела отдельных профсоюзов, и его задача заключалась лишь в том, чтобы обивать министерские пороги по поручению отдельных профсоюзов или целых групп профсоюзов, работающих в одной и той же отрасли промышленности.

Такое положение существовало вплоть до 1919 г. Этот бурный год массовой стачечной борьбы принес с собой некоторые изменения и в организации английских профсоюзов. Должно помнить, что именно 1919 г. является годом лихорадочного роста всего профсоюзного движения в Англии. Вплоть до начала всемирной войны все английские профсоюзы, вместе взятые, насчитывали около 4.000.000 членов. Резкий скачок был сделан уже в 1918 г., но в 1919 г. общее число членов профсоюзов достигает солидной цифры 8.081.000 членов. Число членов продолжало еще расти вплоть до черной пятницы, достигнув рекордной цифры в 8.493.000 членов. Притоку членов в профсоюзы соответствовало более резкое проявление стремления рабочих к созданию боевого профсоюзного центра. Именно в 1919 г. — год максимального развития массовых забастовок — рабочие чувствовали и сознавали, как их руки скованы профсоюзной мозаикой в борьбе против капитала, который в военное время успел заметно продвинуть вперед дело своей консолидации и своего об'единения.

Мощная профсоюзная бюрократия была бессильна против напора пролетарских масс. В 1919 г. специальный профсоюзный с'езд утвердил идею создания генерального совета профсоюзов, который в те месяцы называли также «генеральным штабом» рабочего движения. Бюрократы, однако, тянули. Им очень не хотелось — они еще к этому не были подготовлены — в какой бы то ни было мере передать хотя бы частицу своих полномочий организованному центру. Вместе с тем решение специального с'езда было подтверждено регулярным конгрессом в 1920 г. Бюрократы еще продолжали маневрировать. В результате их маневров генсовет, зачатый в годы

бурной революционной борьбы, узрел свет лишь в конце 1921 года, т.-е. после черной пятницы, когда рабочие начали массами уходить из профсоюзов, и когда депрессия в результате предательства и поражений приняла широчайшие размеры.

Само собой понятно, что рожденный в таких условиях генеральный совет не мог осуществить мечтаний тех рабочих, которые надеялись при помощи генерального штаба рабочего движения преодолеть и превозмочь распыленность и бессилие профсоюзов. В 1922 г. молодой генсовет делает робкую попытку выговорить себе кое-какие права и полномочия. Обнаглевшие к тому времени профсоюзные бюрократы и слышать не хотели о предоставлении каких бы то ни было прав новому органу. Им хотелось, чтобы исполнительный орган конгресса под новым названием продолжал функции старого их парламентского комитета. Лишь в 1924 г., когда рабочие успели несколько оправиться от измены черной пятницы и от капиталистической офенсивы, последовавшей за ней, профсоюзный конгресс вынужден был утвердить некую хартию прав для генерального совета.

Дело происходило в Гулле. Вся английская пресса, восхваляя нынешний конгресс в Свонси, особенно подчеркивает тот факт, что английские профсоюзы окончательно сдали в архив «гулльские фантазии». Но и в Гулле, на том самом конгрессе, во главе которого стояли так называемые левые профсоюзники Персель, Хикс и компания, профсоюзные бюрократы очень сдержанно отнеслись к идее создания полновластного профсоюзного центра.

Чтобы точно понять умонастроения этого конгресса, мы воспроизводим гулльскую «конституцию» полностью. Она гласит:

«а) Дабы дать возможность генеральному совету осуществлять данные ему полномочия, представленные в нем профсоюзы обязаны информировать его о всех недоразумениях, возникающих между союзами и предпринимателями, или между самими союзами, в особенности в тех случаях, когда дело может прямо или косвенно затронуть интересы широких рабочих масс. Генеральный совет может, если найдет нужным, довести все полученные им известия до сведения союзов соответствующих производств, которые косвенно или прямо окажутся затронутыми фактами.

б) Совет должен держаться политики невмешательства в возникшие конфликты (за исключением тех случаев, когда союзы просят о вмешательстве) до того момента, пока существует возможность мирного разрешения недоразумений при посредстве имеющихся при союзах конфликтных органов.

в) Однако, в случае разрыва переговоров или затяжного характера конфликта, угрожающего косвенно или непосредственно вовлечь и другие рабочие организации, об'единяемые конгрессом, в забастовку, или же нанести ущерб существующим условиям зарплаты, рабочего дня и другим условиям труда, совет имеет право взять инициативу в свои руки и созвать совещание из представителей союзов для того, чтобы использовать свое влияние для достижения справедливого соглашения по спорным вопросам. Ознакомившись со всеми материалам по возникшему разногласию, совет может предложить свое обоснованное мнение и заключение на рассмотрение заинтересованных союзов. В случае, если профсоюз или профсоюзы отвергнут помощь или указания совета, последний должным образом докладывает об этом конгрессу.

г) Если заинтересованные профсоюзы примут помощь и указания совета и если, несмотря на все усилия совета привести дело к мирному соглашению, политика предпринимателей заставит об'явить забастовку или локаут, совету надлежит предпринять шаги для организации в интересах профсоюзов всей той моральной и материальной поддержки, какая окажется соответствующей обстоятельствам».

Эта конституция говорит сама за себя. Прибавим только, что даже и эти полномочия были даны генеральному совету лишь после того, как Хикс от имени генерального совета утешил бессменных старичков, что полномочия, даваемые генеральному совету, ни в коем случае не могут повлечь за собой посягательства на профсоюзные кассы и на права их хранителей.

Период, протекший между конгрессом в Гулле и конгрессом в Свонси, был отмечен в первую очередь напряженными усилиями английского капитала найти пути и способы рационализации за счет интересов пролетариев, а, с другой—всеобщей забастовкой, которая является водоразделом в истории английского рабочего движения.

Генеральная забастовка явилась как бы экзаменом для профсоюзной бюрократии, в какой мере она способна выполнять новые задания капитализма в новой обстановке. По инициативе Стенли Болдуина генеральный совет был приглашен к участию в разрешении конфликта в угольной промышленности. Уже тогда лидер консервативного правительства верил и надеялся, что генеральный совет выполнит свою миссию об'единенной агентуры капитала, своим авторитетом помогающей своим хозяевам произвести тонкую, деликатную и крайне трудную операцию. Ведь Болдуин еще за несколько месяцев до всеобщей забастовки предупредил, что понижение заработной платы горняков является только предисловием к сокращению заработной платы всех английских пролетариев без исключения. Естественно, что он придавал огромное значение натиску на горняков, и генсовет был приглашен для того, чтобы он показал, в какой мере он может работать в новой ситуации и новыми методами. Вся буржуазия впоследствии признала, что в день 12 мая генеральный совет полностью выдержал экзамен. Более того, в этот день генеральный совет действовал как полномочный орган профсоюзного движения. Он прекратил забастовку не только помимо воли горняков, но и без ведома исполнительных комитетов всех прочих профсоюзов. Генеральный совет был настолько уверен в своих правах и полномочиях, что он даже не счел нужным отчитываться перед следующим конгрессом профсоюзов, заявив, что за все действия, связанные с всеобщей забастовкой, он ответствен только перед исполкомами отдельных профсоюзов. Исполкомы же генеральный совет собрал для представления отчета о предательстве 12 мая 1926 г.... в январе 1927 года.

Переговоры с Мондом являются следующим этапом в деятельности генерального совета, ставшего на путь организованного предательства в общегосударственном масштабе. В этих условиях конгрессу в Свонси пришлось по существу только констатировать уже совершившийся переворот.

Посмотрим теперь, как этот переворот был совершен.

Основным докладчиком генерального совета был молодой, но удалой секретарь генерального совета Ситрин. Этот бойко «подвизающийся» профсоюзный бюрократ тоже в юности своей был «левым». Он еще сравнительно умело владеет левой фразой. Неудивительно, что он попытался изобразить мир в промышленности не как часть программы военных приготовлений и не как необходимое условие для продолжения атаки на условия труда английских пролетариев, а как мостик, ведущий к установлению рабочего контроля над английской промышленностью. Формальный же вопрос—о пресловутой автономии отдельных профсоюзов—он попытался елико возможно вовсе обойти молчанием. Конгресс был достаточно хорошо подобран, чтобы Ситрин мог себе позволить такого рода аргументацию.

Вместе с тем генсовет натолкнулся на некоторую оппозицию. С возражениями против дальнейших переговоров с Мондом выступили в первую очередь представители союза механиков. Президент этого союза Броунли поспешил, конечно, заверить генеральный совет, что он всей душой за мир в промышленности и за согласие с капиталистами, но настаивал на том, что генеральный совет превысил свои полномочия и что никаких дальнейших шагов не должно быть принято без согласования этого вопроса с исполкомами профсоюзов. Еще энергичнее подчеркивал основную мысль Броунли бывший левый Свейльс. Тот требовал, чтобы конгресс повторил и подтвердил старую политику, что недопустимо «вмешательство в автономию отдельных профсоюзов».

Другой бывший левый Джордж Хикс, который накануне конгресса в Эдинбурге попытался снова облечься в левую тогу, присоединившись к группе «бунтарей», возглавляемой Макстоном и Куком, ловко внес маленький политический аргумент в свою речь против мира в промышленности. Он заявил, что Монд является горячим сторонником фашизма, а посему, мол, необходимо запросить профсоюзы раньше, чем продолжать переговоры о мире в промышленности.

Защитникам генерального совета было сравнительно легко ответить на эти глубоко «принципиальные» возражения. Герберт Смит, эта хитрейшая лиса, который на старости лет решил сбросить всякие маски и соперничать с Томасом в верной службе буржуазии, заявил, что надо дать генеральному совету всякие права и всякие полномочия для того, чтобы он мог сделать доброе дело для рабочих. Характернее и пикантнее речи Смита является бесспорно выступление Томаса. Томас справедливо рассматривался, как непримиримый враг всякого «вмешательства». Он всегда открыто заявлял, что он никогда не переуступит своего монопольного права предавать интересы железнодорожников какому бы то ни было профсоюзному органу. Все знали и понимали, что Томас действительно добровольно на такую уступку не пойдет. Для него переуступка прав и полномочий какому бы то ни было другому органу обозначала бы также переуступку акций железнодорожных компаний, а на такую жертву он, Томас, конечно, не мог согласиться. Но на сей раз он смело выступил против автономии отдельных профсоюзов за права генерального совета, а аргументировал он это свое предложение «общими интересами рабочих». Более того, Томас заявил, что если бы генеральный совет оказался неспособным защищать общие интересы рабочих, то не заслуживал бы того доверия, которым он пользуется. И закончил Томас свою речь указанием на то, что генеральный совет не нарушил основных принципов движения.

Примерно столь же откровенно выступил и собрат Томаса, руководитель транспортников, небезызвестный Бевин, покрывший себя печальной славой в дни всеобщей забастовки в 1926 году. Бевин просто и ясно сказал, что время индивидуальных договоров уходит в область прошлого и сменяется временем общих договоров между «организованным» трудом и организованным капиталом.

Вся дискуссия в целом длилась всего 5 часов. Поправка, направленная против политики мира в промышленности, была провалена 2.920 000 голосов против 768.000 голосов. Политика же генсовета была одобрена 3.075.000 голосов против 566.000 голосов.

Генсовет, таким образом, вышел полным победителем. Надо иметь в виду, что и позиция реформистских лидеров союза механиков ни в какой мере не являлась отражением враждебного отношения к миру в промышленности. Редактор «Сандей Уоркер» (см. «Сандей Уоркер» от 9/IX) совершенно справедливо замечает, что Броунли и Свейльс в данном случае выражали и выражают настроения сэра Элена Смита, вождя предпринимателей

машиностроительной промышленности, который не хотел бы, чтобы затея Монда в какой бы то ни было форме и в какой бы то ни было степени нарушила ту идиллию, которую он установил со «своими» профсоюзами.

Мы видим, таким образом, что распыленность английской буржуазии соответствовала профсоюзной мозаике; концентрации и трестификации английского капитала соответствует теперь соответствующая консолидация английских профсоюзов для того, чтобы осуществить общий мир в промышленности и таким образом обеспечить безболезненное проведение капиталистической программы рационализации застойной английской промышленности.

Решения конгресса в Свонси по кардинальнейшему вопросу о мире в промышленности ни для кого не явились неожиданностью. Эти решения были предвидены английской буржуазией, с одной стороны, и движением меньшинства—с другой. На своей августовской конференции движение меньшинства правильно осветило доподлинный смысл мира в промышленности, авансом призывая рабочих к тому, чтобы не подчиняться решениям конгресса в Свонси и продолжать борьбу против попыток генсовета превратить организованное профсоюзное движение в простой винтик буржуазного аппарата закабаления и угнетения пролетариев. Надо вместе с тем признать, что на самой конференции меньшинству не удалось развернуть соответствующей кампании против идеи Монда. Речь, направленная против мира в промышленности, ни в какой мере не отвечала потребностям момента. Суть, конечно, не заключалась в том, чтобы нарушить покой и спокойствие старых чиновников с круглыми животами и многоэтажными подбородками, составлявших 75% всех членов конгресса (см. «Уоркерс Лайф» от 14/IX). Эти продажные и развращенные до мозга костей старички чувствуют себя в настоящий момент достаточно твердо. Их базой является поражение всеобщей забастовки и горняков, их хранителями, кроме господа бога, которого призывал Бен Тернер, является Альфред Монд и консервативное правительство. Но задача меньшинства на этом конгрессе при обсуждении вопроса о мире в промышленности заключалась в том, чтобы через головы толстопузых профчиновников обратиться с пламенным призывом ко всем членам английских профсоюзов, ко всем английским пролетариям бороться против возведения в принцип и в систему политики предательства. Этого на самом конгрессе, к сожалению, меньшинство не сделало. Верно, что после конгресса вся фракция меньшинства обратилась с воззванием к английским рабочим, указывая, что решение, принятое на конгрессе в Свонси, представляет собой «кульминационный пункт той политики, которая была выявлена в поражении всеобщей забастовки через предательство генерального совета, в разрыве отношений с Советским Союзом, в проведении профсоюзного закона» и т. д. Но это воззвание к рабочим бороться против постановления, принятого в Свонси, ни в коем случае не компенсирует того факта, что на самом конгрессе фракция меньшинства не сумела должным образом разоблачить предательскую политику агентов Монда, Элена Смита и Болдуина. Артур Хорнер рассказывает на страницах «Уоркерс Лайф» (от 14/IX), как профсоюзные «демократы» на конгрессе в Свонси зажимали рот представителям революционного меньшинства. Но и эту подлую механику следовало во что бы то ни стало разоблачить на самом конгрессе.

Все прочие вопросы, которые разбирались на этом с'езде, имеют второстепенное значение по сравнению с вопросом о мире в промышленности. Вместе с тем «Таймс» (от 8/IX), подписывая генеральному совету «аттестат зрелости», подчеркивает три момента «хорошего поведения» конгресса. Важнейшим из этих моментов является, конечно, принятие тактики мира в промышленности. Рядом с этим он ставит еще две резолюции: 1) об отношении к революционному меньшинству и 2) об отношении к международ-

ному единству профсоюзного движения. Вряд ли кто усомнится в том, что устами передовицы «Таймса» говорит английская буржуазия. Именно поэтому мы также остановимся на этих двух решениях.

Начнем с вопроса об отношении к движению меньшинства. Борьба против коммунистов и революционных пролетариев в профсоюзах является составной частью кампании в пользу мира в промышленности. Нельзя осуществить программу Монда без решительной борьбы против тех элементов, которые не хотели бы, чтобы профсоюзы стали простым придатком к аппаратам, созданным буржуазией. Уже назавтра после предательства всеобщей забастовки генеральный совет начинает открыто крестовый поход против коммунистов и революционного движения меньшинства. На конгрессе в Борнмуте, когда горняки еще продолжали героическую борьбу (1926 год), генеральный совет об'являет, что движение меньшинства, мол, противоречит принципам английского профсоюзного движения. За этим конгрессом следует ультимативный приказ городским советам профсоюзов порвать с движением меньшинства. Но, само собой понятно, что английским профбюрократам пришлось высказаться по этому вопросу с большей определенностью именно тогда, когда они окончательно и бесповоротно стали на рельсы мира в промышленности. Конгресс в Свонси дал директиву «генеральному штабу» Монда произвести расследование «деятельности и методов раскольнических элементов внутри профдвижения». При обсуждении этой резолюции прозелит Томаса Герберт Смит открыто сформулировал намерения профбюрократов, заявляя, что «движение» (читай: продажная профсоюзная бюрократия) не остановится перед тем, чтобы отсечь всех тех, которые не желают подчиниться принципам конгресса профсоюзов. Томас еще резче сформуривал ту же самую мысль, подчеркнув, что в профсоюзах не может быть места тем, которые дерзают выступать против политики рабочей партии.

Резолюция о мире с капиталом была, таким образом, дополнена резолюцией о войне против революционных пролетариев в английских профсоюзах, при чем главные вожди генсовета совершенно открыто авансом заявили, что они не остановятся перед тем, чтобы расколоть для этой цели профсоюзное движение.

И здесь необходимо признать, что меньшинство не сумело в достаточно резкой форме выявить смысл этой резолюции. Прав был, конечно, тов. Томкинс, когда он заявил, что генеральный совет, а не движение меньшинства выступает в роли организатора раскола. Но этим заявлением в данных условиях и в данной обстановке, конечно, нельзя было ограничиваться.

Перейдем теперь к вопросу о профсоюзном единстве. Поводом к обсуждению этого вопроса явилась резолюция союза металлистов в пользу созыва всемирного конгресса всех профсоюзов, примыкающих как к Амстердаму, так и к Профинтерну, а равно и тех, которые находятся вне Интернационалов. Дискуссия по этому вопросу продолжалась... 25 минут. Хорнеру при этом великодушный председатель предоставил 2 мин. Предложение было провалено большинством 2.877.000 голосов против 439.000 голосов. В эти 25 минут генсоветчики успели наговорить много гнусностей и подлостей как о профсоюзном движении в СССР, так и о движении меньшинства.

Таковы те три резолюции, о которых столь восторженно отзывается «Таймс», а вместе с «Таймсом» и вся буржуазная пресса Англии

Вместе с тем нам представляется, что ликование английской буржуазии является во всяком случае преждевременным. Верно, что буржуазии удалось «осуществить» лозунг рабочих «вся власть генеральному совету» и превратить этот полновластный генеральный совет в рычаг своей капиталистической рационализации. Несомненно, однако, что именно конгресс в Свенси окажет огромное влияние на кристаллизацию революционного

сознания передовых элементов английского профдвижения. Накануне конгресса в Свонси—этот «маленький» факт не следует забывать ни на одну минуту—состоялась конференция движения меньшинства. Невзирая на всю систему преследований, которая практиковалась генеральным советом и исполкомами большинства профсоюзов в течение двух лет против движения меньшинства, на конференцию прибыло 844 делегата, в том числе 48 представителей от местных организаций горняков, 45—от местных организаций союзов транспорта и железных дорог, 65—от союзов металлургической промышленности, 81—от союзов строительных рабочих и т. д. Эта конференция показала живучесть движения меньшинства. Верно, что меньшинство в эти годы бешеного наступления не сумело достаточно быстро и достаточно энергично бороться против профсоюзных предателей. Но конгресс в Свонси громко вопиет о необходимости об'единения и сплочения всех честных пролетариев под знаменем движения меньшинства для непосредственной наступательной борьбы против профсоюзных святош, предающих рабочее движение оптом и в розницу под покровительством капиталистов и консервативного правительства. Этот конгресс именно потому, что на нем профсоюзная бюрократия выступила отчетливо с программой, не оставляющей места для каких бы то ни было сомнений по важнейшим вопросам профсоюзной политики, поможет также и самому меньшинству твердо и решительно стать на путь борьбы против профсоюзной бюрократии.

Среди «писем в редакцию», появившихся в английской прессе после конгресса, особого внимания заслуживает письмо священника Дженкинса на страницах шотландского «Форверда» (от 15/IX). Мистика Бен-Тернера не помешала Дженкинсу понять, что мы вряд ли услышим звон падающих цепей капиталистической эксплоатации раньше, чем рабочее движение не избавится от того руководства, которое ответственно за решения конгресса в Свонси. С этим письмом надо сопоставить речь шефа английских жандармов Джонса Хикса, в которой он сказал, что теперь можно дело борьбы с коммунистической крамолой целиком передать в руки... вождей английских профсоюзов. Выслужились!

В заключение отметим также, что конгресс в Свонси подвел черту всем дискуссиям по вопросу о лозунге «вся власть генеральному совету». После предательства всеобщей забастовки в рядах английских коммунистов, а еще более в рядах революционного движения меньшинства были товарищи, которые полагали, что лозунг «вся власть генеральному совету» сохраняет свою силу, но что нужно только его дополнить и несколько видоизменить. Конгресс в Свонси показал и доказал, что очередной и неотложной задачей революционных рабочих в английском профсоюзном движении является освобождение профсоюзов от продажных бюрократов, которые еще сохраняют в своих руках большинство аппаратов профсоюзного движения. Лишь после того, как эта задача будет выполнена, будет своевременно и уместно поставить вопрос о консолидации и централизации профсоюзного движения в целях создания боевого руководящего органа.

Л. Шацкин.

К вопросу о характере и движущих силах индийской революции.

(Начало ст. см. в № 17—18).

V. Индийская буржуазия.

Британский империализм может в своей борьбе против революции рассчитывать на поддержку индийской буржуазии. Правда, между этой последней и англичанами существуют определенные противоречия, которые революционное движение может и должно использовать в своих интересах. Конкуренция между туземными кликами торговой и промышленной буржуазии и британским торговым и промышленным капиталом безусловно налицо. В этой конкуренции положение индийской стороны менее выгодно не только потому, что ее противник экономически сильнее и лучше организован, но и потому, что он пока обладает всей полнотой политической власти, к которой индийская буржуазия допускается лишь в качестве второстепенного и подчиненного партнера. Однако, эти противоречия, которые надо учитывать, отходят на задний план перед общностью интересов туземной буржуазии и иностранного империализма.

Это абсолютно ясно, поскольку речь идет о богатой торговой буржуазии, являющейся посредницей между британским капиталом и местным населением, самым источником существования которой является участие в колониальном грабеже. Условием возрастания ее богатств является также политический порядок. Всякое революционное движение, не суля ей никакой выгоды, нарушает «тишину и спокойствие», необходимые для «процветания торговли», угрожает твердому режиму, под защитой которого она грабит крестьянство.

Но общность интересов с империализмом преобладает также и у национальной промышленной буржуазии. Положение ее в значительной мере отличается от положения китайской национальной буржуазии перед революцией.

Громадное значение имеет факт, что британский империализм вызвал к жизни тот национальный рынок, за создание которого вела борьбу китайская буржуазия. Партикуляризм отдельных провинций, громадная власть отдельных милитаристов, за спиной которых стояли различные мировые державы, незнакомы Индии. Ни удельный вес, ни самостоятельность туземных князей, правящих в экономически наименее значительных частях страны, не могут итти ни в какое сравнение с децентрализацией и системой милитаристской власти в Китае. В Индии почти нет или есть лишь в минимальных размерах тот «Север», против которого приходилось бы бороться индийской буржуазии, против которого приходилось бы выступать «Югу».

Борьба южной китайской буржуазии велась в свое время против милитаристов и империалистов с целью об'единения Китая, создания национального рынка. В Индии этот момент отсутствует, или по меньшей мере не имеет такого кардинального значения, как в Китае.

Затем индийская буржуазия добилась у иностранного империализма гораздо больших уступок, чем китайская. На ряду с вопросом создания национального рынка не менее важен вопрос о возможности его использования туземной буржуазией, что в свою очередь связано с вопросом о таможенной политике. В результате событий, о которых говорилось в первой главе, туземная буржуазия добилась столь желанных покровительственных пошлин. И хотя эта система протекционизма с ее точки зрения еще несовершенна, хотя она еще отнюдь не устраняет конкуренции иностранного капитала вне и особенно внутри страны, хотя регулирование этой системы находится в руках англичан, однако, некоторые минимальные условия для существования и развития туземной промышленной буржуазии все же налицо. Тем более, что некоторых уступок буржуазия добилась и в области покровительственного премирования некоторых производств так же, как и в деле закупки части материалов для государства и государственных предприятий в Индии (как известно, вопрос о казенных заказах играет первостепенную роль в развитии металлургии, особенно на первых порах ее существования). Все эти экономические уступки британского империализма, вынужденные обстоятельствами, свидетельствовали о его готовности делить добычу с туземной буржуазией, что нашло свое наиболее яркое выражение в соглашении ланкаширских и бомбейских текстильных фабрикантов о разделе хлопчатобумажного индийского рынка. На ряду с экономическими британский империализм сделал ряд, хотя и гораздо менее значительных, политических уступок, которые все же дают возможность индийской буржуазии, если и на подчиненных ролях, принимать некоторое участие в обсуждении важнейших для нее вопросов. Законодательные советы в центре и провинциях стали местом политической торговли между Англией и индийской буржуазией. В лице ряда высших чиновников-индийцев она получила ходатаев по ее делам. Весьма существенно, что этих уступок индийская буржуазия добилась «эволюционным» путем или, вернее, последствия таких грандиозных событий, как мировая война, русская революция, революционные выступления индийских масс и т. д., она воспринимала как результат ее лойяльной оппозиции и дипломатических маневров.

Имея ряд существенных отличий от китайской буржуазии, индийская буржуазия имеет с ней и одинаковые черты, которые, однако, еще более усиливают ее контрреволюционную роль. Речь идет о ее тесной связи с землевладением. С одной стороны, часть городской буржуазии и буржуазной интеллигенции, которую британский империализм до войны оттеснял от промышленной деятельности, вложила значительные капиталы в землю, при чем она занималась не с.-х. производством, а земельной спекуляцией, либо докапиталистической эксплоатацией крестьянства. С другой стороны, молодость индийского промышленного капитала обусловливает тот факт, что он зачастую еще не порвал пуповины, связывающей его с источниками первоначального накопления, в том числе с землевладельцами, часть которых вложила в годы промышленного строительства свои капиталы в индустрию. «И теперь в Индии многочисленны случаи совмещения в одной персоне богатого землевладельца и крупного промышленника» (Рой). Это обстоятельство имеет громадное значение, если верно, что осью индийской революции будет аграрный переворот. Аграрная революция стала в порядок дня индийской истории прежде, чем промышленная буржуазия целиком отдиференцировалась от крупного землевладения. Вместе с тем само землевладение лишь в меньшей своей части представляет прежнее феодальное сословие. Оно само

в большинстве случаев вышло из рядов торговой буржуазии. Поэтому в Индии не играют значительной роли те сословные перегородки, которые были одной из причин революционной роли французской буржуазии перед Великой французской революцией и на первом ее этапе.

Но основным фактором, определяющим отношение туземной промышленной буржуазии к революции, является выступление на историческую сцену ее смертельного врага—индийского пролетариата. Несмотря на свою слабую классовую сознательность и организацию, рабочий класс уже стал наиболее революционным фактором национально-освободительного движения, роль которого все больше возрастает. Он наложил определенный отпечаток на волнения 1919—21 гг. В последующие годы стали множиться признаки его классового пробуждения, стали расти стихийные стачки, направленные не только против британского империализма, но и против кармана туземной буржуазии. А в нынешнем году бомбейский пролетариат впервые выступил и на политической арене национально-революционной борьбы, как самостоятельная, отрицающая буржуазное руководство классовая сила. В 1922 г. коммунизм в Индии впервые, хотя и в очень несовершенной форме, сформулировал свою программу национальной революции. И если индийская буржуазия никогда не восхищалась экспроприацией русских капиталистов, то со времени первого политического выступления индийского коммунизма, призрак большевизма стал ее пугать гораздо больше, чем британский империализм. Вместе с тем индийские капиталисты чувствуют, что удар по частной собственности помещиков в современных индийских и международных условиях явился бы лишь прелюдией к борьбе против собственности фабрикантов и заводчиков. Поэтому крестьянские восстания 1919—21 и последующих годов произвели на буржуазию чрезвычайно глубокое впечатление и толкнули ее еще больше в об'ятия ее английского хозяина. Поставленная между двух огней, вынужденная выбирать между империализмом и массовой революцией—индийская буржуазия в основном уже сделала свой выбор. Она стала опорой империализма, хотя и менее устойчивой, но зато более ценной, чем помещики и компрадоры. Она стала врагом революции.

Что это именно так, доказывает ее политическая история, в особенности история последних лет. Оставляя в стороне такие явно компромиссные партии, не входящие в национальный конгресс, как либералы, респонсивисты и др., даже «левая» партия индийской буржуазии — свараджисты,—стала партией блока с империализмом, партией антиреволюционной. Свараджистов нельзя назвать ни последовательными националистами, ни последовательными демократами. Они даже идеал независимости Индии променяли на мечту о правах доминиона в пределах Британской Империи, а когда речь идет не о туманных идеалах, а о реальных политических вопросах, они в виде центрального лозунга выдвигают ответственное министерство, ответственное перед теми куцыми законодательными советами, которые избираются 2% населения. Свою прежнюю тактику обструкции в законодательных советах свараджисты давно уже заменили лойяльным сотрудничеством с англо-индийским правительством и его губернаторами в провинциях. Дело дошло до того, что в 1925 году вожди свараджистов соглашались на известных условиях образовать неответственное министерство в Бенгалии, этом центре национального движения и их влияния. Не даром официальный ежегодник англо-индийского правительства назвал свараджистов «настоящей конституционной оппозицией».

«Я был более верным другом конституционного прогресса и гораздо более решительным врагом растущей анархии, чем это думает правительство»—заявлял покойный вождь свараджистов Ч. Р. Дасс. Всю философию индийской буржуазии он выразил в следующих словах: «Я спрашиваю этих молодых людей, преданных революционным методам,—неужели они думают, что народ пойдет за ними? Когда жизнь и собственность подвергаются угрозе, то люди, которые страдают от этого или думают, что они могут пострадать, неизбежно отстраняются от подобных способов». Ведь свараджистская программа требует «охраны частной и индивидуальной собственности и поощрения накопления личного богатства». Поэтому Дасс обещал британцам в обмен на некоторые уступки: «мы не будем поощрять ни словом, ни делом, ни жестом революционной пропаганды, и мы приложим все усилия для ликвидации такого движения».

Поэтому тот же Дасс писал об аграрном вопросе: «Я не желаю, чтобы между землевладельцами и арендаторами существовали какие-либо трения. Я публично опровергал идею подобной классовой войны. Нежелательно подымать вопрос об отмене закона о постоянных поселениях, и, по моему, какие бы то ни было шаги в этом отношении можно только предпринять после введения самоуправления, да даже и тогда лишь в порядке взаимного соглашения между землевладельцами и арендаторами». А избирательный манифест свараджистской партии торжественно заявлял по поводу отношения к помещикам, «что те, кто стремится способствовать самоуправлению, не могут и помыслить о таком безумии, как подрыв вековых основ индийского общества путем устранения из своей среды столь важного и влиятельного класса. Совершенно верно, что партия стоит за справедливое отношение к арендатору, но поистине жалкой будет эта справедливость, если она повлечет за собой несправедливость к землевладельцу». Таково истинное лицо «левой» индийской буржуазии.

Но у нее есть и другое, показное лицо для масс, которое нередко вводит в заблуждение. Не надо забывать, что индийская буржуазия прошла теорию и практику английской политической школы и умеет маневрировать. Она делает иногда революционные жесты для того, чтобы 1) оказывать давление на британский империализм, когда ей нужно добиться новых уступок, 2) сохранять буржуазное руководство над мелкобуржуазными демократами и трудящимися массами, при чем эта потребность бывает тем больше, чем сильнее массовые революционные настроения (как только дело начинает становиться серьезным, буржуазия его предает).

Примером таких маневров индийской буржуазии являются ее высказывания в пользу СССР, которые можно встретить в националистических газетах, на национальном конгрессе и т. д. Весь смысл этого маневра разоблачается статьей, помещенной в «Форварде»—центр. органе свараджистской партии и конгресса, в которой говорится: «Весьма сомнительно, чтобы удалось в будущем предотвратить англо-русский конфликт, и в этом кризисе от Индии будет зависеть все существование империи. Английские государственные люди должны подумать о том, будет ли отвечать интересам Индии, если она пожертвует своими людьми и своими экономическими интересами для того, чтобы услужить Англии. Индийские государственные люди должны спросить английских государственных людей, намерены ли они заплатить за индийскую помощь в вопросах международной политики. Самое меньшее, что всякий уважающий себя государственный человек должен требовать, это—отмены унизительного решения последней имперской конференции, на которой Индия занимала низшее положение по сравнению со всеми так называемыми белыми доминионами, и немедленного дарования Индии полного статута доминиона. Уверены ли индийские государственные люди в возможности обеспечения этой уступки—если они достаточно единодушны для того, чтобы выдвинуть энергичное требование—при деятельном участии в мировой политике?». Нет сомнения, что свараджисты поддержат британских консерваторов против СССР и за меньшее, чем права доминиона. Характерна

откровенная наглость, с которой свараджисты сами разоблачают «торговый» характер своих симпатий к СССР.

Другой классический пример левого маневра буржуазии касается организации рабочих и крестьян. Свараджисты торжественно выступили в роли защитников трудящихся, взяли на себя инициативу создания рабочих и крестьянских организаций, в том числе и профсоюзов. Смысл этой истории был с такой же откровенной наглостью разоблачен Дассом в его речи на Гайском конгрессе: «Если конгресс не выполнит своего долга, мы окажемся перед фактом возникновения организации в стране, созданной рабочими и крестьянами, оторванной от нас и от дела свараджа, которая неизбежно внесет в атмосферу мирной революции классовую борьбу и войну обособленных интересов. Если целью конгресса является избежать этой позорной перспективы, то мы должны взять рабочий класс и крестьянство в свои руки, организовать их...» Возглавить, чтобы обезглавить—таков смысл этого левого маневра.

Нет сомнения, что и нынешний бойкот индийской буржуазией комиссии Саймона об'ясняется вышеуказанными двумя причинами: 1) давление на Англию, 2) сохранение буржуазного руководства движением, возглавление движения, чтобы обезглавить его, как только оно широко разовьется и начнет переходить в подлинную революцию.

Таким образом, противоречия между туземной буржуазией и британским империализмом имеют подчиненное значение.

Все же рабочий класс не может их игнорировать, ибо 1) эти противоречия в известные моменты дезорганизуют единый фронт его врагов и 2) оппозиция буржуазии при соответствующих условиях в стране может послужить поводом к проявлению широкого движения народных масс, причины которого таятся, конечно, не в конституционной оппозиции, а в колониальном и крепостническом угнетении этих масс, в глубоких революционных процессах, происходящих в этих массах. Поэтому противоречия между туземной и иностранной буржуазией необходимо учитывать и использовывать. Как использовывать? Если поведение буржуазной оппозиции вызывает широкое народное движение, рабочий класс должен участвовать в этом движении, однако, не как хвост буржуазии, не под знаменем единого фронта с буржуазией, а как самостоятельная классовая сила, выступающая со своими самостоятельными лозунгами, противопоставляющая себя буржуазному руководству, резко его критикующая, пытающаяся вырвать массы из-под его влияния и установить свою гегемонию в движении.

VI. Мелкая буржуазия.

При определении роли мелкой буржуазии в индийской революции не надо забывать, что она является «силой колебания» не только в пролетарском, но и в буржуазно-демократическом перевороте, если этот переворот принимает характер подлинной народной революции, если он совершается против воли буржуазии, и грозит сравнительно в недалеком будущем перерасти в социалистический. Этому учит нас опыт китайской революции. Отход китайской буржуазии от революции в апреле—июле 1927 года вызвал резкий поворот вправо среди весьма значительной части мелкой буржуазии, в том числе среди шанхайских лавочников и студентов, что не исключает возможности нового поворота части этих элементов влево.

Никак нельзя ставить на одну доску крестьянство и городскую мелкую буржуазию в отношении их революционности. Хотя и крестьянство не свободно от колебаний, однако, его классовое положение в демократической революции настолько ясно, свержение помещика и ростовщика является столь необходимой с точки зрения существования крестьянства задачей, что оно в целом становится чрезвычайно важной и серьезной двужущей силой революции. С городской мелкой буржуазией дело обстоит сложнее. Она является промежуточным слоем между буржуазией и пролетариатом, колеблется между ними, и поведение буржуазии, мало влияющее на изменение отношения крестьянина-арендатора к помещику, оказывает значительное влияние среди других факторов на настроения и поведение различных прослоек мелкой буржуазии.

Ремесленно-торговая буржуазия представляет в Индии широкий слой. Из более чем тридцати миллионов городских жителей, среди которых пролетариат составляет меньшинство, на ремесленников и мелких торговцев ремесленного типа приходится, несомненно, очень большая часть. Часть ремесленников превращается в домашних рабочих капиталистической мануфактуры, другие эксплоатируются скупщиками. Работая и на экспорт и в тех отраслях производства, которые испытывают острую конкуренцию иностранных товаров, они имеют весьма основательные причины ненавидеть британский империализм. Торговцы ремесленного типа (т. е. не богатые купцы, не торговцы-ростовщики, а торговцы, покрывающие доходом лишь свои потребности), связывают свое существование с благосостоянием своих потребителей из трудящихся слоев населения, на котором колониальный режим отзывается самым плачевным образом. Вот почему широкие массы ремесленно-торговой мелкой буржуазии могут быть союзником пролетариата в антибританской революции.

Надо, однако, отличать мелких хозяйчиков, эксплоатирующих наемный труд, либо превратившихся в мелких скупщиков и ростовщиков, от той массы ремесленников и торговцев, которые своими доходами покрывают лишь свои потребности, от городской бедноты, разоряемой и угнетаемой иностранным империализмом и крупным капиталом. В то время как богатая верхушка больше тяготеет к буржуазии, городская беднота может стать прочным союзником рабочего класса. Это не значит, что рабочий класс не должен бороться за усиление своего влияния даже на эту мелкобуржуазную верхушку, пытаясь ее хотя бы нейтрализовать. Однако, надо заранее предвидеть ее неизбежные колебания, надо основное внимание обратить на завоевание бедноты, пробуждая в ней сознание отличия и противоположности ее интересов интересам зажиточной верхушки.

Точно так же неоднородна и индийская интеллигенция, играющая в политической жизни страны, особенно в национальном движении, громадную роль. По переписи 1921 г. 2.644.000 человек, не считая полиции, жило за счет административной службы (из них англичан всего несколько десятков тысяч), за счет работы по народному образованию—805.000, за счет медицины и адвокатуры—996.000, литературы, искусства и т. д. — 762.000.

Высшее туземное чиновничество уже давно целиком перешло на сторону англичан. Оно правее индийской буржуазии. Однако, нет сомнения, что и значительная часть среднего и мелкого туземного чиновничества «подкуплена» и развращена колониальным режимом. Значительная часть служилой интеллигенции, работающей в деревне, получающей ничтожное жалованье, кормится за счет крестьянства, включилась в систему заминдарско-ростовщической эксплоатации сельского населения. До сих пор помещики и ростовщики с помощью такого рода местных чиновников успешно обходили все законы, ограничивавшие их деятельность. Находящиеся на откупу у господствующих классов деревни слои интеллигенции будут проявлять значительные колебания.

За буржуазией пойдет богатая верхушка свободных профессий.

Нельзя далее забывать, что *часть городской интеллигенции вышла из громадного слоя мелких помещиков и пересдатчиков помещичьей земли.* Об этом сообщает не только Рой[1]). Английский чиновник Брэфтон, тщательно исследующий спрос на рабочую силу и его удовлетворение в основных промышленных центрах Индии, пишет по поводу Бенгалии: «В связи с системой арендования земли, которая сейчас в силе, большая часть землевладельцев сдала на постоянный откуп свое право на собственность. Арендаторы в свою очередь, передали свои права за определенную сумму, так что в настоящее время между фактическим владельцем земли и помещиком, платящим налог государству, образовалась длинная цепь промежуточных арендаторов. Вначале арендаторы получали приличный доход со своей земли, но цены постепенно повышались, и число претендентов на доходы также увеличились. Поэтому часть дохода, приходящаяся на долю отдельного претендента, во многих случаях весьма невелика. Эти люди должны были вследствие этого искать других заработков. К сожалению, образование, полученное этими слоями населения, почти исключительно гуманитарное, так что они подходят только для конторской работы в правительственных и торговых учреждениях или же для ученых профессий»[2]). Некоторые из них идут уже по словам Брэфтона, в машинисты и механики. Однако, нет сомнения, что большая часть этих людей входит в состав городской интеллигенции[3]). Существование таких интеллигентов отчасти, а существование их родных, близких и т. д. целиком *зависит от «земельной ренты»* или попросту арендной платы, которая сдирается с крестьян. Вряд ли большинство таких интеллигентов, которые не прочь поговорить о национальном освобождении, будут горячими и последовательными сторонниками экспроприации помещичьего землевладения, уничтожения арендной платы. Эти обстоятельства надо учитывать при определении нашего отношения к интеллигенции.

Нет сомнения, что, кроме такого рода элементов, существуют и значительные слои безработной и бедствующей интеллигенции, не связанной с землевладением и представляющей поэтому более благоприятную почву для подлинно-революционного движения.

Индийская интеллигенция чувствует очень остро гнет иностранного империализма. Препятствия, которые колониальный режим ставит развитию производительных сил, порождают относительное перепроизводство интеллигенции, широкую интеллигентскую безработицу. Неравноправное положение индийца, преимущества англичан, которые захватили решающие посты администрации, весь офицерский корпус в армии и т. д., вызывают естественное возмущение интеллигенции. Политическое угнетение, преследования революционных организаций, печати и т. д. возбуждают в ней стремление к политической свободе, которая дала бы ей возможность развернуть все свои силы. Режим невежества, который поддерживает британское владычество, точно так же суживает поле ее деятельности. Школьный режим революционизирует учащихся. Поэтому неудивительно, что интеллигенция до сих пор поставляла большую часть участников националистического движения.

---

[1]) См «Будущее индийской политики».

[2]) Брэфтон, «Положение рабочих в индийской промышленности», изд. «Прибой», 1925.

[3]) Секретарь Крестьянского Союза Молодых Людей Индии К. Т. Пауль в своих показаниях правительственной с.-х. комиссии в *Мадрасе* заявил, между прочим следующее: «Молодежь средних классов в большинстве случаев имеет земельную собственность, обрабатываемую крестьянами-арендаторами. У этой молодежи установившаяся психология «отсутствующего помещика».

Эта мелкобуржуазная интеллигенция составляет левое крыло свараджа, а также кадры нескольких новых мелкобуржуазных легальных партий, пока немногочисленных, образующих вместе с левыми свараджистами левое крыло национального конгресса. Из этой же среды рекрутируются участники и сторонники нелегальных террористических партий и групп, существующих уже давно.

Характерной чертой мелкобуржуазных политических течений и партий является пренебрежение крестьянским вопросом. Они выдвигают революционный лозунг независимости Индии в противоположность соглашательству свараджистского большинства. Часть из них, в частности, террористы, готовы с оружием в руках драться за эту независимость. Однако, величайшая неясность, а зачастую индиферентность к аграрному вопросу характеризует мелкобуржуазных политиков. Несомненно, что диференциация как в среде широких масс интеллигенции, так и среди ее политических представителей пойдет по линии отношения к крестьянству. *Аграрная революция — вот тот оселок, на котором будет испытываться каждая интеллигентская партия и группа.* Нет сомнения, что значительная часть мелкобуржуазных националистов пойдет по стопам Ван-Тин-вея, бросится в об'ятия буржуазии, когда будет поставлена перед фактом крестьянского восстания.

Индийская революция имеет уже опыт по части предательства мелкобуржуазных националистов, из которого надо извлечь все уроки. Речь идет о *банкротстве гандизма.* Суть этого банкротства не только в непригодности идеи непротивления злу, но и в политическом банкротстве мелкобуржуазного руководства, столкнувшегося с крестьянским восстанием. Идея «ненасилия» послужила идеологическим покровом для перехода на сторону империализма и буржуазии. Все марксисты, писавшие об Индии, сходятся на том, что в годы бурного волнения масс после войны крупная буржуазия отошла от национального конгресса, руководство которым перешло к Ганди и его мелкобуржуазной интеллигентской группе. В 1921 г. Ганди был облечен диктаторскими полномочиями для проведения массового гражданского неповиновения (отказ от исполнения законов, уплаты податей и т. д.). Этот призыв встретил отклик во всей стране. Но достаточно было начаться в двух местах—Чаура и Барейли,—вооруженным столкновениям крестьян с полицией, как движение было сорвано испугавшимся руководством. Мы приводим здесь (по Датту) резолюцию комитета конгресса, которая явилась величайшим предательством революции:

«п. 1. Исполнительный Комитет сожалеет о бесчеловечном поведении толпы в Чаури-Чауре, которая зверски убила полицейских и бессмысленно сожгла полицейский пост;

п. 2. в виду того, что насильственные выступления происходят всякий раз, когда об'является массовое гражданское неповиновение, что свидетельствует о недостаточной подготовленности страны к ненасилию, Исполнительный Комитет конгресса постановляет о прекращении массового гражданского неповиновения и предлагает местным комитетам конгресса советовать земледельцам уплачивать земельные подати и все другие государственные налоги и прекратить всякую другую деятельность наступательного характера;

п. 3. приостановка массового гражданского неповиновения будет продолжаться до тех пор, пока атмосфера станет достаточно ненасильственной для того, чтобы обеспечить невозможность повторения таких жестокостей, которые имели место в городе Горакпуре, или такого хулиганства, которое имело место в Бомбее и Мадрасе 17 ноября и 13 января (столкновение между рабочими, крестьянами и полицией.—*Примеч. Датта);*

п. 4. все демонстрации волонтеров и открытые митинги для выражения недоверия властям должны быть прекращены;

п. 5. Исполнительный Комитет предлагает работникам и организациям конгресса уведомить крестьян, что воздержание от уплаты земельной ренты земиндарам противоречит решениям конгресса и вредит насущным интересам страны;

п. 6. Исполнительный Комитет заверяет земиндаров, что движение конгресса отнюдь не намеревалось посягать на их законные права, и Комитет желает, чтобы даже в тех случаях, когда крестьяне имеют претензии, удовлетворение достигалось взаимным соглашением и арбитражем».

Эта резолюция представляет величайший исторический пример шатаний мелкой буржуазии, ее прямого предательства перед угрозой революции рабочих и крестьян. Интересно, что тогдашнее руководство конгресса в национальном вопросе стояло на весьма революционной позиции антисотрудничества. Оно споткнулось на крестьянском вопросе. И эта его измена, несомненно, связана с теми сторонами положения мелкобуржуазной интеллигенции, о которых говорилось выше.

Насколько осторожно надо относиться к левым мелкобуржуазным группам, показывает судьба откололовшихся от свараджистов в Бенгалии «Лиги Активистов» и «Лиги Молодежи», которые споткнулись на индо-мусульманской розни и, приняв участие в кровавых событиях в Калькутте в 1926 г., очутились в хвосте индусской буржуазии.

Рабочий класс должен вести борьбу за массы интеллигенции, особенно ее низших слоев, особенно безработной интеллигенции, выставляя требования, защищающие ея интересы, и беря в свои руки знамя национально-освободительной борьбы, выпавшее из рук буржуазии и тех мелкобуржуазных националистов, которые тяготеют к буржуазии. При этом, однако, надо помнить про разнородность интеллигенции и различие интересов ее различных прослоек, про неизбежность ее диференциации прежде всего по линии аграрного вопроса, про неизбежность шатаний, колебаний, а во многих случаях и прямого предательства даже со стороны той ее части, которая стоит на платформе независимости Индии[1]. Законное недоверие к мелкобуржуазным националистам предохранит трудящиеся массы от лишних разочарований. Не уступками мелкобуржуазным предрассудкам и шатаниям, а только их резкой критикой и самостоятельной решительной революционной борьбой трудящихся масс против империалиста, помещика и ростовщика, можно толкать вперед индийскую интеллигенцию.

VII. Крестьянство.

О положении крестьянства все существенное было сказано в главах I и III. Это его положение и роль аграрного вопроса в индийской революции

[1]) Неверно утверждение, будто индийская мелкобуржуазная интеллигенция дальше пойдет с революцией, чем китайская, ибо в Китае якобы главный удар был направлен против туземных господствующих классов, а в Индии против иностранного империализма. Это неверно потому, что 1) и в Китае главный удар на первом этапе революции (о нем идет здесь речь) был также направлен против империализма, 2) индийская буржуазия, в отличие от китайской, не будет играть революционной роли на каком бы то ни было этапе революции, что окажет влияние и на поведение интеллигенции, и 3) Индия пережила 1919—22 годы, напугавшие часть интеллигенции, вызвавшие банкротство мелкобуржуазного руководства.

делает крестьянство *массовой движущей силой этой революции*, хотя и не ее гегемоном, которым может быть только пролетариат. Соединение борьбы в городе с крестьянской войной в деревне—таково основное условие победы революции в Индии.

Пока речь идет о буржуазно-демократическом перевороте, *все крестьянство* пойдет с революцией, ибо противоречие между всем крестьянством, с одной стороны, и помещиком и ростовщиком, с другой, сейчас преобладает над внутренними противоречиями в крестьянстве, как бы ни оценивать глубину и размеры этих последних противоречий.

Против решительной аграрной революции может выступить лишь та группа крестьянства, которая сама эксплоатирует при посредстве сдачи земли в аренду других крестьян. Но эта группа сравнительно незначительна и решающего значения иметь не может. Зажиточному крестьянину-хозяину для развития его хозяйства надо устранить помещика и ростовщика, получить землю.

Однако, в дальнейшем ходе революции расслоение крестьянства неизбежно проявится, что уже будет служить признаком выхода революции за ее буржуазно-демократические рамки. Партия пролетариата, которая не может ограничиться буржуазно-демократическими задачами, которая обязана на начальных стадиях революции готовить ее переход на высшую ступень, должна уже сейчас приступить к особой организации сельскохозяйственного пролетариата. Это тем более необходимо, что прослойка промышленного пролетариата в Индии весьма тонка и классовая мобилизация пролетариата деревни может его значительно усилить. С.-х. рабочие призваны быть одним из важнейших каналов, по которым пролетарское руководство в буржуазно-демократической революции будет проникать в деревню. В то же время необходимо уже сейчас пробуждать в деревенской полупролетарской бедноте сознание ее особых классовых интересов.

Начавшийся в крестьянстве процесс создания *крестьянских организаций* (союзов, обществ и т. д.), необходимо всячески поддерживать. Вопрос о создании крестьянских советов, несомненно, встанет, как только аграрная революция охватит страну, но это уже относится к вопросу о власти, о демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, которого мы в этой статье не касаемся. Опыт Китая показал, что как предварительная стадия организации крестьянства—крестьянские союзы могут сыграть величайшую революционную роль, если с них совлечь внешние реакционные покровы, если их очистить от чуждых крестьянской борьбе элементов. Блок рабочего класса с крестьянством может быть осуществлен в форме блока с крестьянскими союзами, если они действительно охватят широкие революционные массы и станут подлинными вожаками аграрного восстания.

Неверно было бы пытаться осуществить этот блок через идущую в народ интеллигенцию. Конечно, можно для работы в деревне использовать и отдельных преданных революции интеллигентов. Однако, основные пути рабоче-крестьянской смычки—это руководство крестьянским движением изнутри через пролетарские и полупролетарские элементы деревни и прямой союз рабочих организаций с крестьянскими союзами без всяких интеллигентских посредников.

VIII. Пролетариат.

В предприятиях, насчитывающих свыше 20 рабочих, было занято в 1921 году 2.608.000 человек. Из них. 818.000 рабочих плантаций, 760.000 текстильщиков, 260.000 горняков, 165.000 металлистов, 102.000 химиков и т. д.; квалифицированных рабочих 701.000, неквалифицированных 1.794.000. По сравнению с 1911 г. число рабочих увеличилось на 25%, при чем

плантационные и горнорабочие мало увеличились в своем числе, число текстильщиков выросло на 35%, химиков на 100% и металлистов на 130%. К этим 2,6 млн. пролетарнев надо прибавить около 800.000 рабочих транспорта—железиодорожников, докеров и т. д. Таким образом, прослойка современного пролетариата в Индии, насчитывающая около 3½ млн. человек, очень тонка в стране, населенной 320.000.000 жителей. Количество н а е м н ы х р а б о ч и х в м е л к о й п р о м ы ш л е н н о с т и не поддается учету, ибо статистика не отделяет их от мелких хозяйчиков. Однако, нет сомнения, что число их значительно и в городе и в деревне. Эти наемные рабочие мелкой промышленности так же, как и с.-х. рабочие, представляют слои наиболее близкие индустриальному пролетариату, его надежнейших, вернейших союзников.

Характерна для индийского пролетариата его громадная т е к у ч е с т ь. Значительная часть рабочих приходит в город на фабрику для того, чтобы поднакопить деньги для поправления своего деревенского хозяйства. Текучесть об'ясняется также отвратительными условиями труда и быта индийского рабочего, в особенности жилищными условиями. Это явление сильно распространено в текстильной промышленности. Во многих угольных районах рабочие работают на шахтах по 12—15 дней в месяц, отдавая остальное время сельскому хозяйству. Нередки также случаи от'езда рабочих в деревню на время полевых работ. На ряду с фабриками и промышленными центрами, в которых преобладает «переменная» рабочая сила, есть и предприятия и целые промышленные центры, в которых уже сформировались постоянные кадры пролетариата. Однако, текучесть его в значительной части является так же, как и неграмотность, одним из основных препятствий в деле выработки пролетарского классового сознания, ибо она усиливает крестьянские настроения, которые и так сильны, ибо п о д а в л я ю щ е е б о л ь ш и н с т в о и н д и й с к и х р а б о ч и х в ы ш л о и з д е р е в н и. С другой стороны, происхождение пролетариев и их текучесть создают громадные возможности пролетарского воздействия на деревню, облегчают создание рабоче-крестьянского союза в революции.

В то же время индийский пролетариат отличается высокой степенью к о н ц е н т р а ц и и. На основании материалов индийских переписей Дингельштедт вычислил, что в 1921 г. из 2,6 млн. рабочих в предприятиях с количеством рабочих от 20 до 50 работало 157.821 человек (6%), в предприятиях с количеством рабочих от 50 до 400—592.412 человек (22,7%), а остальные 1.860.806 чел. или 71,3% были заняты в предприятиях с количеством свыше 400 рабочих. В Соед. Штатах Сев. Америки в том же году в первого рода предприятиях было занято 12,7% всех рабочих, в предприятиях с числом рабочих от 50 до 500—51%, а в предприятиях с числом рабочих выше 500 лишь 36,3%. В Индии в 1921 г. было 18 хлопчатобумажных фабрик с количеством рабочих свыше 3.000, 46 таких же джутовых фабрик, а 9 джутовых предприятий имело свыше 8.000 рабочих. Железнодорожные заводы и доки насчитывали 22 предприятия с количеством рабочих свыше 3.000, а в области металлургии у Тата работало 26.000 рабочих, в «Bengal Iron Works»—9.000 и т. д. Эта высокая концентрация индийского пролетариата облегчает задачу его классового сплочения, в отличие от текучести.

Р а б о ч и й к л а с с И н д и и к р о в н о з а и н т е р е с о в а н в б у р ж у а з н о-д е м о к р а т и ч е с к о й р е в о л ю ц и и, хотя он и не может ею удовлетвориться. Свержение империалистического господства означает устранение наиболее мощного, наилучше организованного врага рабочего класса. Свержение помещика развяжет классовую борьбу в деревне и позволить мобилизовать сельских рабочих и бедноту на борьбу за пролетарскую власть. Политическая свобода даст возможность развернуть, организовать и воспитать громадные массы пролетариата, который в ходе

народной революции будет обучаться и закаляться для будущих боев за социализм. Наконец, в процессе демократически-революционной борьбы рабочий класс добьется ряда завоеваний, которые, не уничтожая наемного рабства, все же значительно улучшат ужасающее экономическое положение пролетарских масс.

Б о р ь б а з а у л у ч ш е н и е э к о н о м и ч е с к о г о п о л о ж е н и я р а б о ч и х я в л я е т с я с о с т а в н о й ч а с т ь ю и н д и й с к о й р е в о л ю ц и и. Продолжительный рабочий день; жалкая заработная плата, несравнимая с европейским уровнем; вопиющие к небу жилищные условия, которые привели к тому, что детская смертность в Бомбее превышает 50%; громадные штрафы и задержка выплаты заработной платы; громадная власть и злоупотребления обширных кадров надзирателей; система найма рабочей силы через подрядчиков, надувающих и обирающих рабочих; колоссальное и все растущее распространение детского труда (от 9 и моложе до 15 лет), который, например, в мадрасской провинции составляет 21% всей рабочей силы; вынужденное жилищными условиями и отсутствием яслей пребывание в мастерских, применяющих женский труд, крошечных детей и младенцев, нередко гибнущих под ударами машин; задолженность многих рабочих ростовщикам и т. д., и т. д.—таково в коротких чертах положение поднявшегося на историческую арену молодого индийского пролетариата. Неудивительно, что на этой почве уже в течение многих лет так часто вспыхивают с т а ч к и. Неудивительно, что эти стачки, несмотря на слабость пролетарских организаций и предательство профсоюзных вождей, отличаются поразительным упорством и героизмом рабочих. В стихийной стачечной борьбе происходит первая самостоятельная проба сил индийского пролетариата.

Вполне понятно, что в таких условиях н е м о ж е т б ы т ь п р о ч н о й б а з ы д л я д л и т е л ь н о г о г о с п о д с т в а р е ф о р м и з м а в р а б о ч е м д в и ж е н и и, хотя цеховая отсталость вчерашних ремесленников и предрассудки вчерашних крестьян могут временно облегчать его работу. Реформизм в индийское рабочее движение привнесен извне— из рядов буржуазного и мелкобуржуазного националистического движения, с одной стороны, и из английской рабочей партии и трэд-юнионов, с другой. Реформисты обоих толков трогательно об'единились в стремлении замкнуть борьбу рабочего класса в рамки э к о н о м и з м а. Добивайся экономических улучшений путем соглашения с предпринимателями, а в политику не суйся, предоставь ее националистам,—так говорят они индийскому пролетариату. Что этот номер не проходит, доказывают попытки буржуазных вождей профсоюзов вкупе с импортированными фабианцами отвести стремление рабочих масс к политической борьбе в трэд-юнионистское русло рабочей партии английского типа. А тот факт, что из этой рабочей партии, несмотря на многочисленные постановления, тоже ничего не выходит, доказывает, что политическая борьба рабочего класса пойдет, а отчасти уже пошла по революционному руслу. Реформистский нарост в рабочем движении не имеет глубоких корней в той исторической полосе, в которую вступает Индия. Но б ы л о б ы н е в е р н о н а э т о м о с н о в а н и и н е д о о ц е н и в а т ь р е ф о р м и с т с к о й о п а с н о с т и, п р е у м е н ь ш а т ь з н а ч е н и е б о р ь б ы п р о т и в н е е. Лишь вскрыв этот нарыв, рабочий класс может выполнить ту роль, для которой его предназначила история — роль гегемона революции.

Л и ш ь п р о л е т а р и а т м о ж е т б ы т ь г е г е м о н о м п о б е д о н о с н о й, п о д л и н н о н а р о д н о й д е м о к р а т и ч е с к о й р е в о л ю ц и и. Организованности империализма и буржуазии он противопоставляет свою пролетарскую организацию. В отличие от всех видов мелкой буржуазии он лишен выбросить средств производства и, следовательно, свободен от предрассудков мелкого собственника. В противоположность

раздробленности и разобщенности ремесленников и крестьян пролетариат сконцентрирован крупными массами в громадных городах и предприятиях. Он сравнительно быстро освобождается от кастовых и религиозных предрассудков, Ничто не связывает его с отживающим режимом колониального и крепостнического угнетения. Призванный освободить человечество от всякого неравенства и эксплоатации, пролетариат является самым последовательным революционным классом и в революции буржуазно-демократической.

Основным недостатком, который препятствует рабочему классу Индии завоевать свою гегемонию в революции, является слабость его классовой сознательности, сплоченности и организации. Он еще в большей своей части находится под влиянием буржуазных и мелкобуржуазных националистов. Им удалось захватить *профсоюзы*, которые еще очень слабы не только потому, что они охватывают всего около 200.000 рабочих и служащих, разрознены и децентрализованы, но и потому, что они оторваны от борьбы пролетариата, не имеют рабочего актива, страдают отсутствием интенсивной внутренней жизни. Не только в профсоюзах, но и в политических настроениях неорганизованного пролетариата влияние буржуазных и мелкобуржуазных течений и предрассудков еще велико.

Центральной задачей коммунизма в Индии является в настоящее время освобождение пролетариата от буржуазного и мелкобуржуазного влияния и руководства и его оформление в самостоятельную во всех отношениях классовую силу. Ряд стачек и в особенности последняя бомбейская рабочая демонстрация показывают, что этот процесс начался. От того, насколько быстро и успешно он будет развиваться, в значительной мере зависят судьбы индийской революции. Рабочий класс прежде всего нуждается в *самостоятельной коммунистической партии*, которая сейчас зарождается. Без такой партии, без сознательного и крепко сплоченного авангарда, руководящего классом, пролетариат неизбежно будет плестись в хвосте либеральной буржуазии и мелкобуржуазной демократии. Эта коммунистическая партия, которая впитает в свои ряды наиболее преданных революции, целиком перешедших на точку зрения пролетариата интеллигентов и передовые элементы наиболее близких пролетариату слоев крестьянства, должна быть преимущественно пролетарской по своему составу и целиком пролетарской по своей идеологии и политике. Коммунистическая партия нуждается не только в самостоятельной организации, но и в *самостоятельной идеологии*, в марксистско-ленинской теории, по-пролетарски ставящей все вопросы индийской революции. Такая идеология может выработаться лишь в беспощадной борьбе против шатаний национализма, против народнического утопизма и против экономизма. Рабочий класс и его партия нуждаются в *самостоятельной политике*, отличной во всех существенных вопросах от политики буржуазного национализма, свободной от половинчатости мелкой буржуазии. Наконец, пролетариат должен вырвать свои *профсоюзные организации* из рук буржуазных агентов, превратить их в подлинные массовые организации, борющиеся под руководством коммунистической партии.

Освобождение пролетариата от буржуазного и мелкобуржуазного влияния, его политическое и организационное классовое оформление *отнюдь не означают замыкания рабочего класса в свою скорлупу, его устранения от участия в национально-революционной борьбе.* Наоборот. Само выполнение этой задачи классового оформления возможно лишь в процессе самостоятельного, исключительно активного участия рабочего класса в каждом массовом движении против империализма. В политике рабочего класса вопросы национального освобождения Индии неизбежно играют исключительно

важную роль. Больше того, только *рабочий класс может быть единственным, истинным и до конца последовательным представителем борющейся за свое освобождение угнетенной нации.*

Под знаменем национальной революции, аграрного восстания он подымет на борьбу громадные глыбы крестьянства и трудящихся масс мелкой буржуазии. Индийскому пролетариату нужна полная самостоятельность для того, чтобы повести за собой всех трудящихся и эксплоатируемых, чтобы с их помощью свергнуть империалиста, помещика и ростовщика. Она нужна ему и для того, чтобы, не ограничиваясь демократическими задачами, подготовить свою борьбу за конечную цель пролетариата—коммунизм.

Я. Бумбер.

Дальнейшие вехи колхозного строительства.

1. Итоги нового строительства 1928 г.

«В настоящий период задача об'единения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы должна быть поставлена в качестве основной задачи партии в деревне»—указывается в постановлении XV с'езда партии. Необходимые для дальнейшего хозяйственного наступления предпосылки,—констатирует с'езд партии,—в процессе социалистического строительства последних лет созданы: в руках рабочего государства сосредоточены гораздо большие, чем раньше, материально-хозяйственные ресурсы, а «в политической области усилился отход середняка от кулачества, укрепился союз рабочего класса с середняцкими массами крестьянства».

Учитывая наблюдавшееся в некоторых случаях при проведении коллективизации административное переусердствование, с'езд партии одновременно сугубо подчеркивает необходимость соблюдения принципа добровольности: «Категорически указывая на то, что этот переход может происходить только при согласии на это со стороны трудящихся крестьян, партия признает неотложным широко развернуть пропаганду необходимости и выгодности для крестьянства постепенного перехода к крупному общественному сельскому хозяйству и всемерное поощрение на практике имеющихся уже и заметно растущих элементов крупного коллективного хозяйства в деревне».

Мы имеем уже первые итоги по реализации этой директивы. Они свидетельствуют, что зов партии был услышан и подхвачен массами трудящегося крестьянства. Имеющиеся предварительные данные о положении колхозного движения в результате строительства текущего года показывают, что XV с'езд партии войдет в историю социалистического сельского хозяйства в качестве важнейшей вехи на грани совершенно новой полосы в нем.

Развертывание колхозного строительства в текущем году происходило совершенно невиданным для предыдущего периода новой экономической политики темпом: опрокинуты все соответствующие динамические коэффициенты предыдущих лет.

Вот основные цифровые данные, характеризующие мощный рост колхозного движения в текущем году (см. табл. стр. 73).

Итак, строительство текущего года привело к удвоению численности колхозов. Особенно бурный рост наблюдается по некоторым республикам и районам. Так, по Дагестану процент прироста составляет 353,7%, по Бурято-Монголии—286,9%, Северному Кавказу—179,5%, Уральской области—199,3%, Сибири—175,5%, ЦЧО—114,5%, по РСФСР в целом—122% и т. д.

В результате строительства текущего года общее количество колхозов выросло до 32.506 единиц, составляя по отдельным республикам: РСФСР—20.903, УССР—9.807, БССР—611, ЗСФСР—418, Узб. ССР—702, Туркм. ССР—65.

Динамика колхозов по СССР[1]).

Годы / показатели	Количество колхозов	В них крестьянских хозяйств (в тыс.)	Посевная площадь (в тыс. гект.)	Лошади (в тыс.)	Крупного рогатого скота (в тыс.)
1926 г.	15.055	216,1	975,7	121,6	135,9
1927 „	15.671	244,2	887,1	125,3	139,0
1928 „	32.506	405,6[1])	1.770,0	176,2	222,9
Темпы прироста (в %% к предыдущему году).					
1927 г.	104,1	113,0	90,9	103,0	102,2
1928 „	207,0	166,4	199,5	140,8	160,0

Это по сети. Как из вышеприведенной таблицы видно, наиболее высок темп роста именно по сети. Прирост других основных показателей, как-то: числа вовлеченных хозяйств, размеров посевной площади, численности лошадей и крупного рогатого скота, несколько меньше, хотя в абсолютном выражении рост и этих элементов весьма значителен.

После тяжелого кризиса, пережитого колхозами в первые годы нэпа, темп их роста, начиная с 1925 года, несколько превышает средний для всего сельского хозяйства темп. В связи с этим незначительно повышается и удельный вес коллективного хозяйства в сельском хозяйстве, взятом в целом. В результате исключительно бурного роста 1928 года степень охвата коллективами посевной площади выражается по РСФСР в 1,5% (против 1% в предыдущем году), а по некоторым районам поднимается до 3,5% (Северный Кавказ), 4,5% (Крым) и т. д.

Итак, колхозное движение приняло в текущем году резко выраженный характер массового движения. Темп внедрения коллективной формы сельского хозяйства в экономику деревни стал совершенно другим, чем до XV с'езда партии.

2. Качественный уровень новых колхозов.

Изучая величайшие достижения колхозного движения в текущем году, нельзя, конечно, удовлетвориться одними только общими количественными показателями. Не менее важны качественные сдвиги, особенно по линии социально-классового состава и материально-технического уровня колхозов.

Начнем с первого. Все данные (сообщения с мест Колхозцентру РСФСР, обследование НК РКИ и предварительные итоги сплошной переписи ЦСУ СССР) показывают, что основную массу членов вновь организованных колхозов составляет беднота.

По данным семи гнезд РСФСР, разработанным ЦСУ, в колхозах, образовавшихся до 1928 года, соотношение между различными группами коллективизированного крестьянства примерно такое же, как соотношение групп внутри деревни. Колхозы же, организованные в 1928 г., дают четкий сдвиг

[1]) По данным ЦСУ СССР и Госплана СССР. Данные за 1928 г.—по предварительной разработке материалов сплошной переписи колхозов, произведенной ЦСУ СССР в текущем году. Данные о численности коллективизированных крестьянских хозяйств и посевной площади за 1928 г. для Казакстана, Киргизской АССР, ЗСФСР и Узб. ССР—из материалов Колхозцентра РСФСР и Совета Колхозов. Численность лошадей и крупного скота за 1928 г.—по данным Госплана СССР.

в сторону увеличения удельного веса бедняцких и маломощных середняцких слоев.

Вот соответствующие данные относительно товариществ по общественной обработке земли при группировке хозяйств по стоимости средств производства (в %%):

Группы по стоимости средств производства.	В колхозах, организованных до 1/I—28 г.	В колхозах, организованных в 1928 г.	Распределение крестьянских хозяйств по данным динамики 1927 г.
Без средств производства	7,7	7,6	2,8
Стоимостью до 200 руб.	28,3	41,4	22,1
От 200—400 руб.	22,4	25,2	27,9
„ 400—800 „	24,8	17,7	31,9
„ 800—1600 „	14,8	6,8	12,7
Свыше 1600 „	2,0	1,3	2,6
Итого	100,0	100,0	100,0

Так как удельный вес товариществ по общественной обработке земли среди новых колхозов наибольший, то приведенные данные наиболее показательны. Что касается высших форм—коммун и артелей, то в них, как общее правило, удельный вес бедноты еще выше.

По данным Колхозцентра РСФСР социальный состав новых колхозов характеризуется следующими числами (по 3.039 новым колхозам, об'единяющим 45.352 хозяйства).

Без лошадей	С одной лошадью	С двумя лошадьми	С тремя лошадьми	С 4 и более
32,8%	52,3%	12,4%	2,0%	0,5%
Без коров	**С одной коровой**	**С двумя коровами**	**С тремя коровами**	**С 4 и более**
18,1%	55,0%	22,8%	3,4%	0,7%

Основную массу членов вновь образованных коллективных хозяйств по РСФСР составляют, следовательно, безлошадные и однолошадные (85,1%) и бескоровные и однокоровные (73,1%).

По 53 новым колхозам в четырех обследованных НК РКИ округах Украины социальный состав оказался следующий:

Округа	Бедняки	Середняки	Зажиточные	Итого
Кременчугский	61,6	38,4	—	100
АМССР	65,8	32,8	1,4	100
Луганский	78,5	21,5	—	100
Херсонский	92,3	7,7	—	100

Все эти данные свидетельствуют, *что во вновь организованных колхозах социальный состав более бедняцкий, чем в старых, что колхозное строительство этого года*

характеризует особо четко выдержанная социально-классовая линия.

XV с'езд партии дал директиву о форсировании колхозного строительства в развитие своей общей директивы об усилении наступления на кулака и ограничении развития капитализма в деревне. Имеющиеся данные о новом колхозном строительстве текущего года показывают, что оно в полной мере может быть отнесено в актив наступления на капиталистические элементы деревни. Это же подчеркивают многочисленные сообщения с мест, расценивающие мощную волну коллективизации текущего года, как один из важнейших факторов в борьбе за изоляцию кулака.

С качественным уровнем новых колхозов в разрезе материально-технической обеспеченности их и основных производственных показателей дело обстоит хуже.

Совершенно очевидно, что только-что образовавшиеся коллективные хозяйства не могли в первый год своего существования значительно повысить производительность труда, товарность хозяйства и т. д. Сорганизовавшись преимущественно из бедноты, они не могли сразу стать в сколько-нибудь нормальное положение и по степени материально-технической вооруженности.

Всякая идеализация колхозного движения и замазывание его существенных недостатков в этом отношении было бы вреднее любой кулацкой клеветы. Находящееся в начале мощного массового развертывания и требующее еще колоссального дальнейшего напряжения сил колхозное строительство должно теперь всячески выявлять свои недостатки, сосредоточивая на этой стороне особое, гораздо большее, чем до сего времени, внимание.

Что мы имеем теперь?

Если основные показатели, приведенные выше в таблице по общей динамике колхозов, пересчитать на 1 колхоз, то получается следующая картина:

Годы / показатели	На 1 колхоз приходится:			
	Крестьянских хозяйств	Посевной площади (в га)	Лошадей	Крупного рогатого скота
1926 г.	14,0	64,1	8,0	9,0
1927 „	15,5	59,0	8,0	8,9
1928 „	12,4	54,3	5,4	6,9

Итак, несмотря на директиву партийного с'езда об укрупнении колхозов, подробно обоснованную и развитую в постановлениях колхозных с'ездов,—средний размер колхоза в результате строительства текущего года понизился. Колхозы, организованные до 1928 г., по имеющимся данным, правда, несколько укрупнились. Их размер по числу вовлеченных крестьянских хозяйств составлял на 1 июня 1928 г. (по отношению к составу на 1 июня 1927 г.): в коммунах—130%, в артелях—119,5% и в товариществах по общественной обработке земли—127,9%. Но вследствие того, что средний размер колхозов, образовавшихся в текущем году, значительно ниже, массовое их влитие в колхозную сеть сильно разбавило ее. В общем итоге не только не получилось никакого укрупнения, наоборот, средний размер колхоза снизился. Особенно мелки новые товарищества по общественной обработке земли, имеющие в среднем на одно об'единение лишь 27,5 га посева, т.-е. фактически не превышающие размеров крупного индивидуального

хозяйства. А большинство новых колхозов состоит, как выше отмечалось, именно из товариществ по общественной обработке земли.

Как видно из вышеприведенной таблицы, так же обстоит со средним размером приходящегося на 1 колхоз живого инвентаря. При расчете на 1 колхоз наблюдается абсолютное снижение.

Стоит сопоставить данные об обеспеченности средствами производства вновь организованных и старых колхозов, чтобы убедиться, что причиной снижения уровня материально-технической вооруженности является именно «призыв» 1928 г. Так, стоимость сельскохозяйственного инвентаря, приходящегося в среднем на 1 колхоз (в черв. рублях), составляла: в коммунах, организованных до 1928 г.—5.082, в организованных в 1928 г.—1.307, в артелях соответственно: 1.863 и 568, в товариществах соответственно: 2.013 и 926.

Еще больше разница по обеспеченности тракторами. Если из числа коммун, организованных до 1928 г., 79,2% имеют тракторы, то коммуны, организованные в 1928 г., обеспечены ими лишь на 23,3%. Из числа артелей имеют тракторы соответственно: 38,2% и 5,0%; из числа товариществ: 42,8% и 10,9%.

Настолько низкая обеспеченность тракторами сказывается, конечно, крайне отрицательно на дееспособности колхозов, особенно в районах зернового направления. Если, например, на Кубани из 1.026 новых колхозов имеют тракторы лишь 19 (согласно данным обследования НК РКИ), то говорить о хозяйственной устойчивости колоссального в этом районе прироста текущего года, конечно, не приходится.

Группировка колхозов по стоимости обобществленных средств производства, произведенная ЦСУ на основании предварительной разработки данных последней переписи, свидетельствует точно так же о низком уровне материально-техинческой вооруженности новых колхозов.

63,4% коммун, организованных в 1928 г., имеют обобществленного инвентаря стоимостью не свыше 7.000 руб., в то время как по старым коммунам к этой группе относится лишь 10,4%. Среди артелей, организованных в текущем году, 65,9% обеспечены обобществленным инвентарем на сумму не свыше 3.000 руб. против 41,8%, относящихся к этой группе по старым артелям. 15,2% новых артелей вовсе не имеют обобществленных средств производства. Из числа товариществ по общественной обработке земли, организованных в 1928 г., к группе обеспеченных обобществленным инвентарем на сумму не свыше 3.000 руб. принадлежит 91,2%, в то время как в старых товариществах к этой группе относится лишь 63,9%. 26% новых товариществ по общественной обработке земли не имеют никаких обобществленных средств производства. В составе старых товариществ к этой группе относится лишь 9,4%.

Все эти данные говорят довольно красноречиво и о причинах общего снижения степени обеспеченности колхозов мертвым и живым инвентарем. То, что является определенным преимуществом с социально-классовой точки зрения в колхозном строительстве текущего года, именно охват производственной кооперацией главным образом и прежде всего бедноты, неизбежно послужило причиной некоторого снижения общего уровня материально-технической вооруженности колхозов. В этом же направлении действовало преимущественное развитие простейшей колхозной формы—товариществ по общественной обработке земли, в которых процент обобществления средств производства наиболее низок. С точки зрения развития социалистического сектора сельского хозяйства такое положение в качестве временной, переходной стадии роста не может вызвать особых опасений. В случае же сколько-нибудь затяжного характера его совершенно неизбежен массовый развал вновь организованных об'единений и тяжелая

дискредитация идеи коллективизации в целом. Прозябание колхозов в положении мелких, хозяйственно хилых единиц не представляет никакого интереса ни с точки зрения развития производительных сил, ни с точки зрения социалистической реконструкции сельского хозяйства.

3. Дальнейшие вехи. За рационализацию коллективного сельского хозяйства.

Выше был обрисован качественный облик новых колхозов, исходя из старых как критерия. Этим, однако, нельзя ограничиться. Поднятие вновь организованных колхозов до уровня старых далеко еще не разрешение задачи. За весьма незначительными исключениями и старые колхозы не являются рационально поставленными крупными сел.-хоз. предприятиями. Проблема повышения качества весьма актуальна по отношению ко всему коллективному сельскому хозяйству. Коллективному сельскому хозяйству присущи еще весьма многие крупнейшие недочеты, что совершенно понятно, если учесть, как мало уделялось ему внимания до исторических директив XV с'езда партии.

Суммируя и систематизируя недостатки коллективного сельского хозяйства, не трудно заметить, что все они увязываются воедино в один основной узел — *отсутствие рациональной постановки в ведении хозяйства.* Сплошь да рядом это вызвано недостаточным материально-техническим вооружением колхозов, неземлеустроенностью их и т. д. Но и там, где эти моменты отсутствуют, производительность труда в колхозах, как правило, не соответствует уровню рационально поставленного крупного сел.-хоз. предприятия.

Дальнейшие вехи колхозного строительства должны поэтому быть расставлены прежде всего по линии рационализации. Надо, наконец, четко осознать, что колхозы порвут окончательно и бесповоротно со своим неприглядным положением недалекого прошлого и станут мощным действенным началом социалистического преобразования деревни лишь в том случае, если примут облик рационально поставленных крупных сельскохозяйственных предприятий.

Настоящее положение в этом отношении характеризуется достаточно ярко тем обстоятельством, что при разговоре о рационализации производства подразумевается без всяких комментариев рационализация производства в промышленности. Кто, когда учитывал и изучал динамику эффективности производства в колхозах? От случая к случаю демонстрировались эпизодические данные, случайные заметки об урожайности в колхозах,— вот и все.

Пора с этим решительно порвать. *Рационализацию производства в социалистическом секторе сельского хозяйства необходимо неотлагательно вывести из задворок случайных общих разговоров на авансцену конкретного систематического учета, анализа, плана и руководства.* Если мелкое и мельчайшее крестьянское хозяйство не поддается до коллективизации сколько-нибудь серьезной рационализации, ибо без предварительной переделки его социальной формы невозможны сколько-нибудь глубокие улучшения производственного аппарата, то рост социалистического сектора сельского хозяйства, показательность и убедительность его примера зависят всецело от того, как скоро будет развернута серьезная, глубокая рационализация производства в нем.

Рационализация производства в колхозах — неотложная боевая задача сегодняшнего дня. Ее уже нельзя откладывать. Берега недалекого прошлого, когда темпы развертывания колхозного строительства проектировались,

примерно равными темпам развития индивидуального сельского хозяйства, теперь, в период строительства под знаком директив XV с'езда партии, следует считать окончательно и навсегда оставленными. Но отсюда необходимо делать все соответствующие выводы—и прежде всего по линии рационализации производства. Об этом следует трубить, неустанно напоминать, пока не будет достигнут столь же решительный сдвиг как по развертыванию новой сети в текущем году. Темпы развертывания сети уже отвечают директивам XV с'езда партии, качественные же показатели остались порядка дос'ездовских. В игнорировании проблемы рационализации производства в колхозах, в отсутствии должного напряжения в деле ее организации сказывается наиболее вредная разновидность недоучета значения колхозов: обойдется, мол, попрежнему, чего особенно беспокоиться. Недостаточное напряжение в организации рационализации производства в колхозах — наиболее опасное практическое оформление правого уклона в вопросе о колхозах, ибо на данном этапе дальнейший ход колхозного строительства определится прежде всего тем, как скоро и насколько мы сумеем повысить его качество.

К колхозном движении поражает колоссальный процент выходов из коллективов. Согласно предварительным данным разработки семи гнезд (по материалам сплошной переписи ЦСУ СССР) процент выбывших семей и одиночек за период с 1 июня 1927 г. по 1 июня 1928 г. составлял к общему числу их на 1 июня 1927 г. в коммунах 20,6%, в артелях—22,5%, в товариществах по общественной обработке земли—24,2%. В некоторых районах процент катастрофически высок. Так, по данным «Кооперативной Жизни» (№ 238 от 12 октября с. г.), на Сев. Кавказе выбывшие составляют целых 80% старого состава. Если бы не эти массовые выходы, коллективное сельское хозяйство имело бы теперь совершенно иной, гораздо больший удельный вес.

Правда, в таком неизведанном добровольном массовом опыте, как колхозное движение, совершенно неизбежна некоторая неустойчивость. Но теперешние размеры процесса деколлективизации значительно превышают этот нормальный отсев. Пора покончить с превращением колхозов в постоялый двор, куда заезжают за временными льготами, чтобы затем вновь вернуться в более спокойное и привычное индивидуальное существование. Радикальное средство для этого только одно — рационализация коллективного хозяйства.

Коллективному хозяйству приходится прокладывать себе дорогу через многочисленные рытвины прошлого: тут и старый быт и традиции индивидуального хозяйствования. Что может коллектив противопоставить этим многочисленным рогаткам и неувязкам, если не более высокую эффективность производства? Массовые выходы из колхозов, не прекратившиеся и в текущем году, сигнализируют необходимость сосредоточения гораздо большего, чем до сего времени, внимания на проблеме рационализации коллективного хозяйства. Неустойчивость колхозов, деколлективизация обрекает на бесплодность и оказанную материальную помощь (льготы по сельхозналогу, кредиту, машиноснабжению и т. д.).

Острая актуальность проблемы рационализации производства в колхозах обусловливается также теперешним удельным весом колхозов среди об'ектов финансирования и кредитования. До недалекого прошлого оказываемая колхозам материально-финансовая помощь была весьма ничтожна. И теперь она недостаточна по сравнению с потребностью средств на гигантское дело социальной реконструкции деревни. Все же идущая на коллективизацию народнохозяйственная помощь теперь значительно больше. А это увеличивает и ответственность за рациональное использование возросших народнохозяйственных ресурсов.

Чтобы успешно провести рационализацию производства размер материально-финансовой помощи должен быть, конечно, всемерно увеличен, ибо во многих коллективах без значительного пополнения инвентаря рационализация производства неосуществима. Но одновременно необходимо поднять и эффективность использования этой помощи.

Оказываемая колхозам материально-техническая и финансовая помощь идет преимущественно по линии долгосрочного кредита. Наше народное хозяйство не так богато, чтобы предоставить им бессрочный кредит. Лишь бывший помещичий инвентарь и постройки, доставшиеся части колхозов, зачислены в бессрочный кредит. Колхозы должны, следовательно, свести концы с концами так, чтобы соблюсти кредитную дисциплину, одновременно не нарушая у себя и нормального хода расширенного воспроизводства. Совершенно очевидно, что положительное сочетание этих двух моментов возможно лишь при рациональной постановке хозяйства.

Как показывают сообщения с мест, уже теперь мы имеем группу колхозов, изнывающих «под тяжелым бременем» льготного кредита. Часть сроков погашения подвергается перманентному продлению. Тем самым завязываются народнохозяйственные ресурсы и исключается их новое использование.

Дело, конечно, не в том, чтобы об'явить соответствующую новую кампанию. Опыт рационализации производства в промышленности в достаточной степени выявил бесплодность кампанейского подхода к этому делу. Необходима систематическая, изо дня в день углубляемая продолжительная работа, работа, в которой теснейшим образом переплетается широкое массовое соревнование с систематическим учетом, изучением, отбором и распространением достижений, детальным анализом и выявлением типичных недостатков.

Рационализация производства колхозов требует совершенно особого организационного подхода. В колхозах, как организациях совершенно добровольных и самоуправляющихся, неприменимы методы администрирования. Рычаги воздействия и руководства должны быть совершенно иные. Возможность ее успешного проведения зависит больше чем где-либо от вовлечения поголовно всей массы в широкое, напряженное соревнование и производственную самокритику, от умения вызвать и организовать это соревнование, своевременно учесть, изучить ее результаты и приобщить всю колхозную первичку к ним. Это, конечно, не исключает умелого воздействия по линии кредитной политики. Чувство общественной ответственности колхозников за дело рационализации следует развивать и укреплять всеми мерами.

Решительный сдвиг по линии производительности труда в колхозах является заветной мечтой передовой, наиболее сознательной части колхозных масс. Необходимо их почин всемерно организовать и расширить. Без организационной и материальной помощи и заботливого руководства эта труднейшая задача не может быть реализована достаточно эффективно.

4. Укрупнение колхозов.

В настоящей статье мы, конечно, не имеем возможности сколько-нибудь исчерпывающе обрисовать конкретные задачи по рационализации коллективного сельского хозяйства. В скорейшую проработку и всестороннее выявление их необходимо вовлечь широчайшие круги колхозного актива. Здесь же в порядке постановки вопроса отметим лишь самые основные, совершенно неотложные для ближайшего же будущего задачи этого порядка.

Начнем с элементарнейшего из элементарных рационализаторских требований—с проблемы укрупнения колхозов. Сколько уже говорилось и писалось о нем! И широчайшие массы самих колхозников вполне осознали актуальность задачи укрупнения колхозов. Все колхозные с'езды текущего года подчеркивали неотложность укрупнения. Как будто совершенно излишне поднимать еще раз об этом разговор. Однако, как показывают вышеприведенные цифры, в результате строительства текущего года получилось не укрупнение, а дальнейшее измельчание колхозов. Практически с задачей укрупнения мы все еще не справились. Одно понимание преимуществ крупного сельского хозяйства не произвело перелома. Уменья практически добиться укрупнения не оказалось.

Проблема укрупнения колхозов действительно не так проста, как с первого взгляда кажется. Подобрать сразу при организации нового колхоза в границах селения многочисленную группу, соответствующую по численности оптимальным размерам коллектива, редко когда сразу возможно. К тому же в огромном большинстве случаев процесс коллективизации совершается самотеком, без достаточного руководства. Точно так же и слияние уже возникших мелких коллективов, т.-е. огромного большинства наших теперешних колхозов,—как правило, крайне затруднительно. Мешают отличия и в отношении организации хозяйства, и в отношении степени обобществления и системы распределения, оплаты труда, управления и т. д. Наконец, друг возле друга расположенных колхозов—ничтожное меньшинство. В лучшем случае соседство измеряется пределами одного селения. В таком случае слияние все же сопряжено с ликвидацией межколхозной чересполосицы, т.-е. новым землеустройством. Новое землеустройство же, особенно там, где оно только-что закончено, не так-то легко осуществить.

Как же быть в таких условиях с совершенно неотложной задачей массового укрупнения колхозов? Не останется ли укрупнение и впредь лишь благим пожеланием? Совершенно очевидно, что вышеуказанные препятствия окажут и впредь в том или другом сочетании свое действие.

Прежде всего опять-таки следует сугубо подчеркнуть, что укрупнение колхозов не может быть проведено в порядке административного нажима. Поползновения к этому имели в текущем году кое-где место, но их следует осудить. Ведь, допускаем мы,—и даже всячески стимулируем, руководствуясь кооперативным планом Ленина,—возникновение и рост еще более примитивных форм кооперирования, чем мелкие колхозы. Укрупнение колхозов, правда, основное условие их дальнейшего роста. Оно ни в коем случае, не может быть впредь предоставлено вольной игре стихии. Но не плоским административным нажимом добиться реализации укрупнения.

Если непосредственное массовое слияние мелких колхозов невозможно, следует, очевидно, выявить массовую организационную форму их постепенного слияния. Кстати, прообраз такой формы перерастания мелких колхозов в крупные уже выдвинут практикой колхозного строительства последних лет. Мы имеем в виду кустовые и групповые об'единения.

Пока еще эти новые формы укрупнения получили небольшое распространение. Не вполне ясен также вопрос о месте их в колхозной организации. *Но по всем данным явствует, что именно в них мы имеем искомый путь к массовому укрупнению колхозов.* Поэтому уточнением лица и значения кустовых и групповых об'единений следует неотложно заняться.

Начнем с небольшой аналогии. В основу организации новых зерновых совхозов положен принцип двухчленности: экономии—совхоз. Разбивка на несколько дробных единиц — экономий — позволяет каждому совхозу сочетать выгоды значительного сокращения внутрихозяйственного транспорта

с преимуществами общего использования индустриально-технических установок и общего управления. Такой тип организации наиболее рационален для сельскохозяйственного предприятия зернового направления.

Переходя к колхозам, следует прежде всего констатировать, что многообразие форм и типов этих добровольных и самоуправляющихся организаций не позволяет им перестроиться прямолинейно непосредственно в оптимальное сельскохозяйственное предприятие типа новых зерновых совхозов. История с укрупнением достаточно убедительно показывает, насколько хлопотливо и сложно это дело. Но совершенно бесспорно, что колхозное строительство следует ориентировать именно в этом направлении.

Как должно применительно к этой задаче уточняться место кустовых и групповых об'единений в колхозной системе? В настоящее время кустовые об'единения охватывают преимущественно территорию селения, групповые—территорию административной единицы (района, волости). Такой территориальный размах следует признать в общем вполне соответствующим задачам постепенного построения оптимальных размеров колхозного предприятия. В настоящее время кустовые и групповые об'единения, особенно последние, являются надстройкой над колхозной низовкой, обслуживающей некоторые общие потребности ее, но без изменения ее внутренней организации. С этого, очевидно, целесообразно начинать. Но ориентация все же должна быть иная. *Если мы хотим построить действительно рациональные крупные колхозные предприятия, то кустование следует ориентировать на окончательное сращивание первоначально лишь частично об'единяемых коллективов.* Если употреблять аналогию с зерновыми совхозами, куст должен превратиться в колхозную экономию, группа—в единое мощное сельскохозяйственное предприятие.

Завершение построения такой организации, конечно, не дело ближайшего будущего. На первое время неизбежно сохранение существования отдельных колхозов в качестве самостоятельных организаций. *Но в качестве подготовляющих слияние организаций кустовые и групповые об'единения следует признать за то звено, за которое следует немедленно ухватиться, чтобы вытянуть всю цепь укрупнения колхозов.* Об'единяя на первых порах самостоятельные колхозы вокруг общего использования кустовой агрономии и счетного инструктажа, групповой тракторной колонны, ремонтных мастерских, предприятий по переработке с.-х. сырья, автотранспорта, группового инструктажа по строительству и машиноиспользованию, составлению технических смет и производственных планов, — следует тут же ориентировать работу на подготовку слияния и перехода к общим органам управления.

Опять-таки необходимо подчеркнуть, что подготовка к слиянию и нарастание значения кустового центра должны итти рука об руку с осознанием колхозными массами необходимости этих мер. *Элементы бюрократической опеки сверху, игнорирование или недостаточное развертывание инициативы входящих в куст колхозных масс в направлении роста куста и группы к полному слиянию—наиболее ошибочный подход к этой величайшей важности проблеме колхозного движения на данной стадии.*

Мы здесь исходили из аналогии с новыми зерновыми колхозами. Что же касается пригодности для ориентации в районах зернового направления. Что же касается других сельскохозяйственных районов, то по ним не имеется и приблизительных моделей районного оптимума сельскохозяйственного предприятия. Это необходимо здесь сугубо подчеркнуть. Отсутствие четкой перспективы—

одна из причин недостаточного напряжения в деле укрупнения колхозов. Нельзя дольше откладывать в долгий ящик проработку этого вопроса. Без районных оптимумов крупного коллективного сельскохозяйственного предприятия невозможно четкое уточнение лица кустовых и групповых об'единений в разных районах. Кустование и организацию групповых об'единений нельзя строить повсеместно по одному шаблону. Оно должно быть теснейшим образом увязано с районным оптимумом сельскохозяйственного предприятия. Поскольку массовое распространение практики кустовых и групповых об'единений является ударной задачей ближайшего будущего, не может быть дольше отсрочена и эта подготовительная к нему работа.

Эта, казалось бы, чисто технического характера проблема имеет сугубо принципиальное значение. Ее разрешение можно передать только действительным друзьям социалистической реконструкции советской деревни. Если за определение районных оптимумов колхозного крупного с.-х. предприятия возьмутся неонародники, столь охотно подвизающиеся по вопросам экономики сельского хозяйства, то, очевидно, окажется, что никакого укрупнения вообще не требуется. Тем более пора взяться за настоящее, практическое ее разрешение.

(Продолжение следует).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

ГОРДЕЕВ, Г. С., проф.—«Обезземеливание американского фермера». Изд. «Новый Агроном». Москва. 1928 г. Стр. 241. С 10 картограммами в тексте. Цена 2 руб. 90 коп.

В предлагаемой читателям книге т. Г. С. Гордеев ставит задачей «проследить судьбу американского фермера». Я попытался с особенным вниманием заполнить тот пробел,—пишет Г. С. Гордеев,—на который указывал еще Ленин. Он писал, что «зависимость фермеров от финансового капитала могла бы,—и должна бы—была обратить на себя внимание исследователей. Но эта сторона вопроса, несмотря на ее громадную важность, осталась в тени». (Ленин, том IX, стр. 264). [1]). Бесспорно, что в книге, изучающей процессы дифереициации в сельском хозяйстве в свете зависимости фермеров от финансового капитала, нуждается аграрная марксистская литература. Появление такой работы надо приветствовать. И совершенно правильно методически поступает автор, стремясь исследовать названные проблемы на примере С.-А. С. Ш.—«...Соединенные Штаты не имеют равного себе соперника ни по быстроте развития капитализма в конце XIX и начале XX века, ни по достигнутой уже им наибольшей высоте его развития, ни по громадности площади, на которой применяется по последнему слову науки оборудованная техника... Эта страна—во многих отношениях образец и идеал нашей буржуазной цивилизации» [2]). В качестве об'екта изучения Америка перед другими странами представляет также и то преимущество, что «в Соед. Штатах каждые десять лет производится перепись населения (цензы)... Получается такой точный и богатый материал, какого нет ни в одной стране» [3]). А так как мелкобуржуазные ревизионистские, народнические и неонароднические теории вызрели преимущественно на фоне мелкого крестьянского земледелия и все их доводы против теории концентрации покоятся исключительно на материалах Запада—России, то отсюда совершенно ясно, каким орудием являются американские цензы в руках марксиста, и не менее ясно также, почему Ленин в схватке с ревизионистами (Давид, Суханов и др.) и народниками впервые использовал американские цензы [4]). Тем не менее,

---

[1]) См. рецензируемую книгу, стр. 5.

[2]) Ленин, том IX, стр. 197.

[3]) Ibidem, стр. 198.

[4]) Крестьянское мелкобуржуазное производство—и в странах с ярко-выраженными товарно-капиталистическими отношениями (Германия, Дания и др.), и в странах с преобладанием полунатуральных элементов (Россия, Польша, Румыния и т. д.)—в балансе народного хозяйства сохранило свою реальную значимость. Это обстоятельство дало повод мелкобуржуазной ревизионистской науке и ее разновидности сделать два принципиальных вывода:

1) Сельское хозяйство избежало операцию, испытанную кустарно-ремесленной промышленностью и мануфактурой.

2) Капитализм в отношении сельского хозяйства не выполнил предначертанной ему Марксом исторической миссии. И, таким образом, марксова теория концентрации, так блестяще оправдавшаяся в промышленности, потерпела фиаско в сельском хозяйстве, осталась непригодной для этой сферы.

Н. Суханов, однако, пошел дальше других. Он взял на себя смелость доказать несуществующее, т. е. то, что, несмотря на глубоко захваченное капиталом сельское хозяйство С.-А. С. Ш., во-первых, подавляющее число ферм в Соед. Штатах принадлежит к трудовым и что, во-вторых, шансы трудового хозяйства на Севере вследствие разлагающегося земледельческого капитализма—крупных ферм—вырастают с каждым годом. Говоря иначе, идет неуклонный процесс вытеснения капиталистического производства в сельском хозяйстве «трудовым»... Ленин с полным основанием выводы Гиммера—Суханова называл «издевательством над истиной», и Владимир Ильич убедительнейшим образом доказал несостоятельность принципиальных соображений Гиммера. Гордеев целиком подтвердил сделанные 14 лет назад выводы Ленина.

книги, специально посвященной исследованию динамики социальных антагонизмов в сельском хозяйстве на примере высокоразвитой капиталистической страны и под углом зрения влияний на эволюцию сельского хозяйства финансового капитала,—у нас нет. Вот этот пробел и стремится заполнить Г. С. Гордеев.

II.

С внешней стороны книга Гордеева распадается на три части. В 1-й (5 глав) рассматриваются проблемы концентрации в с. х. и диференциации фермеров, при чем первая интересная глава затрагивает «распределение» земельных ресурсов и угодий между различными социально-классовыми группами и прослойками. Попутно вскрывается «демократическая» аграрная политика федерального правительства в истории раздач и распродажи земли. Две последние главы касаются динамики цен на землю и состава фермеров. Во II части из 7 глав 5 посвящены исследованию арендных отношений. В этих двух частях собственно и заключается основа рецензируемой работы, т.-е. здесь дано все то, что соприкасается с анализом расслоения фермеров. В III части 1 глава—«Послевоенный сельскохозяйственный кризис»—служит дополнением к изложенному в двух первых частях работы. Остальное под общим заголовком «Приложение» намечает экономические с.-х. районы в Соединенных Штатах. Эта незаконченная работа по районированию на первый взгляд может показаться самостоятельной и мало связанной с основной работой. Однако, при более внимательном рассмотрении совершенно очевидно, что намеченные Гордеевым экономические районы тесно примыкают к основным главам книги, вполне согласуются с курсом всей работы. В конце книги изображены в цифрах: 1) история сельского хозяйства в Соединенных Штатах (с 1850 по 1925 г.), 2) оценка задолженности фермеров в 1920 г. по штатам и районам и 3) банкротство фермеров за 1910—27 гг. по штатам и районам Северо-Американских Соединенных Штатов. Такова внешняя характеристика книги проф. Г. С. Гордеева.

III.

Центральное место в книге, как сказано, занимает анализ социально-экономических связей в сельском хозяйстве или анализ тех «внешних» и «внутренних» факторов, которые формируют природу фермерского хозяйства, воздействуют на структуру производственных отношений в земледелии С.-А. С. Ш. В плоскости такой постановки следует остановить внимание читателя на некоторых вопросах, проанализированных автором и, на наш взгляд, представляющих существенный интерес. Прежде всего следует обратить внимание на историю раздела, распределения и захвата земель в Соед. Штатах в прошлом, отчасти определившую в дальнейшем направление развития социальных отношений в сельском хозяйстве. Эволюция сельского хозяйства в С.-А. С. Ш. отличается во многом от эволюции его на Западе и в России, и в первую очередь форсированным темпом капитализации сельского хозяйства. Настойчивые попытки англичан перенести социально-экономические «условия своей страны на континент Америки» (22) натолкнулись на решительное сопротивление американцев. Революция и отделение Америки от Англии—последний освободительный удар по Англии, когда экономическая и политическая инициатива целиком перешла в руки федерального правительства.

Бурный процесс проникновения капитала в сельское хозяйство ускорил в нем развитие товарных отношений, что повлекло за собой небывалую спекуляцию землей. Спекуляция же способствовала процветанию крупной земельной собственности, концентрации земли в руках с.-х. буржуазии. «Выработался почти неизвестный в Европе тип фермера. Особенность фермера

заключается в величине его хозяйства, в его подвижности, в его спекулятивных склонностях» (22). «800 фермерам был задан вопрос: если бы вы полагали, что вы могли бы в городе заработать больше денег, чем в деревне, сколько бы из вас продали фермы?—За немногими исключениями, все ответили, что они продали бы свои фермы» (цитирую по Гордееву). И ничего удивительного нет в том, что «земля превратилась в обычный товар» (23), т.-е. как средство спекуляции и наживы, в одном случае, и как средство отделения производителя от средств производства,—в другом. С точки зрения анализа концентрации и разорения фермеров чрезвычайно важно подчеркнуть это обстоятельство, т.-е. то, что горячка спекуляции землей—явление не последних 3-х десятилетий,—момент наивысшего расцвета промышленного и с.-х. капитала. Спекуляция землей и тенденция буржуазии отхватить лучшие участки уходят глубоко корнями в историю, а начало «собирательной» земельной вакханалии относится к XVII столетию. В это время европейцы волнами вливались на континент Америки, захватывали силой у краснокожих освоенные ими плодородные земли. По словам Гордеева, буржуазный историк вынужден признать ненаказуемость варварства цивилизованных европейцев,—«жестокая борьба между белыми и индейцами,—пишет историк,—вызвала вражду и предубеждение, которое затемняло значение краснокожих. Дружба белых людей с краснокожими была, обычно, гибельна для последних... и никогда индейцам не были оплачены и не могут быть оплачены (!) земли, которыми они совершенно бесспорно владели 300 лет тому назад» [1]). Позднее (в XX в.) федеральное правительство пыталось, однако почти безрезультатно, воспрепятствовать спекуляции, нормировать произвол целых компаний, скупающих и даже огораживающих землю [2]). Но, поскольку правительство от времени до времени прибегало к продаже крупных участков, постольку оно само способствовало спекуляции. «На протяжении всей истории Соединенных Штатов,—говорит Гордеев,—земля захватывалась капиталистами под различными предлогами. Организовывались специальные компании для скупки земли, возникали железнодорожные компании специально для того, чтобы получить миллионы акров плодороднейших земель... Так как демократия Соед. Штатов была демократией капитала, то капиталисты изобретали всякие прикрытия для беззастенчивого грабежа общественных земель» (14). Распродажа, незаконный захват и раздача общественных земель не противоречили интересам капитала. Наоборот, такая государственная политика вытекала из господства капитала; она (политика) способствовала быстрому накоплению крупных состояний, подготовляла почву для массовой пролетарской армии, столь нужной промышленному капиталу. Таким образом, история развития земельной собственности и государственной политики С.-А. С. Ш.,—на что Г. С. Гордеев обратил значительно больше внимания, чем мы имеем в литературе до сих пор,—проливает свой яркий свет на эволюцию и характер концентрации, помогает ближе осознать «судьбу американского фермера».

Разумеется, что суть вопроса заключается не только и не столько в выяснении своеобразия эволюции социальных отношений в отличие от других стран, и даже не столько в том, какой отпечаток наложила «история прошлого» на последующие классовые взаимоотношения в С.-А. С. Ш.

---

[1]) Цитирую по Гордееву, стр. 8.

[2]) В качестве частичной меры пресечения спекуляции правительство издало в 1841 г. закон на предмет облегченной покупки земли переселенцами. Затем закон о «гомстэдах», по которому на каждого переселенца выделено было по 160 акр. за небольшую плату. Но и закон о гомстэдах, непосредственно облегчающий положение мелкого фермера, использован был в большей мере капиталистами. «Под гомстэды было отведено всего лишь 248 млн. акров, в то время, как подлежало заселению 1.308 млн. акров» (12).

Такой анализ устанавливает лишь общие черты развития общественных отношений в сельском хозяйстве, дает общие предпосылки к исследованию явлений и фактов в конкретных условиях.

Именно так и ставит вопрос Г. С. Гордеев. Давая в первых главах книги оценку правительственной политики, как классовой политики, характеризуя распродажу и раздачу земель, как «демократию» внедряющегося в сельское хозяйство капитала, которому в земледелии нужен не меньший простор, чем в индустрии,—автор таким путем подходит к исследованию вопроса «обезземеливания американского фермера».

Продемонстрируем цифры, решительным образом опрокидывающие выводы мелкобуржуазных экономистов о том, что «трудовое» хозяйство якобы вытесняет крупное производство и что концентрация капитала в сельском хозяйстве идет в Соед. Штатах на убыль.

Процентное распределение арендованной земли по количеству акров во владении[1]).

	Меньше 100 акр.	Меньше 200 акр.	200 акр. и больше.	500 акр. и больше.	1000 акр. и больше.	2500 акр. и больше.	Всего.
Число землевладельцев:							
1900 г.	44,0	77,7	22,2	2,9	0,6	0,08	100
1920 г.	24,9	63,2	36,7	6,9	1,4	0,17	100
Число арендованных ферм:							
1900 г.	38,2	62,2	30,8	8,1	3,1	0,87	100
1920 г.	20,9	53,5	46,4	14,9	5,1	1,61	100
Площадь под арендованными фермами:							
1900 г.	14,9	76,3	53,6	18,0	7,8	2,9	100
1920 г.	7,1	33,3	66,6	28,8	9,5	2,8	100
Ценность арендованных ферм:							
1900 г.	18,6	51,4	48,5	14,0	—	1,5	100
1920 г.	7,6	36,6	63,3	21,9	7,6	2,3	100

Группировка по ценности ферм[2]).

	Меньше 5000 долл.	5000—9999	10000 и больше.	25000 и больше.	75000 и больше.	250000 и больше.
Группировка землевладельцев, владеющих аренд. фермами, по ценности	24,5	17,2	58,3	31,4	7,3	0,6
Ценность всех врендованяых ферм, прияадлежащих собствеиииками в размере	2,2	7,5	93,3	77,1	37,6	8,9

Из первой таблицы для Северных Штатов совершенно очевидно резкое сокращение арендаторов ферм меньше 100 акров и сильное увеличение фермеров, имеющих 200 и свыше акров. Но группировка по посевной площади все-таки скрадывает элементы концентрации и расслоенности фермеров. Этот процесс представлен значительно резче и ярче во 2-й таблице, группируемой по ценности ферм всех САСШ. Здесь на 24,5% арендованных

[1]) См. стр. 39.
[2]) Ibidem, стр. 41.

ферм до 5.000 долларов приходится 2,2% ценности от всей ценности
ферм. В то время, как владения по ценности 25.000 и больше долларов чи-
сленностью 31,4% сосредоточивают в своих руках 77,1% ценности. Иначе
говоря, отношение владельцев арендованных ферм ценностью меньше
5.000 долларов к владельцам арендованных ферм цен-
ностью 25.000 и свыше долларов будет примерно 4/51
суммарная ценность же в том и другом случае составит
отношение 1/35. Не менее ярко подчеркивается концентрация на при-
мере 2 последних групп численностью—7,9%; ценность владений у них
превышает ценность первой группы (численностью 24,5%) в 18 раз. При этом
надо отметить тот знаменательный факт, что темп концентрации в сель-
ском хозяйстве в последнее десятилетие возрастает в высших группах:
«...число владельцев с 5-ю и свыше фермами увеличилось на 3%» (42).

С другой стороны, размер кредитных отношений и задолженность фермеров—прекрасный показатель зависимости фермера от финансового капитала. В С.-А. С. Ш. в интенсификации сельского хозяйства кредит сыграл огромную роль. Фермер, втянутый в капиталистические отношения, как и промышленный предприниматель, нуждается в кредите. Кредит выручает фермера. Но если крупный фермер-буржуа использует кредит в целях усиления и совершенствования с.-х. предприятий, то мелкий фермер, связавший свою судьбу с финансовым капиталом, обычно несет все тнжести долговых обязательств: высокий % кредита ложится тяжелым бременем на его хо-
зяйство, а напряженность бюджета кредитом отнюдь не ослабляется. В пе-
риод же неустойчивых кон'юнктур и кризиса благодаря кредиту и задолжен-
ности происходят массовые банкротства, в первую очередь банкротства
падают, конечно, на мелких фермеров.

Нижеследующие таблицы особенно ярко изображают картину задолженности [1]) и банкротства фермеров:

Годы:	Число заложеи. ферм в тысячах.	%% залож. ферм ко всем собств.	Темп роста заложенных ферм.	Темп роста только собственных [2]).
1890	874	27,8	100	100
1900	1093	30,0	123	115
1910	1312	33,2	150	125
1920	1461	37,2	162	125
1925	1395	36,1	159	128

Годы.	Число банкротств.	Годы.	Число оанкротств [3]).
1910	676	1922	5996
1914	1249	1923	7608
1918	1207	1924	7833
1919	997	1925	7833
1920	1363	1926	7772
1921	3236		

[1]) «По оценке Департамента Земледелия, вся задолженность фермеров на
1920 г. рввнялась 8,556 милливрдов... Секретарь земледелня Золлес оценнвал в 1924 г.
долг в 10 млрд. долл. Для 1927 г. Уоррен оценивает задолженность в 12—15 миллиар-
дов долларов». Но этот долг «пвдвет только нв кредит под залог... Остается совсем
неизвестная суммв краткосрочного кредитв, получаемого фермерами от торговцев,
банкиров, нз магазинов с.-х. машин, удобрений и т. д. без залога» (47—48).

[2]) См. стр. 52.

[3]) См. стр. 195.

Займы шли на выкуп и покупку земли, на производственные расходы и текущие хозяйственные нужды. Умалить значения кредитов в интенсификации сельского хозяйства нельзя. Но как бы ни было велико значение с.-х. кредита в рационализации сельского хозяйства, надо со всей категоричностью подчеркнуть то, что для мелкого фермера, частично и для крупного, в период напряженных кон'юнктур и с.-х. кризисов «кредит превращается в свою противоположность. Он непрерывно увеличивает долг фермера и число заложенных ферм, обостряет классовые противоречия между отдельными группами фермеров, а равно и фермерами в целом и финансовым капиталом. Одним словом, кредит усиливает расслоение фермеров и концентрацию капитала в сельском хозяйстве. В самом деле, несмотря на смягчение с.-х. кризиса, вернее полоса кризиса (1920—1925 гг.) почти миновала, банкротства фермеров неуклонно возрастают, достигнув в последние годы колоссальных размеров.

Буржуазные экономисты, благословлявшие аренду—им казалось, что аренда не естественное следствие буржуазного способа производства, а явление, присущее особой интеллектуальной эволюции фермера [1])—вскоре убедились в непригодности своих теорий и в необходимости изыскания мер и средств в борьбе с увеличивающимся числом арендаторов. Исходным пунктом в этом предприятии должны были послужить с.-х. кредит и регулирование арендных договоров. Другими словами, в лице банковского капитала буржуазное правительство обрело «*покровителя*» фермеров, участь которых при содействии кредита должна быть облегчена: кредитуясь фермер получает материальную базу для перехода из контингента арендаторов к контингенту собственников. Замена краткосрочного арендного договора долгосрочным—второй совершенно радикальный путь в оздоровлении арендных отношений. Т.-е. вместо устранения аренды буржуазное правительство Соедин. Штатов создало наиболее благоприятные условия для развития аренды. Поэтому, как и следовало ожидать, «буржуазные проекты оздоровления» аренды привели к прямо противоположным результатам. «Деятельность банков с.-х. кредита не уменьшила числа арендаторов и не облегчила им превращения в собственников. Наоборот, повышение земельных цен все больше заставляет арендаторов при покупке земли прибегать к кредиту» (50)... Законодательные «гарантии не имеют ничего общего с устранением аренды, они скорее ее поощряют» (178). Однако, эксплоатация фермера не исчерпывается зависимостью его от финансового капитала и землевладельца. К ним надо присоединить промышленный и торгово-посреднический капитал. «Элеваторные компании,—пишет Г. С. Гордеев,—расценивали качество привозного хлеба сознательно ниже, чем он был на самом деле. В результате этой операции элеваторные компании много зарабатывали за счет фермеров, так, например, вместо купленных 99 тысяч бушелей пшеницы 1-го сорта отправлено было 198 тысяч буш., а вместо 141 тыс. бушелей 2-го сорта—467 тыс. буш.» (181). «Еще более грабительской может считаться практика продажи фруктов. По свидетельству национального союза фермеров, ящик яблок продавался потребителю за 5 долл., а фермер получал за него только 1 долл., 18 центов, из которых одна упаковка обходилась фермеру 40 центов...

[1]) Буржуазные ученые в течение длительного времени об'ясняли аренду или «личными качествами» фермера, неумевшего продвинуться в ряды собственников, или «теорией лестницы» (Спильман и др.)... «С.-х. аренда рассматривается, как метод приобретения земли» (Грей). Прежде, чем доверить землевладельцу ферму, его учат на практике хозяйству. Аренда, таким образом, «оказывается ступенью или школой, через которую проходит фермер, превращающийся потом в собственника» (170). Названые теории имели успех у буржуазного общества до того времени, пока оно убедилось в том, что прогрессивный, возрастающий арендатор—явление чрезвычайно нежелательное. При краткосрочности же арендного договора, это явление вдвойне нежелательно ни для государства, ни для фермера.

оказывается, что из доллара за фрукты садовод получил 3 цента, биржа 12, транспорт 21 и посредник 35» (182) [1]).

«Промышленность, банки, железные дороги и торговля» (183) в тесном контакте и единым фронтом выступают против разрозненного фермера, обирают фермера, высасывают из него соки. «По расчетам сенатора Брукхорта одни только фермеры потеряли в период инфляции и дефляции (послевоенный кризис. *А. С.*) около 32 миллиардов (!), т.-е. на 8 миллиард. больше, чем стоила вся война» (184).

Так «хорошо» живется в первую голову, конечно, мелкому фермеру в стране цветущего капитализма, именно в той стране, на которую обращены вожделенные взоры прочих буржуазных стран. Америка—страна господствующего мирового капитала, служит образцом всему буржуазному миру не только гигантским развитием промышленности, небывалым темпом роста добывающей и обрабатывающей индустрии, но и грандиозным размахом капитализации сельского хозяйства. Полоса «великих аграрных реформ» [2]), вызванных революцией 1918—19 гг. на Западе (Румыния, Польша, Чехо-Словакия, Финляндия, Латвия и т. д.) воспроизводит более или менее удачно знаменитую реформу Столыпина. Многие из них, если верить некоторым буржуазным экономистам, не мечтают, а самым серьезным образом надеются пересадить к себе выгодное американское сельское хозяйство, хотят успокоить этим крестьянина. Что ж, все может быть. Может быть и так, что Румыния, Польша и др. реализуют подобные иллюзии. Пока же известно, что, жадным взором глядя на Америку (именно только—глядя), многие из буржуазных стран раздражают «*условные рефлексы*» и глотают обратно вызванную таким опытом слюну. Эксперименты совсем не завидные! Но незавидно обстоит дело и там, куда в смиренной позе воздеваются руки с мольбой к доллару. В самом деле, что следует из предыдущего анализа? Следует то, *что наряду с растущей концентрацией и укрупнением форм с.-х. производства, усиливается зависимость фермера от банковского и промышленно-посреднического капитала. Классовый антагонизм среди фермеров благодаря воздействию на них финансового капитала увеличивается и усложняется. Весь этот сложный комплекс классовых противоречий рушится на голову фермерства, раздирает его на части,—происходит процесс массового разорения фермеров.*

Г. С. Гордеев исследовал, в каких «муках» рождается «прогресс» сельского хозяйства в самой богатейшей индустриальной стране, каких огромных жертв стоит фермеру интенсификация сельского хозяйства, какой дорогой ценой покупает он рационализацию земледелия. Но отсюда вытекает и другая, в высшей степени поучительная мораль.

[1]) Вот что пишет Бук о 70-х гг. (стр. 14, «The Grange Movement»): «То, что железнодорожная проблема подошла наиболее вплотную к фермеру, об'ясняется высотой тарифов. Ставки ж.-д. тарифов были вообще высоки. Когда фермер Айовы сжигал кукурузу, как топливо, так как она была дешевле угля, ибо она стоила 15 центов бушель в то время, как на востоке кукуруза продавалась по 1 доллару за бушель,— то он чувствовал в этом что-то неправильное (!), и, естественно, обвинял жел. дороги в лихоимстве».

[2]) Известный буржуазный экономист Запада, проф. Зеринг, квалифицировал аграрную реформу Румынии, как «великую реформу», мало в чем уступающую революционной реформе в России. Среди буржуазных ученых такое мнение имеет не мало сторонников. Основной же смысл подобного умозаключения состоит в том, что без особых «*потрясений*» и «*катастроф*» можно приблизиться по масштабу и характеру отнюдь не к меньшим результатам, чем в СССР. Этот путь тем более оправдывается, если потом не за горами шансы на предмет введения фермерского типа хозяйства—идеал буржуазии.

Вместе с тем, дорогостоящий прогресс в сельском хозяйстве САСШ не в состоянии максимально развернуться. Он встречает на своем пути величайшие препоны в виде высокого банковского %, грабительских ж.-д. тарифов, бешеного роста ренты. Здесь, несмотря на большие завоевания природы в сельском хозяйстве, он наталкивается на одно из тех существенных противоречий, на которое в свое время указывал Маркс. Он писал: «Один из великих результатов капиталистического способа производства заключается в том, что он превращает земледелие из чисто эмпирических и механических наследуемых методов наименее развитой части общества в сознательное применение агрономии... Но в то же время земельная собственность—одна из величайших помех рациональному землевладению, потому что фермер избегает всяких улучшений, которые целиком не возвратятся до истечения срока аренды» (Маркс, т. III, ч. 2, стр. 157, 160). Прогноз Маркса остается правильным и вполне приложимым и к Америке — стране демократического капитализма в сельском хозяйстве, где, за исключением рабовладельческого юга, землевладение с самого начала закреплялось на буржуазных началах. Проблемы «устойчивого арендного договора», цен на землю, кредитования фермера и т. п., встают во всей своей остроте перед буржуазным правительством. Насущность этих проблем не может быть преуменьшена, поскольку они доставляют беспокойство и хлопоты не только пролетаризирующемуся фермеру, но и непосредственно правительству, стоящему на страже интересов буржуазии, на страже постоянного «прогресса» национального хозяйства, в частности сельского хозяйства. Прогресс сельского хозяйства в буржуазных условиях исключается, во всяком случае замедляется, поскольку целые армии и притом арендаторов мелких с каждым годом увеличиваются; все они лишены гарантии в прочности положения на арендованной земле. Одни из них не желают, другие просто не могут (потому что не имеют) вкладывать капиталы в землю. С.-х. кредит, при помощи которого буржуазное правительство надеялось вытащить из нужды арендатора и укрепить экономическое положение фермера, как видно, имеет два конца. В руках крупного фермера кредит — мощное орудие технической реконструкции хозяйства. В руках мелкого фермера все выгоды с.-х. кредита, в большинстве случаев, сводятся к перекрытию хозяйственных нужд. Но зато в период напряжения кон'юнктур, с.-х. кризиса, приходит жестокий час расплаты для дебитора,— сотни тысяч фермеров вылетают в трубу. Железнодорожные тарифы, элеваторные компании, торгово-посреднические компании, прочие неустранимые условия буржуазных отношений ложатся тяжелым бременем на плечи фермера, отнюдь не содействуют прогрессу сельского хозяйства в САСШ.

Все эти факты и явления, вскрытые Гордеевым в своей работе, столь же характерны для буржуазного способа производства, сколь и поучительны. Мы видим, что в могущественной и «благодатной» стране доллара, в стране, щедро наделяющей, правда, за хороший %, золотом Европу, фермер задыхается под игом капитала и землевладельца; фермер обречен на массовую пролетаризацию. С другой стороны, *дело не только в том, что перенасыщенное капиталом сельское хозяйство в ходе эволюции испытывает постоянные встречные толчки и затормаживается в своем развитии, но и в том, что под'ем вверх или так называемый прогресс сельского хозяйства, не имеет безграничной перспективы, а постоянно наталкивается на непреодолимые препятствия, находится в тисках углубляющихся противоречий капиталистического общества. В этом основная мораль, которую следует вывести из книги Гордеева.*

Подводя итог несколько затянувшейся рецензии, нельзя обойти молчанием напрашивающегося вопроса—кстати, с него и начата рецензия,—на

основании каких же данных люди и по сей день утверждают с давних пор, что в Соед. Штатах, как в Зап. Европе и России, происходит неизбежный процесс вытеснения крупных форм производства мелкими, буржуазного производства—«трудовым»? Те из буржуазных и мелкобуржуазных экономистов, которые сознательно игнорируют или извращают марксизм, понятны: о них и речь молчит. Не менее понятны также те из них, кои для моды или по «иным» соображениям заигрывают с марксизмом. Иначе обстоит дело с теми «*добросовестными*» ревизионистами, которые, «дополняя» или «углубляя» Маркса (Маслов, Суханов и др.), во многих случаях в оценке эволюции сельского хозяйства мало чем отличаются от апологетов буржуазного порядка.

Трагедия «добросовестных» ревизионистов заключается в том, что они вслед за буржуазными и мелкобуржуазными экономистами не проводят правильного расчленения между однородным процессом капитализации сельского хозяйства и разнородными формами проявления этого процесса [1]).

Итак, если поставить вопрос в плоскость исторической борьбы между буржуазной и мелкобуржуазной идеологией по вопросу о диференциации и концентрации, с одной стороны, и марксистской—с другой; если принять во внимание, что такая борьба не закончилась, скорее резко обострилась, равно как в условиях диктатуры пролетариата борьба с буржуазными и мелкобуржуазными взглядами далеко не потеряла своего значения, скорее становится наиболее актуальной; если при случае вспомнить «*эру великих аграрных реформ*» (Румыния, Польша, Финляндия и т. д.), претендующих на «*социальную справедливость*», на самом же деле ориентирующихся на усиленное развитие кулацкого хозяйства, беря за образец САСШ,— если представить все это, то станет ясно, какой интерес приобретает книга Г. С. Гордеева, изучающая классовые антагонизмы в сельском хозяйстве на примере высокоразвитой капиталистической страны, т.-е. той страны, где капиталистические отношения в сельском хозяйстве во многих штатах проявляются в чистом виде—путь, на который рано или поздно, с тем или иным отличием должны встать, если будут здравствовать, прочие буржуазные страны. Помимо того, что Гордеев вскрыл динамику соотношений классовых сил в сельском хозяйстве, в своей книге автор вслед за Лениным показал полную сочетаемость социального анализа с производственным—проблема, которую буржуазная экономия не ставила.

Жаль только то, что в связи с трактовкой понятий об об'еме хозяйства и проч. автор не усилил методологию теории концентрации в сельском

[1]) Буржуазные и мелкобуржуазные экономисты и не в меньшей степени ревизионисты в обосновании «*своеобразия*» законов эволюции сельского хозяйства ссылаются на многообразие и разносторонность типов сел. хозяйства. И все они без исключения, равно и не признающие «особенности» сельского хозяйства, за внешней разнородностью форм просматривают *единый и однородный* процесс подчинения сельского хозяйства капиталу. Отсюда вместо того, чтобы разнородный по форме процесс с.-х. производства методологически свести к уяснению однородности тенденции капитала, вместо того, чтобы подойти к охвату содержания явления по признакам социально-классовым,—«буржуазные и мелкобуржуазные теоретики, увлеченные «многосторонностью» и «сложностью» форм сельского хозяйства, классифицируют эти формы по техническим показателям. Сваленные таким образом в одну кучу, социально-экономические типы хозяйства измеряются одинаковыми критериями, при чем экономические критерии и технические показатели здесь не претерпевают изменения в зависимости от изменения производственных форм, благодаря чему, на ряду с недопустимым толкованием под одной рубрикой различных социально-экономических классовых форм, создается ложное представление об об'еме хозяйства. Так, хозяйства с малой площадью считаются мелкими, «трудовыми», предавая забвению процесс концентрации капитала на единицу земельной площади, когда хозяйство с небольшой площадью получает не меньший доход, чем с большей площадью. Например, «молочная ферма в 211 акр., зерновая—330 акр. и куроводная—12 акр., получили соответственно валовой доход: 7.733 долл.; 6.551 долл. и 5.356 долл.». (См. Гордеев, стр. 25).

хозяйстве. Вслед за этим надо бы избегать истолкования с.-х. производства в виде оптимального соотношения средств производства и труда в сельскохозяйственном предприятии, так как ревнители мелкого хозяйства, не желая признать превосходства за крупным, когда это бывает им доказано, ссылаются на «оптимальный» размер хозяйства, как технически наиболее совершенный тип; в то же время под рубрикой оптимального соотношения факторов производства совсем не разграничивают понятий между трудом, землей и капиталом. Ни в том, ни в другом Гордеева нельзя обвинить. Термин «оптимальный» имеет здесь частное назначение, между ним и анализом экономических категорий нет органической связи. Тем легче его из'ять из словесного обихода. Напрасно также Г. С. Гордеев не выделил в конце книги обобщающую главу: главу не просто резюмирующую,—хотя при обилии фактического и эмпирического материала и при множественности проблем, затронутых автором, когда каждая глава становится, как бы самостоятельной работой, сделать резюме совсем было бы не плохо,—а включающую в себя принципиальные выводы, спаянные единой идеей, проходящей через всю работу.

Эти замечания ни в какой мере не умаляют содержания книги; они имеют отношение больше к внешней чеканке изложения и меньше к внутренней стороне работы.

Книга Гордеева, к слову сказать, являющаяся «отчетом» о командировке в Соединенные Штаты, представляет собою ценный вклад в марксистскую аграрную литературу.

А. Сивогривов.

ПАРКЕР ТОМАС МУН.—«Империализм и мировая политика». ГИЗ. 1928 г. Перевод Вольского. Предисловие Е. Пашуканиса. Стр. 430, цена 4 р. 50 к.

Работа американского профессора Муна представляет собой типичный образчик мелкобуржуазной критики империализма. Подобно известному социал-пацифисту, автору «Империализма» Гобсону, Мун дает яркое описание империалистической политики, но весьма беспомощен в своих теоретических построениях и еще более в выводах и предложениях. Все, что он может сказать после того, как дал блестящую картину гнуснейшей эксплоатации колоний, это выразить надежду, что человечество, наконец, поймет «неприглядные факты своекорыстного империализма и на его месте, может быть, удастся воздвигнуть здание, в котором национальный интерес будет умещаться рядом с гуманным интернационализмом» (стр. 426).

Единственная ценность книги—в ее огромном фактическом материале. Правда, Мун рассматривает проблему империализма почти исключительно в разрезе колониальной экспансии «великих держав» и их взаимной борьбы за колонии и полуколонии.

Структура империализма, борьба интересов в Европе — остались фактически вне рассмотрения автора. Таким образом, работа по существу является историей колониальной политики в эпоху империализма. Нужно отметить, что ряд проблем, затронутых автором был уже сравнительно полно освещен в нашей марксистской литературе. Достаточно отметить работы покойного Павловича («Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего», «Борьба за Азию и Африку» и др.), Ф. Ротштейна «Захват и закабаление Египта», далее Роза Люксембург в «Накоплении капитала» посвятила блестящие страницы описанию завоевания Алжира и Египта и т. д.

У Муна, однако, с одной стороны, все факты об'единены и сведены в одной работе и доведены до самого последнего времени, с другой, Мун останавливается и на событиях, мало известных у нас. Так, он приводит очень

интересные факты о борьбе за острова Тихого океана, о завоевании Индо-Китая, Бирмы, взаимоотношения с Сиамом и т. д. Безусловно, работа Муна принесет огромную пользу нашему читателю. У нас очень хорошо разбираются в теории империализма, но не всегда знакомы с конкретными фактами. В этой книге читатель найдет исчерпывающую картину колониальной экспансии, эксплоатации колоний и борьбы за колонии за последние 50—60 лет.

Теории империализма автор посвящает всего несколько страниц. Как мы уже говорили, теория Муна отличается полным убожеством и эклектизмом. Хотя автор и указывает, что в основе империализма лежат экономические интересы, экономики империализма он не понимает. Он считает, что в империализме заинтересовано лишь меньшинство капиталистов, в первую очередь владельцы хлопчатобумажных и металлургических фабрик и заводов. Правда, он в дальнейшем должен признать, что в империализме заинтересованы еще импортеры сырья, банкиры, судовладельцы и, наконец, фабриканты оружия и военного снаряжения. Фактически, таким образом, даже исходя из муновской концепции, в империализме «заинтересованы» крупнейшие группы буржуазии. Но для Муна вообще не понятна сама сущность империализма, поскольку он считает, что империализм есть всего-навсе только «политический контроль». Проблемы монополий, финансового капитала, экспорта капитала совершенно не фигурируют у автора в теоретическом обосновании империализма. Непонимание автором проблемы империализма наиболее ярко видно из того, что на ряду с экономическими причинами он считает, что империалистическая политика современных государств ведется под влиянием «миссионеров, командующего состава армии и флота, дипломатов, колониальных чиновников, исследователей-авантюристов и т. д.» (стр. 25—27).

Таким образом, основной тезис автора сводится к тому, что империализм является не неизбежной стадией развития капитализма, а политикой, в которой заинтересована лишь небольшая часть буржуазии. Но, если государства ведут империалистическую политику лишь под влиянием «ничтожного меньшинства предпринимателей», то каким образом последним удается подчинить своей воле весь государственный механизм страны? Здесь, об'яснения Муна типичны для мелкобуржуазного исследователя. Он считает, что «большинство населения подчиняется империалистически настроенному меньшинству благодаря теориям и идеям, распространяемым пропагандистами империализма» (стр. 27).

Перечень этих идей поистине великолепен! Это не более не менее, как в первую очередь «страх, являющийся основным фактором империалистической мировой политики» (стр. 28). По мнению автора, население современных государств все время живет под страхом, что на него могут напасть. Под влиянием этого страха, население готово поддержать всякое военное выступление для завоевания колоний, чтобы обеспечить себя сырьем на время войны, для овладения морскими базами, угольными станциями, нефтяными источниками и т. д., и т. д. Не менее «существенны» все остальные аргументы, которые мы только перечислим: это «идеи избыточного населения, вытекающие из инстинкта самосохранения, идеи экономического национализма и национального престижа, воздействующие на стадные инстинкты толпы, и своего рода наступательный альтруизм (взять на себя цивилизацию населения колоний. *М. И.)*, удовлетворяющий нашему врожденному чувству гордости» (стр. 28). Не приходится указывать, что все эти аргументы действительно фигурируют на страницах буржуазной бульварной прессы и этими аргументами «Дейли Мейль» и т. п. газеты об'ясняли и об'ясняют необходимость интервенции в Китае, завоевания Марокко, выступления в Никарагуа и т. д. Действительно эти «идеи», кое-где и действуют на мелкого

буржуа, но придавать им «научное значение», видеть в них основную причину возможности проведения империалистической политики, для этого нужно быть типичнейшим социал-пацифистом, скользящим лишь по поверхности явлений. Мы не будем останавливаться на полемике с теоретическими упражнениями автора. Они не заслуживают никакого внимания. Необходимо обратиться к фактической стороне работы тем более, что здесь, излагая отдельные эпизоды из истории империалистической колониальной политики, автор гораздо правильнее определяет причины тех или иных явлений. Описательная часть работы построена очень удачно. Автор не придерживается хронологического порядка, а рассматривает проблемы в географическом разрезе. Беря один за другим, области колониальной экспансии, он рассматривает их историю со средины XIX века до последнего времени. Получается, таким образом, законченный очерк в отношении каждого отдельного об'екта империализма.

Автор начинает свое изложение с Африки. В первую очередь он дает историю «свободного государства Конго».

Известно, что Конго после завоевания было отдано во владение бельгийского короля Леопольда, провозгласившего себя в 1885 году сувереном этого «свободного» государства. Хозяйничание Леопольда по своей невиданной жестокости обратило на себя внимание и вызвало резкую критику даже со стороны международной буржуазии. Методы эксплоатации этой колонии, которую бельгийский король должен был в «интересах международного альтруизма цивилизовать», являются, однако, типичными для всякой империалистической колониальной политики. Здесь и государственная монополия на сбор каучука и слоновой кости, здесь и введение налогов, чтобы заставить местное население работать на плантациях, здесь и применение принудительного труда и т. д. Словом, все знакомые атрибуты империалистической практики в колониях. Если же эти методы вызвали такое возмущение во всем мире, то это потому, что «жадничавший» Леопольд перешел всякие границы эксплоатации, принятые в колониях, и свою «цивилизаторскую» миссию проводил недостаточно тонко. Достаточно отметить, что за время короткого хозяйничания Конго дало Леопольду 20 миллионов долларов чистой прибыли. В настоящее время Конго является одной из богатейших колоний. Здесь открыты колоссальнейшие залежи меди, производится добыча алмазов, и, наконец, Конго представляет крупную сырьевую базу для химической промышленности. Не даром нынешний король Бельгии Альберт в 1924 году заявил, что «главные надежды Бельгии связаны с развитием Конго» (стр. 44). Характерна борьба, которая ведется между крупнейшим английским мыловаренным трестом «Левер» и бельгийскими фирмами в Конго. Леверу удалось добиться в Конго концессии на монопольное право на сбор и обработку пальмовых орехов, и, конечно, это не по вкусу бельгийским фирмам. Характерно, что Мун, излагая эту борьбу, должен признаться, что «всякий империализм стремится к монополии» (стр. 45).

Затем, автор подробно останавливается на истории колониальных завоеваний Западной Африки и Восточной Африки. История Западной Африки блестяще была описана недавно в работе Э. Бернс «Империализм в Западной Африке». Описания колониальной политики в Нигерии, на Золотом Берегу, Сиерре-Рионе и Гамбии являются блестящей иллюстрацией ленинской теории империализма. В упомянутой работе Бернса дана яркая картина английской эксплоатации этих колоний. Здесь мы находим и эксплоатацию населения путем неэквивалентного обмена, и бесчеловечную эксплоатацию рабочих на плантациях и рудниках английских компаний, скупку монополистическими организациями по баснословно дешевым ценам сырья у туземного крестьянства и т. п. Мун, однако, останавливается главным образом на политической истории колоний. При этом он опирается почти исключительно на работы

английских исследователей. Не приходится поэтому удивляться, что он восхваляет английские методы эксплоатации этих колоний и считает, что они стоят гораздо выше «леопольдовской системы». Без всяких комментариев и скорее даже одобрительно он цитирует слова английского колониального деятеля, полные цинизма, о том, что, «когда африканский туземец получает стимул к работе, он работает так, что иногда приходится только удивляться» (стр. 64). Мун забывает только добавить, что этот «стимул» создается у туземца благодаря колоссальным налогам, низкой заработной плате и т. п. методам утонченной эксплоатации, применяемым более опытными, чем бельгийцы, английскими колонизаторами.

В отношении Британской Восточной Африки, состоящей из трех старых английских колоний и одной бывшей германской колонии Танганайка, Мун также ограничивается больше изложением истории завоевания этих колоний и взаимоотношений между Англией и Германией. О действительном положении Британской Восточной Африки гораздо лучше, чем по работе Муна, можно судить по книге английского Рабочего Исследовательского Бюро «Империализм в Восточной Африке». Известно, что в Восточной Африке англичане прибегли к экспроприации земли у туземного населения без всякой компенсации. Этот факт должен признать и Мун, который пишет, что маленькая горсточка европейцев владеет 10.000 кв. миль, в то время, как 2.000.000 африканцев имеют в своем распоряжении только 5.000 кв. миль, Мун также должен подчеркнуть, что англичане ввели высокий душевой налог на туземцев для того, чтобы заставить последних отрабатывать его на английских плантациях. Но за всем тем Мун значительно смягчает действительные факты. Далее Мун недостаточно подчеркивает огромное значение, которое приобретают в настоящее время колонии Восточной Африки для Великобритании. В силу климатических условий в Восточной Африке возможна широкая иммиграция белого населения. Благодаря плодородию почвы Восточная Африка имеет огромную будущность в отношении снабжения метрополии хлопком, кофе и т. д. Кроме того, Восточная Африка является своего рода мостом, соединяющим южно-африканские владения Англии с Египтом. С приобретением германской колонии в Восточной Африке осуществлена идея Сесиля Родса о создании сплошного английского владения от Каира до Капштадта. В настоящее время в Англии серьезно заняты вопросом об образовании нового доминиона Восточной Африки, чтобы таким образом окончательно закрепить за собой богатейшую бывшую германскую колонию Танганайка, на которую в настоящее время Англия имеет лишь мандат Лиги Наций. Мун, между прочим, приводит интересный факт, характеризующий методы империалистической политики. Между германской довоенной колонией в Восточной Африке и южно-африканскими владениями Англии находится португальская колония Мозамбик. Великобритания и Германия делали неоднократно попытки приобрести у Португалии эти владения. «Когда же,—пишет автор,—Португалия не выразила никакого желания продавать свою колонию, Англия и Германия в 1913 году заключили договор о разделе Мозамбика без согласия Португалии. Мировая война разразилась как раз во-время, чтобы предупредить окончательное подписание этого Маккиавелиевского трактата» (стр. 74). Таким образом, бесцеремонность империалистов одинаково распространяется как на колонии, так и на самостоятельные суверенные государства, каковым считает себя Португалия. Справедливость требует отметить, что Англия, освободившись от своего невольного союзника, сама подчинила себе португальскую колонию, правда, сохранив ее формально за Португалией.

Затем автор переходит к изложению истории завоевания Судана. Этот раздел имеет сугубый интерес, ибо в Судане разыгрался эпилог многовекового колониального соперничества между Англией и Францией. Судан имеет

огромное политическое значение. Тот, кто владеет Суданом, господствует и над Египтом, так как в Судане можно отрезать Египет от снабжения водами Нила. На Судан и Египет в конце 80-х годов метили одновременно и Франция и Англия. Для Франции завоевание этих областей означало бы возможность создания грандиозной колониальной империи, включавшей бы в себя всю Северную Африку. Для Англии Египет был необходим в целях контроля над Суэцом. Кроме того, Египет является связывающим звеном между Великобританией и Индией. Без укрепления в Египте британский империализм не может быть спокоен за Индию. Мун посвящает блестящие страницы описанию движения двух экспедиций в Судан: одной французской под командой Маршана, двигавшейся из французского Конго на северо-восток в Судан, другой—английской под командой Китченера, продвигавшейся на юг из Египта (стр. 87). Встреча враждебных колонн произошла в знаменитой отныне нильской деревушке Фашода осенью 1898 г. Дело чуть ли не дошло до военного конфликта, но Франция, в конце-концов, уступила. Это была громадная победа английского империализма. Англия решила, однако, не использовывать до конца свою победу над Францией. Она ограничилась лишь укреплением за собой Египта и Судана, но зато предоставила Франции право захватить другие участки в северной Африке. Для Муна, однако, недостаточно ясны причины уступчивости Англии. Он считает, что, «так как Франция пошла на унижение и капитулировала без всяких условий, Сольсбери согласился обсудить конкурирующие английские и французские притязания в Судане» (стр. 89). Причины уступчивости Англии лежали гораздо глубже. Для Англии французский империализм уже не представлял серьезной опасности. Между тем, на мировой арене появлялся новый грозный враг — Германия. Идя навстречу Франции, Англия тем самым стремилась приобрести нового союзника для неизбежной борьбы с могущественным соперником — германским империализмом. Именно с этого времени начинается сближение между Англией и Францией, вылившееся через несколько лет в англо-французское «сердечное соглашение».

Автор затем останавливается на английской политике в Судане. После завоевания Судан формально стал «кондоминиумом», т.-е. находится под общим управлением Египта и Великобритании. Фактически же, и это должен признать и автор, даже после того, как Египет получил в 1922 г. «независимость», «Суданом продолжают управлять британские чиновники так, как они управляли им в течение четверти столетия» (стр. 91). Английскую политику в Судане Мун трактует абсолютно ложно. С одной стороны, он почему-то считает, что в Судане «британский империализм проявил себя с своей наилучшей стороны», между тем как известно, что нигде цинизм и жестокость английского управления не давали себя так знать, как в Судане и Египте. С другой, автор недооценивает экономическое значение Судана для Великобритании, особенно важность Судана для разведения хлопка, благодаря которому англичане хотят в некоторой степени освободиться от зависимости от Соед. Штатов.

Следующий раздел Мун посвящает империалистической политике в остальных частях Африки. Автор останавливается на южно-африканской проблеме, на завоевании Алжира, Туниса, Марокко, Египта и Ливии. Давая очень интересный фактический материал, автор и здесь не может отказаться от своего двойственного отношения к колониальной политике империалистических государств. Местами он подвергает острой критике методы завоевания колоний. Так, говоря о завоевании Египта, автор ядовито замечает: «Высадка армии на иностранной территории обычно не считается общепринятой законной процедурой, н о б р и т а н с к и е г о с у д а р с т в е н н ы е л ю д и, п р и в ы к ш и е п р и к р ы в а т ь с в о и д е й с т в и я п о ч т е н н о й м а н т и е й з а к о н н о с т и, изображали захват Египта, как поступок вызванный т р е б о в а н и я м и с п р а в е д л и в о с т и, п р а в а и б е с к о р ы с т и я». (Стр. 138. Разрядка моя. *М. И.*). Эта характеристика британского империализма является чрезвычайно меткой. Далее, говоря о притязаниях Италии на Триполитанию, автор пишет, что итальянцы обосновывали свое право отвоевания этой провинции у Турции, «главным образом потому, что древний Рим владел некогда северной Африкой!» (Стр. 131). Но на ряду с этим автор считает, что «под французским протекторатом в Тунисе, несомненно, был восстановлен порядок и благосостояние населения значительно поднялось» (стран. 115) или что «захват Марокко неизбежно вытекал из психологии империализма». (Стр. 116).

После того как автор дал исчерпывающую картину завоевания Африки, он переходит к анализу империалистической политики в Азии. В первую очередь Мун останавливается на ближневосточной проблеме. Он довольно подробно анализирует вопрос о борьбе за Багдадскую железную дорогу. Но и здесь, в об'яснении этой борьбы, он часто прибегает к весьма поверхностным аргументам. Так, экспансию Германии в Малую Азию, начавшуюся примерно в конце 80-х годов, т.-е. с переходом к монополистической фазе, автор об'ясняет тем, что, вступивши на престол в 1888 году, Вильгельм II «был горячим сторонником империалистического символа веры и старался приобрести для Германии возможно больше территории». (Стран. 147). Между тем, Германия, поздно вступившая на путь колониальных захватов, видела в концессии на Багдадскую железную дорогу путь для подчинения себе Малой Азии и Месопотамии вплоть до Персидского залива. Англия никогда не могла бы допустить, чтобы между Индией и Египтом вклинился мощный германский империализм. Не даром многие исследователи считают, что «среди факторов, приведших к войне между Германией и Англией, Багдадской железной дороге, несомненно, принадлежит первенствующее место». (Г. Зиновьев «Война и кризис социализма». Соч. т. VIII, стр. 317). Некоторая двойственность политики Англии в отношении этой германской концессии, двойственность, которая непонятна Муну, об'ясняется тем, что Англия также боялась проникновения в Малую Азию России и видела в укреплении Германии в Турции противовес захватнической политике России. Поскольку, однако, Германия являлась более опасным врагом, Англия в конце-концов, несмотря на то, что почти накануне войны был достигнут компромисс относительно Багдадской железной дороги, вступила на путь вооруженного конфликта с Германией. Для Муна совершенно непонятно, что центральной проблемой войны явилось соревнование между Англией и Германией. Он скорее считает, что интересы английских, французских и германских капиталистов в Малой Азии могли бы быть согласованы, но Россия никогда бы не согласилась с таким положением и «не почувствовала себя удовлетворенной до тех пор, пока не получила бы Константинополя»! (Стран. 158).

Следующая проблема в Азии, которую рассматривает автор, это англо-русское соперничество на Среднем Востоке. Автор дает историю продвижения России в Средней Азии, историю политики Англии и России в Персии и Афганистане и подробно останавливается на знаменитом соглашении 1907 года, ликвидировавшем все спорные тогда вопросы между Россией и Англией. Это чрезвычайно важное соглашение положило начало тройственному согласию. Автор, однако, и здесь не проявляет понимания истинных причин состоявшегося соглашения. Он об'ясняет это и тем, что в России после учреждения Думы наступил либеральный режим, и английские либералы, стоявшие тогда у власти, не чувствовали уже к России старой ненависти, и тем, что назначенный русский министр иностранных дел Извольский «был твердо убежден, что Россия жизненно заинтересована в союзе с Англией», и т. п. аргументами. Между тем, как общеизвестно, причины, побудившие

Англию пойти на соглашение с Россией, были гораздо более серьезного свойства. Разбитая и ослабленная благодаря японской войне Россия надолго уже не могла явиться опасным соперником Англии на Среднем Востоке и не представляла собой уже угрозы для индийских владений Англии. В то же время Англия, верная своей традиционной политике, искала нового союзника для полного окружения своего опаснейшего врага—Германии... И так же, как девять лет ранее после поражения Франции при Фашиде, Англия отказалась от окончательного унижения Франции с целью привлечь ее на свою сторону, так и теперь, после ослабления России, Англия решила пойти ей на уступки и уладить долголетние споры в Средней Азии. Пойти на соглашение Англия могла тем легче, что все эти уступки делались за счет третьих государств: Персии и Афганистана, которые отныне фактически теряли свою самостоятельность.

Описания империалистической политики в Южной Азии, под которой автор понимает Индию и Индо-Китай, относятся к наиболее интересным в работе Муна. Он дает очерк английской политики в Индии, при чем здесь он подчеркивает в первую очередь экономические интересы Англии. Любопытны данные, приводимые автором относительно государственного аппарата Индии. В 1913 году из 2.501 наиболее крупных административных постов в Индии только 10% занимали индусы. Таким образом, фактически вся администрация находилась в руках английских чиновников. Нужно при этом отметить, что это давало и крупный доход английской бюрократии. Из вышеуказанных постов са́мый низший оплачивался 7.000 ф. ст. в год.

Дав довольно яркую картину эксплоатации Индии, Мун все же воздерживается от каких-либо выводов. Он ограничивается лишь указанием, «что индийская проблема далеко не проста» (стран. 208). И тут же солидаризуется с мнением реакционного крыла английской буржуазии, что возможно, что в случае получения Индией самостоятельности, ее «экономическое положение ухудшится, страна распадется на отдельные части, начнется гражданская война, кровопролитие» (стран. 208) и «прочие ужасы», которыми пугают английские твердолобые сторонников самоопределения Индии. Автор понимает напряженное положение Индии, он сам считает, что «только разумные уступки смогут предотвратить революцию», но сделать из этого вывод о необходимости самостоятельности Индии он не решается.

Очень много интересного содержат разделы, посвященные завоеванию французами Индо-Китая, англичанами Бирмы и борьбе за получение контроля над независимым королевством Сиамом. Методы колониальной политики Франции в Индо-Китае соответствуют обычным приемам империализма. При этом и французские империалисты в первую очередь подчеркивали свою «цивилизаторскую миссию» по отношению к туземцам. Характерны, однако, цифры, приводимые автором относительно постановки дела народного образования в этих колониях. В то время как в независимом Сиаме на каждую тысячу населения 60 детей посещают школу, во французских колониях Индо-Китая соответствующие цифры составляют: для Кохинхины—20, для Аннамы—7 и для Камбоджы—5. Эти цифры говорят сами за себя.

Главы, посвященные Дальнему Востоку, содержат общеизвестные факты и не дают ничего нового по сравнению с имеющейся уже у нас обширной литературой. Проблемы японского империализма Мун трактует в своем обычном духе. Он считает, что «реальными причинами японского империализма является главным образом жажда наживы со стороны японских капиталистов, агрессивных милитаристских групп и патриотизм простого народа». (Стран. 265). И как всегда, автор выражает надежду, что в Японии, в конце-концов, восторжествуют либеральные партии и что вместо агрессивного военного империализма выступит на сцену «более мирно настроенный экономический империализм». Пока же автор должен констатировать

жесточайшую эксплоатацию японским империализмом Кореи и других колоний.

Богатейший фактический материал читатель найдет в главе об островах Тихого океана. Проблема Тихого океана является в настоящее время одной из важнейших проблем империализма. Центр тяжести мирового хозяйства все более переносится к Тихому океану. Здесь же завязывается узел будущих конфликтов и военных столкновений. Мун дает описание малоизвестных событий, связанных с завоеванием островов Тихого океана и борьбы между великими державами за стратегические и экономические опорные пункты Тихого океана.

Отсюда автор вплотную подходит к проблеме империализма Соединенных Штатов. Если в отношении европейского империализма автор придерживался довольно ярко выраженных критических взглядов, правда, местами смягчая свою критику и отказываясь от каких-либо слишком резких выводов, то в отношении Соединенных Штатов Мун абсолютно теряет свою «об'ективность». Уже в начале своей работы он подчеркивает, что «Америка еще до сих пор не усвоила европейский империализм». (Стран. 20). Спохватившись, однако, что удивленный читатель может спросить: а интервенция в Мексике, Никарагуа, в Кубе и т. д. и т. д.?—автор скромно замечает, что эти «империалистические авантюры совершались вашингтонскими чиновниками и нью-йоркскими дельцами, но Америка все еще не усвоила себе политики открытого, вдохновенного и агрессивного империализма, мечтающего о захвате колониальных владений во всем мире». (Стран. 21). Это определение американского империализма уже с самого начала заставляет с недоверием относиться к изложению захватнической политики Соединенных Штатов. И действительно, Мун, говоря об империалистической политике Соединенных Штатов в Тихом океане и в Латинской Америке, всюду старается затушевать факты и не останавливается даже перед тем, чтобы извратить изложение действительных событий. Методы американской экспансии, однако, настолько ярки, что даже в передаче их автором можно себе составить стройную и законченную картину системы американского империализма. Мы остановимся лишь на нескольких примерах хозяйничания американского империализма, чтобы показать неверную трактовку Муном этих проблем. Политику Америки в отношении Филиппин автор считает «чрезвычайно либеральной». По мнению Муна, «отличительной особенностью американского режима было то, что филиппинцы чрезвычайно быстро получили сперва частичное, а затем более широкое самоуправление». (Стран. 289). Между тем, политика Соединенных Штатов по отношению к Филиппинам является характернейшим образчиком методов империалистического управления. Известно, что после американо-испанской войны, в результате которой Испания должна была отказаться от Филиппин, Соединенные Штаты обещали Филиппинам полную самостоятельность. Это обещание правительство Соединенных Штатов клятвенно подтверждало при каждом удобном случае. Наконец, «великий демократ» Вильсон выступил на выборах 1912 года с платформой немедленного об'явления независимости Филиппинских островов, как скоро возможным станет организация там «устойчивого правительства». Вопрос заключался только в том, что называть устойчивым правительством, и так как «определять» должны были Соединенные Штаты, то они, конечно, не торопились. Когда же в 1924 году жители Филиппин напомнили недавно избранному президенту Кулиджу, что пора реализовать неоднократно дававшееся обещание, Кулидж разразился грозным ответом. Мун приводит интересную выдержку из этого ответа, в котором американский президент подчеркивал, что «один уже тот факт, что делегаты пред'являют подобное ходатайство, показывает неподготовленность филиппинцев к независимости». (Стран 291). Однако, полный текст

этого обращения Кулиджа дает еще более яркую характеристику буржуазного лицемерия. Мы процитируем из «Нью-Йорк Таймс» (6-го марта 1924 г.) некоторые места из этого замечательного документа. «Президент считал, что, хотя филиппинский народ сделал чудесные успехи за последнюю четверть века, филиппинцы не настолько богаты и опытны, чтобы взять на себя тяжелое бремя, которое легло бы на них при политической независимости. Их мировое положение таково, что без американского протектората у них появилось бы искушение поддерживать многочисленные и дорого стоящие дипломатические представительства и ненужные сухопутные и морские силы... Если же придет время, когда станет ясным, что независимость была бы полезна для народа Филиппин, и если к тому времени филиппинский народ пожелает получить полную независимость, то не приходится сомневаться, что американское правительство и народ с радостью на это согласятся».

Конечно, за нежеланием предоставить самостоятельность Филиппинам стоят реальные экономические интересы американского финансового капитала, успевшего захватить в свои руки основные нити народного хозяйства Филиппин. Мун это должен признать, но делает он это в весьма своеобразной форме. «Нельзя отрицать,—пишет он,—что за сохранение американского режима говорят известные экономические соображения». (Стран. 241). Что это «экономические соображения» лишь американских трестов и банков, об этом автор скромно умалчивает. Верный своей природе, он считает, что «экономические соображения не смогут на долгое время придушить ту о г р о м н у ю в е р у в самоопределение, которая уже переделала карту Европы, а теперь приводит в движение и нации Востока». (Разрядка моя. *М. И.* Стр. 292). Комментарии, как говорят, излишни!

Мы не будем останавливаться на трактовке Муна политики Соединенных Штатов в Центральной и Южной Америке. Излагая довольно подробно историю завоеваний, интервенций, карательных экспедиций Соединенных Штатов в Кубе, Порто-Рико, Никарагуа, в Гаити, Сан-Доминго, Мексике и т. д., автор, как мы уже говорили, старается затушевывать факты неприкрытой империалистической политики Соединенных Штатов. В этом отношении история империализма Соединенных Штатов гораздо правильнее изложена в работе Скотта Ниринга и Иосифа Фримана —«Дипломатия доллара», вышедшей на русском языке несколько лет назад.

Борьбе за Южную Америку автор посвящает всего несколько страниц, несмотря на то, что она имеет огромное значение в отношении развития англо-американского соперничества. Автор должен признать широкую экспансию Соединенных Штатов в Южной Америке и постепенное подчинение ими формально самостоятельных южно-американских государств. Мун все же считает вполне возможным в будущем создание равноправного панамериканского союза. Для этого нужен только такой «пустяк», чтобы «общественное мнение Соединенных Штатов освободилось от захватнического духа, отказалось от политики палки и дипломатии доллара и стало обходиться с латино-американскими нациями не как с протеже, а как с союзниками». (Стран. 346). В полном противоречии с приведенными ранее примерами огромной экономической заинтересованности Соединенных Штатов автор считает, что основным препятствием для создания равноправного союза американских государств «служат не материальные интересы, а психологический фактор—национальная гордость, являющаяся матерью империализма». (Стран. 346).

В последнем разделе своей работы автор останавливается на Лиге Наций и ее мандатах. Мун дает подробное описание мандатной системы распределения мандатов между государствами, характеристику отдельных категорий мандатов и т. д. Этот раздел весьма полезен для понимания послевоенных методов империалистического господства над колониями и полуколониями.

Автор не может скрыть от читателя, что фактически различные системы мандатов прикрывают под разнообразными юридическими формами прямое господство Англии, Франции и других держав над колониями и областями, принадлежавшими до войны Германии и Турции. Несмотря на перечисленные самим автором все «прелести» режима мандатной системы, он все же считает, что мандатная система Лиги Наций стоит гораздо выше «старого империализма» и что благодаря этой системе удастся «все более и более подчинять империализм воздействию гуманных принципов и международного общественного мнения». (Стран. 393).

Наконец, автор переходит к выводам. Он приводит несколько таблиц, показывающих распределение современных колониальных владений между главными государствами. На основе этих данных он приходит к заключению, что «современные колониальные империи далеко не соответствуют рангу, мощи, престижу и индустриальным потребностям их обладателей» (стр. 398). Но сделать отсюда единственно правильный вывод о неизбежности новых войн за новый передел мира он, конечно, не в состоянии. Правда, Мун не относится к числу тех, которые подобно современной социал-демократии, считают, что в настоящее время наступила эра пацифизма и новые империалистические войны невозможны. Взгляды Муна в этом отношении гораздо правильнее и честнее. В своем предисловии он прямо пишет, что «вопреки ходячему представлению история империализма еще далеко не закончена и после раздела между союзниками германских колоний. Кульминационный пункт его еще не достигнут и окончательная развязка еще не ясна. И м п е р и а л и с т и ч е с к о е с о п е р н и ч е с т в о н и к о г д а н е п р о я в л я л о с ь с т о л ь р е з к о, к а к п о с л е в е л и к о й в о й н ы. В настоящее время мы вступаем в период напряженного международного экономического соперничества, когда проблема империализма еще более обостряется...». Но подобно всякому социал-пацифисту, он все же ставит вопрос: «выгоден ли империализм?» И, конечно, отвечает, что империализм невыгоден, что нации могут обойтись без него. Однако, тот фактический материал, которым оперирует в своем заключении автор, говорит против него. Останавливаясь на проблеме колоний, как рынков сбыта, он должен указать, что в настоящее время колониальный товарооборот составляет от 25—30% международной торговли. Эти данные отнюдь не преувеличены. По новейшим подсчетам (см. интересную заметку Л. Гай «Роль колоний в мировой торговле» в № 8—9 ж. «Мировое хозяйство и мировая политика», за 1928 г.), процент торговли колоний и полуколоний к оборотам всей мировой торговли составлял в 1913 г. 21,3, а в 1926 г. 28,6, достигнув внушительной цифры в 18 миллиардов долларов. Мун также должен подчеркнуть, что метрополии стремятся монополизировать торговлю колоний в своих руках и что в большинстве случаев им это удается. Так, Соед. Штаты, имевшие в 1900 г. 8% филиппинского импорта, в 1923 г. имели 57,5%. Франция поставляет 63% алжирского импорта, 65% тунисского и 78% мадагаскарского. На Бельгию падает 56% импорта колонии Конго и т. п. Но на ряду с этим автор приводит данные, которые как будто бы противоречат положению о преимуществах метрополии в колониях. Так, он указывает, что Канада покупает у Великобритании только 18% своего импорта, а у Соед. Штатов—57%, и т. п. Для автора просто непонятно, что в данном случае «Англию побивает тоже монополия, тоже империализм, только другой страны» (Ленин. «Империализм»). Далее, в отношении значения колоний, как источников получения сырья и рынков приложения капитала, Мун также должен признать их большое значение для метрополии. Но все же у автора есть в запасе аргумент, который, по его мнению, должен быть решающим для отказа от колониальной политики. Он считает, что все возможные выгоды от владения колониями не покрываются

теми расходами, которые приходится нести стране для завоевания колоний, для покрытия дефицита по их управлению, для поддержания войск и т. д. Но несколькими страницами далее он приводит сам характерный довод против своей концепции. «Издержки империализма,—пишет Мун,—падают на всех вообще налогоплательщиков, между тем как прибыль от колониальных рынков достается тем корпорациям, фирмам и отдельным лицам, которые ведут дело с колониями» (стр. 405). Здесь весьма метко формулирована сущность империалистической политики. Все тяготы колониальных авантюр, милитаризма и маринизма финансовый капитал перекладывает на плечи широких масс, сам же использовывает монопольную прибыль от грабежа колоний и полуколоний.

И после всего Мун все же не теряет надежды, что правящие классы, в конце-концов, поймут всю ненужность империалистической политики, и без всяких революций наступит на земле царствие мира и гармонии.

Этим можно было бы ограничить разбор капитальной работы Муна. Необходимо лишь остановиться на отношении Муна к Советскому Союзу. Мелкобуржуазная психология автора находит свое проявление и в трактовке им международной политики СССР. С одной стороны, он должен признать, что политика советов направлена к освобождению колоний и полуколоний «от позорного ярма европейского империализма» и что политика Советского Союза уже вызвала «среди азиатских народов рост самосознания, стремление к самоопределению и протест против европейского империализма» (стр. 187). С другой стороны, однако, он считает советскую политику своеобразной формой «красного империализма» и утверждает, например, что в отношении Монголии «Россия обнаружила даже большую агрессивность, чем цари». В этом отношении Мун находится полностью на поводу у империалистической буржуазии, которая всегда ставит знак равенства между империалистической царской политикой и пролетарской интернациональной политикой Советского Союза. Но такова судьба всех мелкобуржуазных социал-реформистов: быть на деле слепым орудием в руках империализма.

М. Иоэльсон.

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ НА 1929 ГОД

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

„ПРОЖЕКТОР“

Под редакцией: **Н. БУХАРИНА и Л. ШМИДТА.**

„ПРОЖЕКТОР“ лучший иллюстрированный еженедельник в СССР

„ПРОЖЕКТОР“ самый большой журнал по об'ему. В каждом номере не менее 32 стр. самого большого формата.

„ПРОЖЕКТОР“ помещает на своих страницах рассказы, повести, очерки и стихи лучших советских и иностранных писателей, поэтов и журналистов.

„ПРОЖЕКТОРОМ“ обращено особое внимание на ясное воспроизведение фотографических снимков, которыми иллюстрируется значительная часть текста.

„ПРОЖЕКТОР“ следит за событиями недели и освещает их в статьях, очерках, снимках и рисунках.

„ПРОЖЕКТОР“ в каждом номере печатает не менее шести рисунков лучших советских художников и карикатуристов

„ПРОЖЕКТОРОМ“ в течение 1928 года издан ряд **специальных** номеров. Готовится к печати ряд новых специальных номеров, посвященных боевым вопросам советской общественности.

„ПРОЖЕКТОР“ уделяет много внимания советскому искусству.

„ПРОЖЕКТОР“ дает отдел „Страница Классиков“.

С 1-го НОЯБРЯ ЦЕНА СНИЖЕНА до 25 коп. за отдельный номер.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 1929 год:
на 1 мес. — **1** руб., на 3 мес. — **3** руб.,
на 6 мес. — **6** руб., на 12 мес. — **12** руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: в Главной конторе Издательства „ПРАВДА“ и „БЕДНОТА“ (Москва, 9, Тверская, 48), в провинциальных отделениях „ПРАВДЫ“, почтовых конторах и письмоносцами.